

Автор бестселлера по версии The New York Times

Джасинда Уайлдер

https://vk.com/book_in_fashion

Он - звезда кино. Секс-символ.
Она - стриптизерша...

и девственница

Стриптизерша

РОМАН

Вы спросите, как я попала в эту ситуацию? Всё просто: отчаяние. Когда ты либо сталкиваешься с бездомными и голодающими, либо раздеваешься за деньги, выбрать легче, чем можно себе представить. Правда, это не упрощает дело. О, нет. Я ненавижу это, на самом деле. Ничего в жизни я не желала больше, чем уйти и никогда не возвращаться в какой-нибудь бар снова, никогда не слышать, как пульсирует бит техно в моих ушах, никогда больше не чувствовать пристальные распутные взгляды возбужденных мужчин. Однажды я встретила мужчину. Он в моём клубе, в самом центре. Он наблюдает, как я выполняю свою рутинную работу, и его взгляд полон голода. Не тот тип похоти, к которому я привыкла. Это нечто другое. Нечто более страстное, глубокое и собственническое. Я знаю, кто он, разумеется. Каждый знает, кто такой Доусон Келлор. Он самый сексуальный мужчина по версии журнала «People». Он – самый горячий голливудский актёр. Он тот, кого выбрали на роль Ретта Батлера в долгожданном ремейке «Унесённых ветром». Он тот тип мужчины, который может заполучить любую женщину во всём мире лёгким взмахом руки. Так почему же он смотрит на меня, будто собирается завладеть мной? И как мне сопротивляться ему, когда он смотрит на меня своими отравляющими, переменчивыми, подвижными глазами? Я девственница, а он – американская икона мужской сексуальности. Я стриптизёрша, а он мужчина, привыкший получать всё, что хочет. И он хочет меня. Я знаю, что мне следовало бы сказать нет, я знаю, что он худший игрок... но что известно моему разуму, мое сердце может не знать. А затем все запуталось...

• Посвящение •

«Друг подобен хорошему бюстгальтеру — его трудно найти, он удобен, всегда поддержит и поднимет настроение, никогда не подведет и не бросит, и он всегда находится близко к вашему сердцу»

Автор неизвестен.

Посвящается Лее, Таре и Найре

За то, что были хорошими лифчиками

• Глава 1 •

— Ни одна из моих дочерей не свяжется с таким непристойным и грешным занятием, как танцы, — говорит мне папа с горящими глазами. — Это отвратительно, непристойно и совершенно развратно. Я видел этих танцовщиц... этих блудниц, занимающихся в этой так называемой академии. Ты не пойдешь туда.

Я широко раскрываю глаза и сдерживаю порыв закричать и топнуть ногой. Мне шестнадцать, и я леди. Леди не топают ногами. По крайней мере, мама так говорит.

— Ну папочка, пожалуйста. Пожалуйста. Я не буду делать ничего такого. Я буду вести себя прилично, обещаю. Просто ... пожалуйста. Пожалуйста, пожалуйста, разреши мне танцевать, — я сжимаю руки и падаю на колени, глядя на него щенячьими глазками.

Он колеблется, я чувствую это.

— Грей, я не одобряю танцы. Бог не одобряет танцы.

Мама приходит на помощь:

— Эрик, ты ведь знаешь, что в Священном Писании не говорится об этом. Ты ведешь себя как старый сварливый динозавр. Давид танцевал перед Господом. В псалмах в нескольких местах упоминаются пляски в честь Господа, — она подходит к папе и кладет руку ему на плечо. — Наша дочь отличает хорошее от плохого, и ты это знаешь. Она всего лишь хочет благословить Бога, пользуясь талантом, которым Он ее одарил.

— Пожалуйста, папуль. Я не стану делать непристойные и развратные движения, — я с трудом дышу, надеясь на лучшее.

Он переводит взгляд с меня на маму, и снова на меня. Я вижу, что он колеблется.

— Я разрешаю... пока что. Но при первом же признаке чего-то греховного и нечестивого я заберу тебя оттуда сразу же, даже опомниться не успеешь. Слышишь меня, дитя?

Я обнимаю его, визжа от радости:

— Спасибо-спасибо-спасибо-спасибо!

— Не расстраивай меня, Грей. Ты дочь пастора. Ты должна подавать надлежащий пример всей общине.

— Обещаю, я подам, папочка. Я буду лучшим примером, обещаю, обещаю, — я кружусь и делаю несколько па, затем встаю в арабеск¹, в котором я задерживаюсь на мгновение. Я поворачиваюсь к нему:

— Видишь? Ничего страшного в этом нет, не так ли?

Он хмурится:

— Мне нужно готовиться к воскресной проповеди.

Папа — основатель и действующий пастор Современной Баптистской Церкви Макона — одной из самых больших церквей во всем штате Джорджия. Дедушка Амундсен был пастором крохотной Реформистско-Баптистской церкви в глуши Джорджии, поэтому папа вырос в пасторской семье и был вынужден простоять за кафедрой всю жизнь. Дедуля был еще строже папы, что, казалось бы, невозможным. Он даже не одобрял, когда я совсем маленькая носила брюки и шорты, но папа позволял надевать их, если шорты не были слишком короткими, а брюки — узкими. По убеждениям дедушки, место женщин — на кухне, они должны носить платья и их не должно быть слышно и видно. Дедуля был тем еще ископаемым. Он никогда не одобрял того, что папа преподает более современное баптистское богословие.

Я тайно танцевала с пятнадцати лет, пытаюсь повторять движения, изучая видео в интернете, обучаясь самостоятельно, смотря выпуски программы «Думаешь, ты сможешь танцевать?» на ноутбуке. Мама старалась помочь мне в этом году, возя меня на машине в воскресенье утром на занятия, при этом говоря папе, что мы ходим на маникюр и педикюр. Конечно же, мы ходили в салон красоты после танцев, но это уже не относится к делу. Папа одобрял это не больше, чем все остальное, но ему было трудно отказать нам, поэтому он разрешал.

Я улыбаюсь папе, танцевальными движениями покидая его кабинет.

Мама ждет меня на кухне:

— Вот и все, Грей. Теперь ты можешь танцевать, сколько хочешь, и не беспокоиться, что нас поймают.

Я обнимаю ее и целую в лоб.

— Спасибо, мамуля. Я знаю, ты не любишь врать папе...

Она гневно смотрит на меня, прикладывая палец к моим губам:

— Я никогда ему не лгала. Ни разу. Он спрашивал, ездим ли мы на маникюр, именно это мы и делали. Он не спрашивал, куда мы еще ездили, поэтому это не ложь. Если бы он прямо спросил меня, вожу ли я тебя на танцы, я бы рассказала ему. Ты сама знаешь.

Я не спорю с ней, но, когда я поднимаюсь в свою комнату, чтобы отправить электронное письмо миссис Леруа, что присоединюсь к коллективу, я размышляю о маминых отговорах. Не была ли эта «не ложь» бездействием, если мы не говорили папе правду до конца? Он не отпустил бы нас, если бы знал. Если он узнает об этом сейчас, меня никогда больше не выпустят из комнаты. Я не знаю, как обычно наказывают жен, но мне известно, что он будет разгневан маминым содействием.

Я просматриваю видео, которые миссис Леруа загрузила на сайт неделю назад. Она включает камеру на каждом занятии, а в конце дня, загружает их на свой сайт. Ну, или просит свою дочь, Катрин, заняться этим. Если мы пропускали занятие, Катрин и миссис Леруа выкладывали видео, записанное за день, подчеркивая те моменты, которые могли быть для нас полезными. Никто не знает, что миссис Леруа, в основном, ради меня начала это делать.

Она увидела во мне потенциал на самом первом занятии, которое я посетила в начале этого года. Ей понравилось, как я танцую, и она была восхищена тем, что я — самоучка. Она присудила мне стипендию, чтобы я смогла заниматься бесплатно. Так как я не могла, как остальные, посещать все занятия, она начала записывать уроки, репетиции и общие тренировки, чтобы я не отставала от программы. Другие ученики тоже начали смотреть их, находя их полезными, поэтому видео уроки прижились.

Первое занятие группы было в среду, поэтому я репетировала движения группового танца, а также сольное выступление. Папа смотрел, сидя на лестнице в подвале, сжав руки и следя за каждым моим движением, пока я тренируюсь. Откровенно говоря, это действовало на нервы. Он пытался увидеть, не облажаюсь ли я, и найти какое-нибудь непристойное плие или растяжку, недостойную леди.

Занятие по средам после школы были разделены на две части, каждая по сорок пять минут. Первая — общий танец, исполняемый одиннадцатью девочками и придуманный миссис Л., которая проверяла, насколько хорошо мы знаем движения. Вторая часть — обучение, когда миссис Л. преподает новое движение или технику, заставляя повторять их перед остальными и поправляя. Коллективное занятие дается мне с трудом, я никогда не танцевала с группой до сегодняшнего дня. У меня не получаются па-де-ша, я пропускаю шаг и натыкаюсь на девочку передо мной, Дэвин.

В конце концов, миссис Л. прерывает занятие и выводит меня вперед, оставив остальных у станка:

— Грей, ты замечательно справляешься, дорогая, но тебе нужно подучить эту часть. Ты отлично делаешь па-де-ша одна, но, по какой-то непонятной причине, когда ты пытаешься выполнить его с другими девочками, у тебя не выходит. Что ты сама об этом думаешь?

Миссис Леруа миниатюрная, в ней едва ли больше полутора метров роста, у нее серые, как сталь, волосы и неглубоко посаженные бледно-серые глаза на красивом лице. Она француженка, переехавшая вместе в Джорджию двадцать лет назад с мужем, который внезапно умер, оставив ее с долгами. Тогда она открыла на остатки денег танцевальную студию и привела ее к процветанию. Я видела, как она танцует, и она не из тех, кто преподает то, что не умеет сама. За пару минут своего танца миссис Леруа заставит вас плакать. Как преподаватель она вспыльчивая и требовательная, ожидает от нас предельных

усилий и отказывается принимать меньшее, но при этом и справедливая, ее критика не сквозит злобой, и главное, она сострадательная ко всем. Я очень ее люблю.

Я стою перед всем классом и размышляю над вопросом миссис Леруа.

— Я раньше никогда не танцевала в группе.

— Это то же самое, что танцевать одной, моя дорогая. Ты просто должна обращать больше внимания на то, что происходит вокруг. Это па-де-ша очень простое. Пустяки. Ты достаточно способная, чтобы осилить это. Попробуй сама еще раз, пожалуйста, — она подает мне знак повторить движение.

Я повторяю шаги и прыжки снова и снова, и у меня все получается. Выполнять их в одиночестве для меня никогда не составляло труда.

— Очень хорошо, Грей. Идеально. Теперь, Лиза, Анна, Дэвин, займите ваши позиции вокруг нее. Иии...начали, — миссис Л. кивает, пока мы вчетвером выполняем часть танца.

У меня получается сделать два первых прыжка без проблем, и теперь я сосредотачиваюсь на Лизе слева от меня и на Анне справа, мы вместе делаем пируэт и снова начинаем прыжки. В начале прыжков Дэвин находится сзади меня, но заканчивает их передо мной после того, как мы останавливаемся, выстраиваемся в линию, делаем пируэт и снова прыгаем. Именно с этим с пируэтом, у меня проблема. Я нахожусь слишком близко к Дэвин, и мои руки ударяются о ее, когда мы кружимся в разных направлениях, а Лиза и Анна кружатся по бокам от нас. Красивый танец, или был бы таким, по крайней мере, если бы он мне удался.

Технически это не пируэт, согласно терминологии в балете, так как наши руки не сложены над головой, а скорее отведены в стороны, чтобы получилось что-то вроде вихря в центре между нами. Если бы это был простой пируэт, у меня бы не было столько проблем, поскольку мои руки были бы расположены по-другому, но когда они так раскидываются...

Я чувствую, как моя рука впиалась в предплечье Дэвин, и, хотя я завершила движение, я знаю, что опять облажалась.

— Лучше, мисс Амундсен, лучше. Но теперь заново. На этот раз... сосредоточьтесь. Следите за Дэвин. Ваши руки должны не задевать ее при каждом вращении. Заново, начали, — миссис Леруа делает повелительный жест и отступает.

Мы возвращаемся в начальную позицию, прыгаем, прыгаем, прыгаем... пауза, остановка, вращение...

У меня получается идеально, и я ликующе улыбаюсь. Следующая серия прыжков проходит естественно, и, по некому невидимому сигналу от миссис Леруа, другие девочки присоединяются к нам, не говоря ни слова. Оставшаяся часть танца выполняется без особых усилий. Мы прогоняем его еще три раза, и теперь он идеален, такой, каким и должен быть.

Часть занятия с новым материалом легкая — мы учим некоторые базовые и джазовые движения. После того как каждый показывает их, к удовольствию миссис Леруа, она отпускает нас. Пока я собираюсь, она подзывает меня:

— Грей, на минутку?

Я кладу сумку и делаю реверанс:

— Да, миссис Леруа?

Она улыбается:

— Ты хорошо работала сегодня. Я горжусь тобой.

— Благодарю вас.

— Как там твой сольный танец?

Я качаю головой в неуверенности.

— Думаю, довольно неплохо, — говорю я. — Правда, немного застряла в самом финале.

У меня не получается сделать плавный переход от одной части к другой.

— Показывай.

— С самого начала или...?

Она взмахивает рукой:

— Да, да. С самого начала. Покажи мне.

Я пинаю сумку к стене и занимаю позицию в центре зала. Я бы лучше справилась под музыку, но миссис Леруа так не работает. Она ожидает от нас знания всех шагов и движений вне зависимости от того, играет музыка или нет. Она говорит, что музыка должна придавать танцу душу и экспрессию, но она не должна становиться опорой.

Я медлю, мысленно погружаясь в выдуманное место, в котором я могу вспомнить ритм и пропустить его через себя. Я сгибаюсь в коленях, раскидывая руки в стороны, затем взмахиваю ими и соединяю их кругом, скользя одной ногой в сторону и опираясь на другую. Отведенная в сторону нога поднимается, руки рвутся вперед, чтобы помочь мне встать в арабеск. Я удерживаюсь в нем, поднимаюсь на цыпочки, а затем изгибаюсь в талии, взмахиваю ногой и по инерции начинаю кружиться. В конце этих вращений я ставлю ладони на землю и делаю стойку на руках. Мои ноги медленно опускаются, и я прогибаюсь в спине до мостика, твердо стоя на руках и ногах, с изогнутой спиной. Я опускаюсь на пол и переворачиваюсь на живот, крадусь вперед, изображая отчаяние. Этот танец должен выразить мою отчаянную жажду свободы, мою неволю. Одни движения в танце дикие и энергичные, с вращениями с раскинутыми в сторону руками. Другие движения более сдержанны, конечности находятся ближе к телу, скользя по полу. Я почти закончила танец, приближаясь к проблемному моменту.

Я нахожусь в центре зала, стоя прямо, начиная пируэт, сцепив руки перед грудью. Я словно отталкиваюсь руками от невидимой стены. Стена внезапно пропускает меня, и я падаю вперед, спотыкаясь, будто меня застали врасплох.

— Вот здесь я застряла, — говорю я, глубоко дыша. — Сначала я хотела упасть вперед, но теперь мне кажется, что это не подходит.

— Покажи мне изначальный вариант, пожалуйста.

Я снова делаю пируэт, отталкиваюсь от стены, намеренно спотыкаюсь и падаю. Я встаю и стираю капли пота с верхней губы.

— Видите? Это просто... не то.

Миссис Леруа качает головой, почесывая шею.

— Да, твоя интуиция права. Это не совсем то, — она присматривается ко мне, словно я до сих пор танцую, хотя я стою ровно. С уверенностью могу сказать, что она мысленно перебирает движения.

— О, я поняла. Вместо того чтобы упасть, запнись, покачнись и покружись на месте, но не держа равновесие. Вот так, — она демонстрирует мне то, чего хочет от меня. — Оставшуюся часть танца ты борешься с силами, которые находятся в тебе, сражаешься, чтобы обрести равновесие и свободу. Поэтому здесь, в конце, ты должна одержать победу. В этом и есть смысл танца, так? Это выражение твоего чувства зависимости. Я понимаю. Итак, теперь ты должна прорваться. Стена уступает тебе. Так, когда заканчиваешь пируэт, который у тебя прекрасно получается, кстати, вместо того, чтобы столкнуться с ней, показывай, что ты сломала ее. Бейся об нее. Дай выход своему гневу. У тебя есть препятствие в конце, Грей.

Ты ослабла, но должна показать силу. Ты должна почувствовать ее в себе, так? Это может стать прорывом. Не только в твоём танце, но и в твоей голове. В твоей душе. В тебе. Разрушь стену. Думаю, я понимаю, какая в твоей жизни идет борьба. Я тоже боролась с ними. Мой отец был очень требователен. Он отправил меня на балет, когда мне было всего четыре года. Я танцевала каждый день в своей жизни. У меня было мало друзей, и еще меньше развлечений. У меня был один лишь балет. Только балет. А потом я встретила Люка. Он унес меня в другой мир. Он тоже был танцором. Он был так изменчив, так силен. Что бы он ни делал, у него все получалось прекрасно. Мы познакомились в винограднике на юге Франции. Я не помню, где именно. Недалеко от Тулузы, вероятно, — она смотрит вдаль, вспоминая, и дрожит. — Неважно. Я понимаю. Ты должна сделать прорыв в самой себе. В этом танце.

Она взмахивает рукой, давая мне знак танцевать снова.

Я начинаю танец, и в этот раз я думаю о каждом правиле, которому должна следовать, о каждой вечеринке, на которую я не могу пойти, о каждой паре джинс, которые слишком узкие, о каждом топе, который чересчур короткий, и о том, что я ношу слишком яркий макияж. Я думаю о том, что от меня ожидают, что я должна быть милой идеальной девочкой, безупречной пасторской дочкой, выйти замуж за богобоязненного мужчину, окончившего семинарию, скучного молодого человека без каких-либо интересов кроме проповедей и паствы.

Я вкладываю душу в этот танец. Когда я делаю прыжок, я делаю его изо всех сил. Когда я начинаю рушить стены, окружающие меня, то вижу лицо моего отца, слышу его голос и его суровую критику, и его строгую, диктаторскую манеру требовать идеального, я бьюсь, и бьюсь, и бьюсь об них. В конце концов, я чувствую, как стены отступают и запинаясь, кружась на месте, покачиваясь, пошатываясь из стороны в сторону, словно получая удовольствие от импровизированного танца. Я заканчиваю, стоя прямо и свесив голову, расслабленно опустив руки и не дыша.

Я поднимаю голову, чтобы проверить реакцию миссис Леруа. Она опирается на стену, прикрыв рот рукой, с влажными глазами.

— Идеально, Грей. Просто...идеально. Я почувствовала. Идеально.

Ее взгляд устремляется за мое плечо, я оборачиваюсь и вижу маму у двери. Ее эмоции видны в ее глазах, я знаю, что она все видела. Я знаю, что она увидела, что я чувствую в этом танце.

Ее глаза сощурены, а лоб покрылся морщинами. Я отворачиваюсь от нее к миссис Леруа.

— Вы считаете, что у меня получилось? — спрашиваю я.

Она кивает:

— Думаю, это был пример того, на что ты способна. Ты можешь стать великолепной танцовщицей, Грей. Продолжай выражать эмоции в своем танце. Не позволяй себе отступить.

Я наклоняюсь, чтобы поднять сумку, и копаюсь в ней в поисках полотенца. Я подхожу к маме, вытирая лицо жесткой белой хлопковой тканью. Мы уходим, и никто из нас не произносит ни слова. Мама везет нас через Макон к нашему дому на окраину. Я поворачиваюсь к ней, озадаченная несвойственным ей молчанием. Обычно после танцев она не умолкает. Она тоже была танцовщицей, пока не встретила папу и появилась я. Ей нравится обсуждать то, чему я учусь, разные техники и все такое. Она будто заново

переживает то время, когда танцевала сама. Теперь, однако, она ссутулилась, глядя вперед, ведя машину одной рукой. Другая рука лежит на лбу. Ее глаза сощурены, а на лице тревога.

— Мам, ты в порядке? — спрашиваю я.

Она делает слабую попытку улыбнуться мне:

— Все хорошо, милая. У меня просто болит голова.

Я пожимаю плечами и умолкаю.

— Твой танец был прекрасен, Грей, — ее голос тихий, будто ей больно говорить громче.

— Спасибо, мам.

— Что он означает?

Я не сразу ответила; я не знала, как ей объяснить. Я пожимаю плечами:

— Просто... иногда я чувствую себя, как в ловушке.

Настала мамина очередь колебаться:

— Я знаю, милая. Он всего лишь хочет, как лучше для тебя.

— Лучше для него. Это необязательно должно быть лучше для меня.

Мама снова потирает костяшками лоб, затем вытягивает руку, встряхивая ее, словно она онемела.

— Я не хочу обсуждать это сейчас, Грей. Он твой отец. Он любит тебя, и делает то, что кажется ему правильным. Тебе следует уважать его.

— Но он не уважает меня.

Она бросает мне острый, предупреждающий взгляд:

— Не надо, Грей.

Она вздрагивает и переводит взгляд на дорогу, часто моргая.

— Боже, так плохо мне еще не было, — бормочет она, скорее про себя, чем вслух.

— Так плохо? — я в беспокойстве смотрю на нее. — Как давно у тебя эти боли?

— Время от времени. Ничего особенного. Они начинаются утром и обычно проходят сами, — Она сжимает руку в кулак, разжимает и снова встряхивает.

Я не знаю, что сказать. Мама крепкая. Она никогда не болеет, но если это происходит, она редко жалуется и никогда не уходит на больничный. Она просто борется с болезнью, пока не поправится. То, что она показывает свою боль, плохой знак. Должно быть, ей по-настоящему больно.

— Может, тебе стоит сходить к врачу? — спрашиваю я.

Она отмахивается:

— Это всего лишь головная боль.

— Что тогда с твоей рукой?

— Я не знаю. Она просто... онемела. Теперь все хорошо.

Наконец мы дома, она ставит «БМВ» в гараж, и тут же бежит в дом, я не успеваю забрать сумку с заднего сиденья. Я машу папе, проходя мимо его кабинета по пути к лестнице. После душа я спускаюсь на кухню, ожидая увидеть, что мама готовит ужин, но кухня пуста.

Папа до сих пор в кабинете набирает что-то на компьютере, готовясь к воскресной проповеди.

— Где мама? — спрашиваю я.

Он смотрит поверх узкой оправы очков для чтения:

— Она отдыхает. Я полагаю, у нее мигрень.

Он откидывается на спинку стула:

— Я знаю. Если она не прекратится, я вызову доктора, хочет она того или нет.

— Я тогда приготовлю ужин.

— Спасибо, Грей. Когда закончишь, спроси у мамы, не хочет ли она что-нибудь. Может, захочет, — он поворачивается обратно к экрану. — Я поем здесь.

Я возвращаюсь на кухню и начинаю готовить ужин. Я не такой хороший повар, как мама, но я могу сделать несколько вкусных блюд. Я заглядываю в холодильник и вижу, что она купила ингредиенты для кордон блю, поэтому я готовлю его, и отношу папе тарелку с банкой диетической колы. Я направляюсь наверх, чтобы узнать, как себя чувствует мама, но она спит с задернутыми шторами. Даже во сне ее лоб наморщен от боли.

Тревога охватывает меня, но я прогоняю ее. Я оставляю тарелку с едой на случай, если она захочет поесть, и несую свою еду с колой к себе в комнату, чтобы пока делаю уроки поужинать. Жизнь хороша, не считая маминых головных болей.

Тогда откуда у меня это ноющее чувство беспокойства?

• Глава 2 •

Оставшаяся часть учебного года проходит без происшествий. Мамины головные боли то ли утихли, то ли она скрывает их. Я танцевала на нескольких концертах в присутствии родителей. Папа до сих пор одобряет это не до конца, и он определенно с суровостью смотрит на слишком чувственные номера других девочек. Правда, он знает, что я талантлива, и он доволен этим. Я танцевала все лето и ближе познакомилась с Дэвин, Лизой и другими девочками из студии. Папа разрешает мне гулять с ними при условии, что я регулярно звоню ему. В основном, мы не занимаемся ничем особенным, только ходим в развлекательный центр и смотрим ТВ-программы для девочек дома у Дэвин. Иногда к нам заглядывают мальчики, но мы не сообщаем об этом взрослым. Дэвин ростом с эльфа, едва ли полтора метра высотой и сорок пять килограммов весом на полный желудок. У нее каштановые волосы, карие глаза, и она та еще стерва, энергичная, пылкая и прямолинейная. Она практически главная в доме, так как ее родители все время на работе. Папа думает, что здесь бываем лишь я, Дэвин, Лиза, смотрим дурацкие фильмы 80-х типа «Танца-вспышки», «Свободных» и «Девочки хотят повеселиться».

Ему ничего не известно об импровизированных вечеринках, которые Дэвин устраивает по выходным, когда ее родители уезжают в Атланту или куда-нибудь еще по делам. По сравнению с некоторыми историями, которые я слышала о старшей школе, эти вечеринки вполне приличные. В основном на них приходит человек двадцать, несколько девочек из студии миссис Леруа, несколько парней из футбольной команды и девушки из танцевального класса старшей школы. Некоторые пьют пиво или виски, которое кто-нибудь приносит с собой, но я не пью. Папа учуял бы запах алкоголя еще до того, как я вошла бы домой. Однажды я попробовала пиво, и вкус был отвратительный. Я слегка пригубила виски и чуть не задохнулась. Так что я пью свою колу и смотрю, как другие ведут себя, как идиоты.

На одной из таких вечеринок, почти в конце лета, я сидела на крыльце за домом Дэвин, наблюдая, как шесть или семь пьяных парней шумно играют в футбол, а девушки подбадривают их и путаются под ногами. Одна из старшеклассниц сняла с себя рубашку, и ее розовый лифчик было хорошо виден в вечерних сумерках. Мне было стыдно за нее. Как она могла ходить в таком виде, полуголая, зная, что каждый парень на вечеринке пялится на нее? Мне хотелось прикрыть ее. Несколько парней подкатывали к ней, пытались увести ее с

собой в дом, но она отшивала их, казалось, без малейших усилий. Она была совершенно пьяна и танцевала под музыку, играющую из динамиков на айпоне Дэвин. Она запустила руку в волосы, связав их в пучок на затылке. Покачивая бедрами в такт музыке, она медленно кружилась на месте, вращала бедрами, а ее кожа светилась при свете луны и бледного свечения из окон. Все наблюдали за ней. Все. Она танцовщица; она знает, что делает. Она знает, что их внимание подчинено ей. Она проводит руками по животу, по бедрам, сжимает пояс своих узких синих джинс. Ее танец живет своей жизнью, кружась на месте, раскидывая ее волосы, покачивая ее бедрами. Каждое движение провокационно. Парни замерли, и я вижу, что один особенно впечатленный самоудовлетворяется. Хотя я нахожусь в тени крыльца, я сильно краснею.

Слева раздается низкий, хрипловатый голос:

— Ты умеешь так танцевать?

Я испуганно подпрыгиваю. Всматриваюсь в сумерки и вижу парня, который часто бывает на вечеринках у Дэвин, футболиста по имени Крейг.

— Нет, — отвечаю я, покачав головой. — Определенно, нет.

Он смеется, облачиваясь на перила крыльца:

— Конечно, умеешь, — его пальцы дотрагиваются до моего плеча, я вздрагиваю и отхожу в сторону.

— Попробуй. Ты была бы очень сексуальной. Она неплохо смотрится, но ты? Ты была бы чертовски хороша, детка.

Я краснею так, что мое лицо горит. Я нервно смеюсь:

— Ты не в своем уме.

— Вовсе нет. Я просто знаю, что мне нравится, — его тон намекает, что он имеет в виду меня.

Я до сих пор не могу его толком разглядеть. Он стоит в тени на траве. Я видела его раньше. Он высокий, со светлыми волосами, тот тип, от которых большинство девушек приходит в восторг. На нем красная майка, которая отлично демонстрирует его мускулистые руки, и низкие шорты. Он симпатичный, это точно. В моем животе появляется ноющее чувство. Я ему нравлюсь. Он наклоняется, чтобы видеть меня лучше, у него бледные и широкие глаза.

Внезапно он кладет руки на перила и перепрыгивает через них, и теперь стоит прямо передо мной. Я слегка вскрикиваю от неожиданности и отхожу назад. Он развязно подходит ко мне, такой высокий, и я боюсь того, что вижу в его взгляде. Желание. Голод.

Я не знаю, что делать, как вести себя с ним. Это новая территория. Я знаю, что я симпатичная, и что мальчики мной интересуются. Я высокая для своего возраста, во мне сто семьдесят пять сантиметров. У меня прямые и длинные медово-золотистые волосы. Серые глаза, темного стального цвета надвигающейся бури, по словам Дэвин. У меня тело танцовщицы: округлые, сильные бедра, шире, чем мне бы хотелось, стройная талия и внушительная линия бюста. Под «внушительной» я имею в виду, что у меня большая грудь, даже для моего роста и комплекции, с чем довольно трудно справиться, когда я танцую. Я обычно ношу спортивный бюстгальтер, просто потому, что без него грудь слишком сильно подпрыгивает, даже когда я не в танце.

Именно к ней сейчас и прикован взгляд Крейга. На мне свободная голубая футболка и летящая юбка в пол. Абсолютно консервативно. Видно только мои руки и шею. И все равно Крейг не может оторвать взгляд от моей груди. Меня тут же это раздражает. Он подходит ко

мне совсем близко, так, что я чувствую запах пива в его дыхании и вижу вождеделение в его глазах.

— Давай же, Грей, покажи мне свой танец, — Крейг кладет руки на мои бедра.

Я замерла, потому что никто никогда так до меня не дотрагивался. Как мне ответить? Часть меня это нравится, но другая часть меня понимает, что это грешно. Похотливому грешнику в моей душе нравится это.

Резко вдохнув, я вырываюсь из его цепкой хватки:

— Это вряд ли, Крейг.

Он смеется, словно я заигрываю с ним. Он следует за мной, напирая, находясь вплотную ко мне. До того как я успеваю сообразить, его рот соприкасается с моим, я чувствую кислое пивное дыхание со слабым запахом его тела. Мимолетная секунда контакта, и я сопротивляюсь. Я отталкиваю его, чуть не падая назад, и с силой даю ему пощечину. Ничего не сказав, я убегаю в дом и закрываю за собой передвижную стеклянную дверь во внутренний дворик.

Через открытое окно мне слышен голос Дэвин:

— Она не такая, Крейг. Не трогай Грей Амундсен. Ты что, не знаешь, кто ее отец?

— Кто? Почему я должен знать? — слышу я его ответ.

— Эрик Амундсен. Пастор Современной Баптистской Церкви Макона.

— Это не та огромная церковь на семьдесят пятом шоссе?

— Да. Это его отец. Она дочь пастора. Она не та девушка, с которыми развлекаются на вечеринках. Так что забудь. Забудь про нее.

— Отстой, — бормочет Крейг, — она потрясающая.

— Ну, она не для тебя. Иди, подкатывай к Аманде.

Крейг смеется:

— Да, конечно. Каждый парень в Маконе младше двадцати пяти трахнул Аманду. Я к ним не присоединюсь.

Дэвин тоже смеется:

— Значит, ее легко заполучить, верно?

— Легко заполучить герпес, ты хочешь сказать, — я слышу перемену в его голосе. — А что насчет тебя, Дэв? Какая ты девушка?

Дэвин не сразу отвечает. Не могу поверить, что она купилась на такую хитрость, но ее голос стал низким и хриплым:

— Принеси мне выпить, и тогда, может быть, узнаешь.

Я направляюсь в дом, не желая больше слушать.

Я пропускаю следующую вечеринку у Дэвин, думаю, она понимает, почему. Тот разговор, правда, все лето не выходит у меня из головы. Я недоступная девушка. Я — дочь пастора. Я недоступная не из-за того, что они уважают мои взгляды на брак, или из-а того, что я такая, а из-за папы. Дэвин была права в том, что я не такая девушка, но это не значит, что я была так уж против приставаний Крейга, — по крайней мере, пока он не набросился на меня с поцелуем. Мне понравилось быть желанной.

* * *

У меня было много дополнительных занятий в первые три года в старшей школе, поэтому в выпускном классе в моем расписании оказалось много окон, в которые я ходила на факультативы. Я пытаюсь выбрать те занятия, которые интересуют меня, но там нет ничего подходящего. Я уже пробовала заниматься фотографией, актерским мастерством,

журналистикой и танцами. Я не хочу идти на них снова, кроме, возможно, актерского мастерства. Было весело выходить на сцену, притворяться и играть. Еще веселее было смотреть на других. Каждому из нас даже разрешили поставить собственную сценку, и с этим я блистательно справилась.

Семестр пролетает незаметно. Большая часть уроков скучные, трудные и унылые. Все, кроме занятия по кинематографии. Мы смотрим фильмы, анализируем их, обсуждаем кино, операторскую работу, причины, из-за которых для каждой сцены требуется целый десяток дублей. Что-то в этом цепляет меня. Слушать, как мистер Роковски рассказывает о съемках таких фильмов, как «Призрак» и «Грязные танцы», о том, каково это — быть частью чего-то такого важного, культового... Мне нравится это, нравится каждая история, которую он рассказывает. Я упиваюсь фильмами. Мне нравится видеть, сколько всего есть в кинокартине, что может заставить тебя переживать, вроде музыки на фоне или угол съемки, или как камера переходит с одного персонажа на другого. Это манипуляция со светом, звуком и чувствами. Каждый фильм — магия. Это прямо как танец для меня. Когда я танцую, я теряю себя. Я могу быть кем угодно, делать что угодно. Я могу говорить, что думаю, чувствую. С фильмами я могу потеряться в другом мире, в жизни других людей с проблемами, отличными от моих.

В конце последнего дня в семестре мистер Роковски отводит меня в сторону.

— Грей, я лишь хотел сказать, как приятно было видеть тебя на наших занятиях в этом году. Каждый раз наши уроки пробуждают что-то в учениках, и это моменты, ради которых я живу. Я преподаю кино, потому что это то, что я знаю и люблю, но когда мне удастся показать ученику всё волшебство кинематографа, то это лучше всего, — он достает из портфеля брошюру. — Я преподаю в киношколе «The Film Connection». Это университет кинематографии с филиалом у нас в Маконе. Там потрясающая программа, которая обучает всему, что есть в киноиндустрии. Можно пройти процесс создания собственного фильма, что потом поможет наладить связи с голливудскими продюсерами. Я считаю, что ты подходящий кандидат на этот курс. Тут есть, над чем подумать. Ты также можешь поступить на заочную программу. Я могу написать рекомендацию.

Во мне расцветает надежда.

— Это настоящая киношкола?

— Абсолютно. Это отличный шанс набраться опыта и завести связи в киноиндустрии.

— Меня научат, как снимать настоящее кино? Взаправду? — мне так этого хочется, но тут я вспоминаю про папу. — Мой отец не разрешит, — отвечаю я мистеру Роковски.

— Почему нет?

Я пожимаю плечами в нежелании объяснять.

— Он... очень строгий. Он не одобряет Голливуд.

— Но ты хочешь этого? Я имею в виду, что, если ты получишь грант на обучение? Это реально. У меня есть связи. Ты показала настоящую страсть к кино в этом семестре, Грей. Я думаю, ты далеко пойдешь.

Я качаю головой:

— Я подумаю об этом. Я бы хотела, правда. Но... я знаю моего отца.

Мистер Роковски потирает лицо рукой, его карие глаза пристально смотрят на меня, и он отводит взгляд.

— Твои отношения с отцом — твое личное дело. Просто подумай об этом, хорошо? Ненавижу, когда талант растрачивается впустую.

Я думаю об этом... о боже, конечно, я думаю об этом. Я сижу за столом на кухне, вертя карандаш в руках. Я работаю над моей собственной идеей для фильма, пишу сценарий и придумываю сюжет. Я пытаюсь поговорить об этом с мамой, но она не считает это хорошей идеей.

— Ты знаешь папу, Грей. Голливуд аморален, и киноиндустрия полна акул. Тебе придется совершать множество грязных вещей. Это прославление всех грехов нашего общества.

Она буквально цитирует папины слова.

— Не думаю, что ты действительно думала заниматься этим, солнце. Продолжай танцы. Найди себе хорошего, благочестивого мужа.

— Ты хочешь сказать, пастора, чтобы я стала, как ты.

— И что в этом плохого? — резко спрашивает мама.

— Ничего, но это не то, чего я бы хотела. Я люблю кино. Я люблю танцевать, но мне нравится заниматься этим для себя. Я не хочу стать профессиональной танцовщицей, так как это уже не будет приносить удовольствие. Я хочу сделать карьеру в кино.

Я не хочу быть женой пастора. Я думаю об этом, но не произношу вслух.

— Я не думаю, что это возможно, милая, — она аккуратно убирает белокурую прядь, упавшую ей на лицо. Она берет пальцами за переносицу и медленно выдыхает.

— Просто подумай еще раз как следует, Грей, солнышко. Стоит ли так отчуждаться от своего отца? Он будет так разочарован.

Она оступается, будто у нее кружится голова или она потеряла ориентацию. Я отбрасываю в сторону стул и ловлю ее.

— Мама? Что с тобой?

— Все хорошо, дорогая. Просто кружится голова. У меня не было аппетита в последнее время, так что это, наверно, от голода.

Это кажется мне бессмысленным.

— Мама, я серьезно. Головные боли вернулись?

— Они и не уходили, честно говоря, — она опирается на стойку бара. — Все со мной хорошо. Я приму таблетку, и все будет хорошо.

Я больше не задаю вопросы, но тревога вернулась ко мне.

На следующей неделе я прихожу в папин кабинет. Сейчас вторник, а значит, проповеди только начинаются, и это самое удобное время, чтобы поговорить с ним. После среды он раздражается, если ему мешают.

Я сажусь в кресло на другом конце его огромного дубового стола:

— Привет, папуль. Как дела с проповедью?

Он откидывается на спинку, снимая очки. Проводит рукой по белокурым волосам.

— Привет, Грей. Все довольно неплохо. В проповеди пойдет речь о том, как распространять благо в этом безблагодатном мире, — он всматривается в меня. — Похоже, ты хочешь о чем-то попросить.

Я одаряю его самой чарующей улыбкой:

— Возможно.

Он усмехается и делает глоток из высокого стакана со сладким чаем. Позванивают кусочки льда, и капелька пота стекает с края стакана, когда он ставит его на место.

— Ну же? Говори.

— В общем, я посещала занятие по кинематографии в этом семестре. И мне очень, очень

понравилось, пап. Это было так интересно. Мы многое узнали про кино. Преподаватель раньше работал оператором, и он участвовал в съемках «Призрака», знаешь, тот фильм с Патриком Суэйзи и Деми Мур?

— Ты имеешь в виду тот, про человека, который следовал за своей женой? Призраки — слуги дьявола, Грей. Инструмент лукавого. Это не какое-то глупое развлечение.

— Это романтика, папа. Он любил ее. Он не хотел оставлять ее одну.

— Он не хотел принять волю Господа.

Я вздыхаю.

— Ладно, неважно, мне понравился этот фильм, и занятия мне понравились. Мистер Роковски считает, что я могу поступить в университет кинематографии.

Я показываю ему брошюру, и он медленно пролистывает ее, читая описание и рекомендации.

— Я так хочу, хочу, хочу заниматься этим. Это такая возможность узнать больше об этой индустрии. Мистер Роковски думает, что может помочь мне получить грант, и тебе не придется платить за учебу.

Папа надевает очки и читает брошюру от начала до конца, затем включает компьютер и набирает адрес сайта. Я сижу молча, затаив дыхание. После долгих минут молчания он опять снимает очки и откидывается.

— Ты всерьез это решила?

Я энергично киваю. Я долго продумывала, как ему это преподнести. Мне нужно было показать ему, что это духовно. Нужно было донести до него, что я буду отличаться от остального Голливуда.

— Абсолютно. Это то, чем я хочу заниматься по жизни. Я не хочу быть актрисой или кем-то вроде этого. Я хочу рассказывать истории. Есть много способов, как рассказать хорошую историю, чтобы воодушевлять людей, и кино — один из них. Это может стать моей службой. Как для Кирка Камерона в фильме «Огнеупорный».

Он глубоко выдыхает.

— Я ожидал лучшего от тебя, Грей, — его голос вдруг становится тяжелым и острым, и я вздрагиваю. — Правда. Киношкола? Это еще хуже, чем непристойные танцы. Тебе придется работать с последними мерзавцами. Люди, которые считают, что это нормально — прославлять убийство, обман и сексуальные извращения.

— Но папа, необязательно показывать именно это...

— Только именно так и случится. Они будут извлекать выгоду с помощью тебя. Такая невинная, красивая девушка как ты, и в Голливуде? Они съедят тебя живьем.

— Но что самое замечательное в этом курсе — он преподается здесь, в Маконе. Мне не придется ехать в Лос-Анджелес, чтобы пройти его.

Он долго не отвечал. Когда ответил, его взгляд был тверд как камень:

— Этот разговор окончен. Ты не станешь частью этой индустрии.

Он повернулся от меня на стуле к экрану компьютера, дав понять, что это четкий отказ.

Но я продолжаю бороться:

— Ты не понимаешь.

— Понимаю, и очень хорошо, — теперь он не смотрит на меня. Игнорирует меня. — Ты как раз не понимаешь, что это такое. Каковы люди, что они могут сделать. Они развратят тебя. Моя забота, как отца, защитить тебя, чтобы оградить от подобного.

Я сжимаю кулаки и дрожу, в горле застревает пылающий от бессилия гнев.

— Только это ты и делаешь! Ограждаешь меня! Ты меня не понимаешь! Совсем. Никогда не понимал. Это то, чего я хочу. То, что ты пастор, не означает, что у меня не может быть моей собственной жизни и своих интересов. Не все приводит к греху, а ты ведешь себя так, будто без исключения каждая вещь, которой нет в Библии, ведет к разврату!

Я встаю, плача и крича:

— Боже, ты такой... черт побери, такой ограниченный!

Багровый от гнева, папа поднимается, опрокидывая подставку с ручками:

— Не смей упоминать имя Господа всеу таким образом, Грей Лиэн Амундсен, — он указывает пальцем в мою сторону, теперь он полностью ведет себя, как настоящий пастор. — Я твой отец, и Бог возложил на меня ответственность заботиться о тебе. Я ответственен за твою душу.

— НЕТ! Не ответственен! Мне скоро восемнадцать. Я могу сама принимать решения, — я разрываюсь между страхом и гордостью. Я никогда до этого в своей жизни не возражала папе.

Этот момент каким-то образом изменил всё.

— До тех пор, пока ты живешь в моем доме, ты будешь подчиняться моим правилам и делать то, что я говорю. А я говорю, что ты не поступишь на этот курс, — он садится и ставит подставку на место. — За свое непослушное поведение и непристойную речь все твои занятия танцами запрещены.

Я падаю на стул.

— Но, папа. Прости. Не надо... Я должна выступать в понедельник. Если я не буду танцевать, им придется отменить все выступление.

— Значит, отменят, — он больше не смотрит на меня.

Я выхожу из кабинета в слезах, отступая в свою комнату. Наконец приходит мама и садится на кровать. Я тут же встаю. Она выглядит бледной и похудевшей, с измученным лицом.

— Мама, ты в порядке?

Она пожимает плечами:

— Все хорошо, малыш, — она гладит мою руку. — Я говорила тебе не напирать на него, милая. Я поговорю с отцом и увидим, может, я смогу убедить его позволить тебе выступить в понедельник. Но... тебе правда следует отказаться от этой глупой затеи с кино. Я знаю... знаю, что ты не хочешь быть пасторской женой, и я тебя понимаю. Но кино? Это не для тебя.

Я не отвечаю. Я знаю, что им не понять, даже маме. Когда становится ясно, что я не стану больше с ней это обсуждать, она встает, снова взяв меня за руку:

— Я поговорю с ним. Просто... подумай о своем выборе, хорошо? Подумай о том, какой план у Бога на твою жизнь. Разве эта внезапная страсть к развратным фильмам прославит его?

Я только вздыхаю, осознав бесполезность разговоров с ней о разнице между планам Бога на мою жизнь и моими планами на жизнь. Она уходит, а я снова остаюсь одна. Я лежу на кровати, уставясь в потолок в честных попытках подумать над этим. Я могла бы понять их реакцию, если бы сказала, что хочу переехать в Лос-Анджелес и стать актрисой, или в Нэшвилль, чтобы быть музыкантом. Но я предложила, что останусь рядом с домом и под их влиянием после школы. Все, что волнует папу, — его собственные взгляды на то, что правильно, а что плохо. Все либо черное, либо белое, по его мнению, и большая часть вещей

черны. Гораздо больше греховных и неправильных вещей, чем тех, которые дозволены.

Я задумываюсь, как он может узнать, что Бог не одобряет все, что папа называет неправильным. Я знаю, что у него есть цитаты из Библии, чтобы подтвердить все, во что он верит. Просто... просто мне интересно, это манипуляция Писанием, чтобы запретить все, что ему не нравится, или же это нежелание понять. И, честно говоря, он никогда не бывал за пределами Джорджии. Он вырос здесь, в Маконе, получил степень по теологии в Баптистской Семинарии Святой Троицы в Джексоне, за час к северу от нас. Он не может знать всего.

Чем больше я об этом думаю, тем больше злюсь.

Я начинаю представлять все находчивые и остроумные аргументы, которыми могла бы ответить папе. У меня уже никогда не получится их произнести, но так уж вышло. Я всегда размышляю о споре, когда он уже закончился, думая о том, что могла бы сказать, или что должна была сказать, как я могла повернуть все в свою пользу.

Я удивлена, когда дверь открывается и я вижу папу на пороге. Я ожидала, что это будет мама, но вместо нее там он с испуганным видом.

— Папа? Что такое?

— Твоя мама... она... она упала в обморок. Скорая помощь уже едет. Это все эти головные боли. Она просто упала, Грей. Ударилась о плиту и сломала запястье. Молись за нее, Грей. Молись Господу, чтобы он уберег ее.

Я дрожу, слезы застревают в горле. Это плохо. Очень плохо.

• Глава 3 •

Я сижу, сложив руки на коленях и опустив глаза. Я не могу на нее смотреть. Аппарат непрерывно гудит, что-то отображая. Мои глаза горят, но они сухие. Я выплакала все слезы за прошедшие несколько месяцев. Ей стало еще хуже, и теперь она — скелет в больничной кровати, обтянутый кожей. Ее волос больше нет. Ее щеки ввалились. Пальцы стали обмякшими, хрупкими и крошечными. Она едва дышит. Я плакала и плакала, и больше плакать не могу.

Я молилась Богу, чтобы он спас ее. Я не спала ночами, стоя на коленях в молитве. Но мамочка все равно умирает.

Мамочка. Я не называла ее так и не думала так о ней с десяти лет, когда Элли Хендерсон высмеивал меня за это перед всем классом. Больше она не была «мамочкой». Но сейчас... она снова ею стала.

Невозмутимый, папа остается тверд во мнении, что таков Божий план.

Я не считаю, что у Него есть план. Я считаю, что иногда люди просто умирают. Мама умирает. У нее осталось всего несколько дней.

Двумя днями ранее я бы вышла из палаты, в то время как доктор Патак говорил моему отцу, что следует готовиться к худшему.

Папа просто повторял свою мантру:

— Нельзя помешать воле Божьей.

Доктор Патак начал раздраженно ворчать:

— Я уважаю вашу веру, мистер Амундсен, правда. Я тоже глубоко верующий, хоть вы бы и не согласились со всем, во что я верю. Так что я понимаю вас. Иногда нам приходится быть готовыми к воле Господа нашего, даже если он желает, чтобы мы были не теми, кем являемся. Возможно, ваш Бог не сотворит чудо. Возможно, сотворит. Я надеюсь ради аас и

вашей дочери, что Он сотворит великое чудо и излечит вашу жену, так как я был свидетелем подобным чудесам. Я молюсь с вами, по-своему, чтобы чудо свершилось. Но иногда они не случаются. Такова жизнь.

Сейчас я держу мамину руку, шершавую, как пергамент, в своей, и смотрю, как она дышит. Каждый вдох очень медленный. Она делает усилие, чтобы втянуть воздух, и затем выпускает его так же медленно. Что-то гремит в ее груди. Ее организм сдается. Сдается не она, а ее тело. Мама боролась. Господи, как она боролась. Химио-, радиотерапия, операция. На ее голове шрамы и швы в тех местах, где ее сверлили и прорезали череп. Она хотела, чтобы опухоль удалили. Она хотела жить. Ради папы. Ради меня.

Она заставила меня жить. Заставляла ходить в школу, продолжать учиться. Заставила меня подать документы в колледжи. Она даже разрешила мне подать в Университет Южной Калифорнии. Одна из самых престижных киношкол в мире. Она помогла мне получить стипендии. Она не позволяла папе препятствовать мне и убедила его не мешать. Она не хотела, чтобы мы ссорились, и мы не ссорились. Папа так и не согласился и не одобрил. Но когда меня приняли в Университет Южной Калифорнии и я перестала притворяться, что рассматриваю другие варианты, он понял, что всё всерьез. Всё случилось. Может быть, он решил, что мама, будучи больной, изменит мнение. Может, он думал, что может просто топнуть ногой и все будет так, как он того хочет, без учета моего мнения. Я не знаю.

Но теперь... она проигрывает битву.

Все, что я знаю, это то, что я еду в УЮК. Мама поняла мое увлечение до того, как рак забрал ее. Я потратила мое пособие на хорошую камеру и начала снимать собственные фильмы, небольшие зарисовки обо мне, о жизни. Я подружилась с бездомным из Макона и сняла фильм о нем. Мистер Роковски помог мне отредактировать видео и наложил саундтрек.

Я показал фильм папе. Он сказал, что это трогательное видео, но если я буду учиться в университете в Лос-Анджелесе, мои благие намерения не будут иметь значения. Меня затянет распутный лос-анджелесский образ жизни. Я дала ему закончить свою пафосную речь, и он ушел. Кино — это мое искусство, как и танец. Я не нуждаюсь в его одобрении.

Я засняла и мамину борьбу с раком. Она позволила мне снять каждый ее момент. Я даже пропускала занятия, чтобы заснять, как она проходит химиотерапию. Она сказала, что это ее наследство, что она справится с ним, и что мой фильм запечатлит ее победу.

Моя камера стоит на штативе в углу, наблюдая за тем, как мама умирает. Записывает ее борьбу за дыхание. Камера записала ее последние слова, два дня назад: «Я люблю тебя, Грей». Камера записывает каждый гудок аппарата, показывающего ее сердцебиение.

Папа ушел за кофе и едой. Я уставилась на дверь, прикрытую и пропускающую через трещину между косяком тонкий поток флуоресцентного света из коридора и скрип обуви. Раздается пронзительный крик медсестры: «Доктор Харрис, пройдите в 7 палату...»

Я нежно сжимаю мамину руку. Она сжимает мою в ответ. Ее веки трепещут, но глаза закрыты. Она слышит меня.

— Мамочка? — с усилием произношу я. — Всё хорошо, мамочка. Со мной все будет хорошо. Я буду скучать по тебе каждый день. Но... ты так боролась. Я знаю, это так. Я знаю, как сильно ты любишь меня и папу. Я позабочусь о нем, хорошо? Ты... ты можешь уйти. Все будет хорошо. Тебе не нужно больше сражаться.

Это ложь: я не стану заботиться о папе. Она нуждается в этой лжи, поэтому я говорю это. С моих губ срывается всхлип. Я кладу голову на ее хрупкую грудь, прислушиваясь к

слабому биению ее сердца.

— Я люблю тебя, мамочка. Я люблю тебя. Папа любит тебя, — я слышу, что сердцебиение становится слабее, медленнее. Несколько секунд между ударами, а теперь практически минута. — Я люблю тебя. Прощай, мамочка. Да пребудет с тобой Бог.

Эти слова — наихудшая ложь. Я не верю им. Я не верю в Бога.

Уже нет.

Я слышу громкие рыдания и осознаю, что это я. Затем ничего. Тишина. Покой.

Я выключила монитор. Я слышу сигнал об остановившемся сердцебиении. Врывается толпа медсестер и начинает реанимацию.

— ПЕРЕСТАНЬТЕ! — кричу я во все горло. Я даже не встала со стула. — Просто. перестаньте. Она умерла. Пожалуйста... оставьте ее. Она умерла.

Папа в дверях с чашкой кофе в руках. Он видит панику, слышит сигнал аппарата и мои слова. Чашка выпадает из его рук и ударяется об пол. Обжигающее кофе проливается на его дорогие джинсы и блестящие кожаные ботинки.

— Линн? — его голос обрывается.

Я до сих пор зла на него. Но он мой отец, и это его жена, и ее больше нет.

— Она умерла, папа, говорю я.

— Нет, — он отрицательно качает головой и прорывается сквозь толпу медсестер в красной униформе. — Нет. Она не... Линн? Детка? Нет. Нет. Нет, — он потирает лоб, целует ее губы в тихой отчаянной мольбе.

Она не отвечает на поцелуй, и он падает на пол. Сползает по линолеуму, хватаясь за металлическое изголовье кровати. Его плотные плечи дрожат, но он не издает ни звука, тихо рыдая.

Ужасно видеть его горе. Будто что-то внутри него сломалось. Разрушилось. Было разрублено на кусочки кинжалом равнодушного Господа.

— Почему он позволил ей умереть, папа? — я не могу удержаться от этих слов.

Они злые, потому что я знаю, что у него нет на них ответа. Я всегда знала, что в действительности Бог — всего лишь шарада.

Он на коленях рядом с ее кроватью. Медсестры молча почтительно наблюдают в стороне. Это онкологическая палата; они видели эту сцену много раз.

— Боже... о Боже, почему ты оставил меня? *Eli eli lama sabachthani?* — он отшатывается от меня, закрывая лицо руками.

В самом деле? Теперь он разглагольствует на арамейском? Он для медперсонала устраивает это религиозное шоу? Он действительно скорбит, я осознаю это. Но почему ему обязательно надо изображать эту набожность, черт побери? Я отворачиваюсь от него. Наклоняюсь к мамочке и целую ее охладевающую шею.

— Прощай, мамочка. Я люблю тебя, — я тихо шепчу, чтобы никто не услышал.

Я покидаю палату. Номер 1176. Как во сне иду к лифту: поворачиваю направо от палаты 1176, вниз по коридору до конца. Еще один длинный коридор. Вправо от ресепшна, через разъезжающиеся двери. Лифты находятся в конце короткого коридора, двойной пласт серебрястых дверей. Кнопка вызова горит желтым, стрелки вверх и вниз размыты от частых нажатий. Я не помню, как съехала на лифте вниз и вышла из больницы, только помню, как меня ослепил солнечный свет. Был прекрасный, великолепный, осенний день. Никаких туч, только огромное, бесконечное голубое небо, яркое солнце и прохладный октябрьский воздух.

Почему день так прекрасен, ведь мама только что умерла? Он должен быть мрачным и ужасным. Но, наоборот, в такой день можно было бы кататься на автомобиле в откидном верхом за городом, слушая группу «Guster».

Я очнулась на коленях в траве, окруженная припаркованными машинами. Я рыдаю. Я думала, что выплакала все слезы, но нет.

Я ощущаю присутствие папы позади меня. Впервые в жизни он кажется реальным человеком. Он сидит на траве рядом со мной, безразличный к брызгам от автоматических опрыскивателей. Сейчас раннее утро, только что взошло солнце. Я пробыла в ожидании у ее кровати 48 часов. Я ни разу не отходила. Ни поесть, ни попить, ни в туалет.

Мамочка... мамочка мертва. Я не обращаю внимания на отца и плачу. В конце концов он поднимает меня с земли, ведет к машине и усаживает на заднее сиденье своего БМВ, и я ложусь. Запах кожи наполняет мой нос. Он едет медленно, и я слышу, как он сопит и шмыгает. Слышу, как он вытирает рукой лицо от слез, освобождая место для очередной волны горячей соленой скорби.

Я не могу дышать из-за рыданий, из-за тяжести горя. Мамочка умерла. Она единственная понимала меня. Она была моим заступником перед папой. Когда он отказывался слушать, она говорила с ним за меня. Иногда мне интересно, нравлюсь ли я папе вообще. Я хочу сказать, он мой отец, так что, я знаю, у него есть патриархальное чувство покровительственной любви, но нравлюсь ли я ему? Такая, какая есть? Он вообще когда-нибудь пытался?

И теперь единственного человека, который понимал меня, нет. Нет.

— Остановись, пожалуйста, — я сажусь, хватаясь за ручку закрытой двери. — Меня тошнит...

Он съезжает с грохочущего шоссе на гравий и едет достаточно медленно, и меня рвет в высокую колючую траву на обочине, пока я вываливаюсь из окна машины. Рвота выходит из меня горячим потоком, обжигая горло, сводя желудок судорогами. Глаза слезятся, из носа течет. Папа не помогает мне, не держит мне волосы. Он просто наблюдает со своего места, мотор продолжает работать. Из колонок тихо играет песня Майкла Смита, доносясь до меня из открытой двери. «Подарок». Ненавижу эту песню. Всегда ненавидела эту песню. Он знает, что я ненавижу эту песню.

Я падаю на колени на гравий, тяжело дыша. Я пристально смотрю на него через плечо. Скорбь в его глазах остра как нож. Но это одинокая скорбь. Он витает в собственном мире.

Как и я.

Я выплевываю желчь, вытираю лицо рукавом и закрываю заднюю дверь автомобиля. Сажусь на переднее сиденье, застегиваю ремень безопасности и со злостью выключаю магнитолау.

— Грей, я слушал.

— Я ненавижу эту песню. Ты знаешь, что я ненавижу эту песню.

Он спокойно включает магнитолау обратно и нажимает на кнопку, чтобы переключить на следующую песню.

— Это моя машина. Я буду слушать то, что я хочу, — он не переключил песню, оказывается. Он включил ее с начала. Кажется, даже охваченный горем, он полностью держит себя в руках.

Машина до сих пор стоит, и я отстегиваю ремень и раскрываю дверь.

— Отлично. Тогда я пойду пешком.

— Это целых пять миль, Грей. Залезай обратно.

Что-то взорвалось внутри меня. Я поворачиваюсь к нему и рычу; животным, гортанным, бессловесным рыком.

— Иди на хуй, — говорю я.

У него наконец перехватывает дыхание:

— Грей Линн Амудсен...

Я не обращаю на него внимания и начинаю идти. Мимо с громким свистом и запоздалым порывом холодного воздуха проезжает автомобиль. Он выходит из машины и начинает задабривать меня, умолять и что-то приказывать. Затем пытается затащить меня в салон. Он хватается рукой мое запястье и заталкивает меня в дверь. Я наступаю ему на ногу, вырываюсь из его хватки и затем, — прежде чем сама понимаю, что собираюсь сделать, — ударяю его в челюсть. Мой кулак сам сжимается и дергается, соединяясь с его щекой. Он отшатывается, скорее от удивления, чем от боли. Моя рука зудит. Мне плевать.

— Каков Божий план теперь, папочка? Почему? Почему он допустил это? Скажи мне, папочка! Скажи! — я бью кулаками по его спине.

Он хватается меня за руки.

— Остановись, Грей. Стой. СТОЙ! Я не знаю! Я не.. я не знаю. Просто залезай в машину, и мы поговорим.

Я высвобождаю руки.

— Я не хочу об этом говорить. Просто оставь меня, — спокойно произношу я. Слишком спокойно. — Просто... оставь меня в покое.

И... он оставляет меня. Он уезжает, оставив меня на обочине, неизвестно где. В этот момент я ненавижу его. Я не думала, что он просто оставит меня здесь, даже когда я вышла из машины. Еще один всхлип вырывается из моей груди, затем еще один, и вот я снова реву. Мои ноги проходят мили очень медленно, так медленно. В конце концов я звоню Дэвин, своей самой близкой подруге, и она приезжает за мной.

Она мой самый близкий друг, не считая мамы.

Которая умерла. Это снова причиняет мне боль.

Я забираюсь в машину Дэвин и облокачиваюсь на приборную панель.

— Она, она, она умерла, Дэвин. Ее нет. Мамочка умерла.

— Милая, мне так жаль. Мне так жаль, Грей, — она выключает радио и съезжает с обочины, обратно на шоссе, вдаль от Медицинского Центра Джорджии, туда, где мы живем.

Дэвин дает мне выплакаться, и потом начинает говорить.

— Почему ты шла вдоль шоссе? — у Дэвин идеальный акцент южной красотки. Она бережет его, как мне кажется. Я всегда старалась звучать не как деревенщина из центра Джорджии, но родное произношение иногда дает о себе знать.

— Я поругалась с папой. Он... он всегда старается брать на себя всё. Понимаешь? Всё, всё время. Я больше не могу так жить. Не могу. Всё должно быть так, как он хочет. Даже если мы поссорились, он контролирует всё, что я делаю, что говорю, что чувствую, — я шмыгаю носом. — Мне... мне кажется, я ненавижу его, Дэв. Ненавижу. Я знаю, он мой отец и я должна его любить, но он просто... урод.

— Я не знаю, что тебе сказать, Грей. Из всего, что ты рассказала, выходит, что он таки урод, — она оглядывается, меняя полосу, и одаряет меня сочувственной улыбкой. — Не хочешь пожить у меня немного? Родители не станут возражать.

— А можно?

— Давай заберем твои вещи, — предлагает Дэвин, стараясь быть веселой.

Папа закрылся у себя в кабинете. Это о многом мне говорит; он никогда, никогда не закрывает дверь в свой кабинет, только если он действительно расстроен или погружен в молитвы.

Я собираю одежду и принадлежности в сумку, забираю спортивную сумку с вещами для танцев и деньги, оставшиеся от пособия, из тайника в ящике стола. Я оглядываю комнату, и мне кажется, будто я в ней последний раз. Я импульсивно хватаю айпод, лежащий на столе, и зарядник для телефона. Я возвращаюсь к шкафу и складываю всю оставшуюся одежду в чемодан, белье, платья, юбки, блузки, туфли, босоножки, засовываю всё это в мой чемодан марки Самсонайт, пока он не переполнен так, что мне приходится сесть на него, чтобы он закрылся. Я планировала собраться более тщательно, но по какой-то причине, я не знаю, момент настал. Это конец.

Я собираю все плакаты с танцорами со стен комнаты, афиши бродвейских постановок из путешествия в Нью-Йорк, в которое мы с мамой ездили на мое шестнадцатилетие... кажется, будто все это было в подростковом возрасте. Это комната ребенка. Маленькой девочки. В углу даже висит полка с куклами из детства, нарядно разодетыми и сидящими в ряд.

Оглядываю всё в последний раз. Наше с мамой фото в рамке, где мы на Таймс-сквер, отправляется в сумку. Она на нем такая счастливая, как и я. Эта поездка была вдохновлена моей любовью к танцам.

С сумкой для танцев на плече я тащу чемодан вниз по лестнице. Колесики стучат по ступенькам, пока я не оказываюсь внизу. Входная дверь прямо передо мной, а закрытые французские двери в папин кабинет слева от меня. Одна из них раскрывается и показывается папа, с покрасневшими глазами и осунувшимся лицом.

— Куда ты направилась, Грей? — его голос охрип.

— К Дэвин, — я держу в руках письмо из Университета Южной Калифорнии, конверт с назначением мне комнаты в общежитии, информацией для первокурсников и инструкции по въезду. — А потом в Лос-Анджелес. На следующей неделе я еду в колледж.

— Нет, ты не едешь. Мы семья. Нам нужно держаться вместе в это трудное время, — он пытается подойти ближе, но я отхожу назад. — Твоя мама только что умерла, Грей. Ты не можешь уехать сейчас.

Я раздраженно смеюсь с недоверием:

— Я знаю, что она умерла. Я была там! Я видела... видела, как она умирает. Я должна... должна выбраться отсюда. Я не могу здесь оставаться. Я не останусь здесь. Это место не для меня.

— Грей, стой. Ты моя дочь. Я люблю тебя. Пожалуйста... не уезжай, — в его глазах слезы. То, что он плачет, не отменяет тот факт, что я ненавижу его.

— Если бы ты так уж меня любил, почему ты оставил меня посреди шоссе? — я знаю, что это несправедливо, но мне плевать.

— Ты отказалась вернуться в машину! Что я должен был сделать? Ты ударила меня! — он облокачивается спиной на закрытую дверь, откинув голову. Слеза катится по его щеке. — Она была моей женой, Грей. Мы были вместе с тех пор, как мне исполнилось семнадцать. Я потерял ее.

Я закидываю голову, стараясь не заплакать.

— Я знаю, папа. Я знаю.

— Так останься. Пожалуйста, останься.

— Нет. Я... не могу. Я просто не могу, — я кручу в руках ремень моей фиолетовой сумки от Веры Брэдли.

— Почему не можешь?

Я качаю головой:

— Я просто не могу. Ты не понимаешь меня. Ты ничего не знаешь обо мне. Я знаю, что она была твоей женой, и я знаю, что тебе так же больно, как и мне. Но... без нее я не знаю, что делать. Вся семья держалась на ней. Без нее... мы просто два разных человека, которые не понимают друг друга.

Он растерян.

— Но... Грей... ты моя дочь. Конечно же, я понимаю тебя.

— Тогда почему я люблю танцевать?

Похоже, вопрос его озадачил.

— Потому что ты девочка. Девочки любят танцевать. Это просто такой период.

Я не могу не рассмеяться.

— Боже, папа. Какой ты идиот. Потому что я девочка? Серьезно? — я с отвращением вздыхаю и закидываю сумку обратно на плечо. — Вот об этом я и говорю. Ты не понимаешь элементарных вещей обо мне. Я точно такая же, какой была мамочка, пока не вышла за тебя. Ты знаешь об этом. И это во мне тебя и беспокоит. Она была свободной и неистовой танцовщицей, она вышла за тебя замуж и изменилась ради тебя. Я на такое не пойду. Это был ее выбор, и это нормально. Для нее. Но это не мой выбор. Я не хочу быть женой пастора, папа. Я не стану ходить на молитвенные собрания каждую среду, стоять по две службы утром в воскресенье и по понедельникам, и на занятия Библией для женщин по четвергам. Это не моя жизнь. Мне даже не нравится церковь. Никогда не нравилась.

Я даю себе высказаться, и затем применяю тяжелую артиллерию:

— Я не верю в Бога.

Папа сворачивает губы в ужасе:

— Грей, ты сама не понимаешь, что ты говоришь. Ты расстроена. Это можно понять, но нельзя говорить такое.

Я хочу завопить от бессилия:

— Папа, да, я расстроена, но я точно знаю, о чем говорю. Это то, что мне хотелось сказать годами. Я просто не говорила, потому что не хотела расстраивать маму. Я не хочу ругаться. Я, фактически, взрослый человек, и мне... мне больше нечего терять.

— Грей, тебе восемнадцать. Ты думаешь, что ты уже взрослая, но это не так. Ты не работала в своей жизни ни дня. Твоя одежда, твои занятия танцами, твои походы в салон красоты, всё, всё это оплачено благодаря щедрости прихожан... церковью, которую я построил сам. Я начинал свою работу в кафе в 1975-ом. Ты и дня не проживешь самостоятельно.

Зря он это сказал.

— Ну, тогда смотри, — я поднимаю чемодан, вытаскиваю ручку, ставлю его на колеса, кряхтя, так как его вес почти превосходит мой.

Папа подходит к входной двери.

— Ты не уйдешь, Грей.

— Уйди с дороги, папа.

— Нет, — он скрещивает руки на груди.

Я ставлю чемодан на колесики и вытираю лоб тыльной стороной ладони.

— Просто дай мне уйти.

— Нет, — он вспыхивает, похоже, в готовности противостоять мне. — Ты не поедешь в этот Вавилон. Лос-Анджелес — обитель этих... этих... проституток и гомосексуалистов. Ты туда не поедешь. Ты никуда не поедешь.

— Папа, будь разумен, — я пытаюсь его задобрить. — Пожалуйста. Я знаю, что это то, чего я хочу с тех самых пор, как мамочка заболела.

— Ты никуда не едешь. Это окончательно.

И я кричу, вою в ярости:

— Боже, какой же ты упертый, черт побери!

Я хочу ошарашить его своей грубостью; я не люблю материться, но я хочу его разозлить.

— Просто уйди с дороги!

Я отпихиваю его, и он двигается с места. Я высокая и сильная, благодаря танцам. Он отшатывается, и я распахиваю дверь так сильно, что она ударяется о стену, трескается шпукатурка и фотография в рамке с мамой и папой в молодости падает на пол.

Он подбирает фотографию и загораживает проход.:

— Грей... пожалуйста. Не бросай меня.

Я хотела бы любить его. Я хотела бы, чтобы он был отцом, в котором я нуждаюсь, в таком, который обнял бы меня и прижал к себе. Это утешило бы меня. Моя мама, его жена, умерла. Мы оба потеряли ее. Но вместо того чтобы сплотить нас, это нас отдаляет.

Он собирается с силами, делает шаг навстречу, с возрастающей решимостью во взгляде:

— Грей, пожалуйста. Не разрывай наши отношения вот так. Не делай этого с нами.

— Как ты можешь выставить меня виноватой в этом? Я уезжаю не навсегда. Я просто еду в колледж, папа. Я... я просто делаю то, что правильно для меня. Пожалуйста, попытайся понять.

— Если ты покинешь этот дом, значит, ты сделала свой выбор. Если ты уедешь, то добровольно выберешь грехопадение.

— Это не грехопадение! Это моя жизнь. Почему ты не можешь быть разумным?

Он сжимает кулаки и выпрямляет спину:

— Я разумен. Возвращайся, и мы обсудим варианты твоего будущего.

— Мне надо уехать, пап. Я должна, — я подхожу к нему. — Я люблю тебя... я знаю, что мы разные, но... я люблю тебя.

— Так ты остаешься? — он берет меня за руку, и сталь в его взгляде слегка смягчается.

Я высвобождаю руку:

— Нет. Мне нужно уехать.

— Тогда ты сделала свой выбор. Прощай, Грей, — он отворачивается от меня, закрывает дверь, даже не оглянувшись.

И вот так легко я оказываюсь одна в этом мире.

• Глава 4 •

Я иду на похороны. Конечно же, я иду на них. Дэвин подвозит меня. Она берет меня за руку, обхватывает своей крошечной ручкой мое запястье и поддерживает меня, когда мы опускаем гроб в могилу. Во время поминок я сижу с Дэвин, далеко от моего отца. Он не смотрит в мою сторону. Ни разу. Он выглядел таким сильным во время церемонии похорон, будто он сама опора божественной веры. Ненавижу его.

Я снова плачу. Я думала, что выплакала все слезы, но что-то еще осталось. Я достаю камеру из сумочки и снимаю, как полная земли лопата ударяет по крышке маминого гроба. Люди вокруг возмущены моими безрассудством и наглостью. Мне все равно. Это последняя сцена в фильме о ней, последняя сцена из жизни Линн Бэт Амундсен.

Когда все завершилось, я цепляюсь за Дэвин, и пытаюсь дышать ровно, пока мы пробираемся через траву и надгробия. Мои каблуки застревают в земле, влажной от недавнего дождя.

— Грей, подожди! — слышу я голос отца.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь. Киваю Дэв, что она может подождать в машине. Я жду, когда папа подойдет. Он старается сдержать слезы и тяжело дышит, остановившись напротив меня.

Он вытирает лицо ладонью.

— Я ненавижу, что все так вышло. Ты единственное, что у меня осталось.

Его родители умерли, когда мне было девять, а родители мамочки — когда меня еще не было. У меня тоже остался только он.

— Я тоже все это ненавижу, пап.

— Так ты останешься? — его голос полон надежды.

Я усмехаюсь, одновременно всхлипывая:

— Нет, я не останусь. Я могла бы остаться, если бы ты принял меня такой, какая я есть. Поддержи мои решения, даже если ты с ними не согласен.

— Ты действительно собираешься переехать в Лос-Анджелес, хочу я того или нет?

— Да, папа. Я собираюсь в Лос-Анджелес, несмотря ни на что. Ты мой отец, и я хочу любить тебя. Я хочу, чтобы между нами были хорошие отношения. Но если ты не можешь понять, что я собираюсь жить по-своему, зачем пытаться что-то изменить? Ты никогда не понимал меня и никогда не хотел понять. Ты никогда не одобрял ничего, что я делала и что мне нравилось. Ты не понимаешь, почему я люблю танцы. Ты не понимаешь, почему я хочу снимать кино. И самое худшее то, что ты даже не пытаешься понять, — я поправляю сумку на плече и встречаюсь с ним взглядом, умоляя его в последний раз.

Он лишь смотрит на меня в упор.

— Грей, почему бы нам не пойти на компромисс?

— Каким образом? Ты имеешь в виду, я должна отказаться от киношколы, чтобы ты был счастлив?

Он неверенно пожимает плечами:

— Ну... не бросать то, чего ты хочешь, просто сделать это отчасти.

— Нельзя сделать это отчасти, папа. Я в любом случае уезжаю. Останемся мы в хороших отношениях или нет, решать тебе. Наши отношения зависят от тебя.

Его взгляд становится жестким, и он засовывает руки в карманы.

— Значит, прекрасно. Будь повесой.

Я смеюсь:

— Боже, как драматично. Я не повеса, я делаю то, что для меня правильно. Ты просто не можешь это принять, — я выпрямляю спину и ужесточаю сердце. — Прощай, папочка.

— Пока, Грей.

Никто из нас не сказал «Я люблю тебя». И никаких объятий. Я жду, что он изменит свое решение. Но он не меняет. И я отворачиваюсь, иду к машине Дэвин и сажусь в нее.

Дэвин спрашивает:

— Ты...

— Я в порядке, — я сжимаю зубы, стараясь опять не расплакаться.

— Ну, это какой-то бред, но раз уж это лучше для тебя, — Дэвин обеспокоенно смотрит на меня.

— Он не... он просто не идет на уступки. Он не допустит, — я тру глаза руками, пытаюсь облегчить жжение от слез. — Он не примет то, чем я занимаюсь, а я... я не собираюсь больше давать ему управлять моей жизнью.

Наконец я плачу. Я не могу сдержаться. Несколько слез скатываются по щеке, но я не вытираю их. Мне все равно, что они смывают макияж.

— Так что теперь? — спрашивает Дэвин.

Я пожимаю плечами:

— Теперь? Я перееду в Лос-Анджелес.

— Одна?

Я киваю:

— Наверное.

Оставшийся путь до дома Дэвин мы проводим в молчании. Она не знает, что сказать, как и я.

Дэвин провожает меня до металлоискателя в аэропорту. Все мои пожитки поместились в чемодан и вещевой мешок, которые я сдала в багаж. Я летала самолетом лишь однажды, два года назад на мое шестнадцатилетие в Нью-Йорк вместе с мамочкой. Она помогала мне в поездке. Я обнимаю Дэвин и прощаюсь с ней. Теперь я одна.

Я поворачиваюсь и в последний раз машу Дэвин, и затем сосредотачиваю внимание на контрольном пункте. Пожилой мужчина в очках с толстыми стеклами и в ярко-голубой униформе сидит за столом. У меня в руках посадочный талон, который для меня распечатал папа Дэвин.

— Водительские права? — спрашивает мужчина, не глядя на меня.

Я копаюсь в сумке, нахожу права и показываю ему. Он бросает взгляд на меня, на документы, записывает что-то на моем билете и машет мне, чтобы я проходила дальше. Люди вокруг меня, кажется, знают, что нужно делать. А я нет. Я смотрю, как женщина передо мной снимает туфли, вытаскивает большой черный ноутбук из сумки и кладет его в белый контейнер. Туда же по отдельности отправляются кошелек, права, посадочный талон и обувь. Я следую за ней, снимаю мои туфли без каблуков и складываю их в контейнер с остальными вещами. Жду своей очереди, чтобы встать на штору, напоминающее нечто из «Звездного пути», крутящуюся стену в цилиндрическом стеклянном ограждении. Мне говорят поднять руки над головой, и устройство крутится вокруг меня.

Что, если им понадобится меня обыскать? Мне нечего прятать, но я все равно встревожена. Они пропускают меня, и я забираю свои вещи. Весь этот процесс такой... неловкий, до странного интимный. Бизнесмены в костюмах ходят вокруг в одних носках, женщины босиком, жонглируя пожитками и стараясь не попадаться друг другу под ноги, и за всем этим безразлично наблюдают сотрудники в голубых рубашках, выкрикивая указания и изображая суровый вид.

Пройдя мимо книжных магазинов, отделов дьюти-фри, кафе и туристических групп с рюкзаками и в наушниках с чемоданами наперевес, я нахожу свой выход на посадку. Я вижу у выхода еще одного одинокого путешественника, мужчину за тридцать с аккуратно выбритой эспаньолкой и дорогим портфелем. У него три телефона на ремне, с руки свисает

пиджак, и он читает «Нью-Йорк Таймс». Он бросает на меня взгляд, оглядывает и продолжает меня игнорировать. Меня, кажется, в упор никто не замечает.

Мне в жизни еще никогда не было так одиноко. У меня с собой айпод и книга «Дыхание, глаза, память» в мягкой обложке, которую дала мне Дэвин. Не знаю, почему она решила, что мне нужна эта книга, но это поможет скоротать время. Я жду еще час, отбросив свою собственную жизнь и погружаюсь в проблемы других людей.

Полет долгий и скучный. Я дочитываю книгу на полпути, и мне больше нечем заняться, кроме как слушать песни в айпode на повторе. Я просматриваю каталог магазина «SkyMall». Посадка неприятная и тряская, а аэропорт Лос-Анджелеса огромный и запутанный. Это до сих пор похоже на сон, словно я могу в любой момент проснуться в своей постели дома, и там будет мамочка, живая, и она приготовит мне завтрак. В конце концов, я нахожу зал выдачи багажа и ожидаю свои сумки. На моем вещевом мешке появился новый разрыв.

Я иду по знакам к выходу, и, когда стеклянные двери раскрываются, меня сбивает с ног волна горячего воздуха. Внезапно все становится реальным. У меня с собой 400 долларов; половина этой суммы моя, то, что осталось от пособия. Остальное — подарок родителей Дэвин. Это все, что у меня есть. 400 долларов. Дорога от аэропорта до университета стоит 40\$, и у меня остается 360\$. Я не ела с тех пор, как покинула дом Дэвин, и у меня урчит в животе. Я слишком нервничаю и напугана, чтобы есть. Водитель такси — огромный, молчаливый и чернокожий мужчина, с тонкими дредами до плеч. Он ничего не говорит. Когда мы приезжаем в Университет Южной Калифорнии, он просто показывает на счетчик и ждет. Я расплачиваюсь, неохотно расставаясь с деньгами.

Университет огромен. Я иду за другими молодыми людьми моего возраста, примерно такими же напуганными. Большинство из них сопровождают мамы или папы, или оба родителя одновременно. Никто не замечает меня. Я следую за толпой в офис, переполненный людьми. Там есть ориентировка, тур по кампусу. Карты выдают вместе с дешевыми ежедневниками. Моя комната представляет из себя коробку с двухъярусными кроватями по одну сторону; также там стоит узкий, приземистый шкаф и крохотный компьютерный стол, который, я полагаю, принадлежит моей соседке. Он белого цвета, и в одном из углов есть узкое окно с грязными белыми шторками, задернутыми на одну сторону и пропускающими тусклый свет с улицы.

Моя соседка уже здесь, она сидит на нижней кровати, листая журнал «Vanity Fair». Она на несколько сантиметров ниже меня, на несколько размеров меньше и выглядит потрясающе, как модель. Ее макияж безупречен, а платиновые волосы гладкие, блестящие и идеально уложены ракушкой. У нее дорогая и безукоризненная одежда. На руках у нее французский маникюр, и рядом с ней, на кровати лежит сумочка от Dooney & Bourke, из которой выглядывает айфон. Она улыбается мне, оценивает мой наряд — уже не актуальную в этом сезоне, но и не дешевую одежду — юбку до колен, подходящую мне, но скромную рубашку с V-образным вырезом и поношенные туфли без каблуков, — и ее улыбка слегка блекнет. Очевидно, она не впечатлена.

— Так ты актриса? — спрашивает она. Это звучит, будто она продюсер или кто-нибудь из Силиконовой Долины.

— Нет, я собираюсь работать в производстве.

— А, типа, те люди вне кадра? — она так и источает презрение.

— Ну, да.

— Ты с юга, — догадывается она.

— Да. Я из Макона.

— Это, типа, где-то в Алабаме?

Я смотрю на нее во все глаза, не понимая, шутит она или нет.

— Нет, это в Джорджии.

— А. Я — Лиззи Дэвис, — она даже не протягивает руку.

— Грей Амундсен.

— Грей. Серый цвет?

— Ну, да... только пишется по-другому.

— А. Как в «Пятидесяти оттенках».

Я пожимаю плечами, не желая показывать, что я знаю, о чем она говорит. Она самодовольно усмехается и продолжает настраивать свою гитару. Ее телефон звонит, и она откладывает инструмент, скрещивая ноги и проводя по экрану. Она занимается этим, пока я разбираю вещи. У меня нет ни плакатов, ни других украшений, кроме фотографии меня и мамочки в Нью-Йорке. У меня нет ни ноутбука, ни телефона. Я замечаю ноутбук на столе Лиззи, большой серебристый MacBook.

Когда я раскладываю вещи до конца, мне нечего делать. Лиззи до сих пор кому-то пишет сообщения, или чем она там занимается. Сейчас 4 часа дня, среда, а занятия не начнутся до пятницы, а потом у нас будут целые выходные до того, как мы начнем учиться по-настоящему. Я забираюсь по лестнице, ложусь на бок и разглядываю стену, думая о мамочке. Она бы велела мне прекратить хандру и найти себе занятие. Разведать город, потанцевать. Снять фильм.

Вместо этого я лежу на верхнем ярусе и размышляю, не совершила ли я ошибку, приехав сюда.

• Глава 5 •

За следующий год урчание в животе становится привычным. Стипендия, на которую я живу, мизерная, и ее едва хватает на обеды в столовой, которые обычно отвратительны и редки. Я провожу на занятиях все дни с утра до вечера, и часто у меня хватает времени только на то, чтобы съесть какой-нибудь рогалик утром и что-нибудь быстрое и невкусное вечером. У меня высокие оценки, 4.0 за первый семестр, 3.9 за второй. Я изучаю кино и занимаюсь танцами. Мое прибежище, мое святилище вдалеке от всего — тихая комната на верхнем этаже одного из корпусов. Я никогда никого там не встречала, так как на это этаже в основном находятся кабинеты администрации. Комната довольна просторна для моих занятий, и пустая, не считая единственного шкафа с документами в углу, так что я могу свободно танцевать. Там имеется окно, впускающее в помещение дневной свет, и розетка близко к полу, к которой я подключаю свой айпод.

Я ухожу туда между занятиями, включаю негромкую музыку и запираю дверь. Я нахожу песню, которая трогает струны моей души, и начинаю танцевать. Я просто двигаюсь, позволяя телу лететь. Нет никакой хореографии, никаких правил, никаких ожиданий, никакого рвения получить хорошую оценку и никакого ощущения одиночества. Только растяжки, прыжки, пируэты и сила в моих ногах, натянутый внутренний стержень. В этом месте я всецело могу быть собой.

Мой первый учебный год проходит неплохо. Я отделалась от всех общеобразовательных предметов, английского, химии и двух семестров иностранного языка. Второй год начался для меня с первых курсов среднего уровня и нескольких вводных занятий по

кинопроизводству. Отсутствие денег означает, что я редко выхожу из кампуса. Я провожу дни на занятиях, делая записи, или в своей комнате за домашним заданием. Лиззи почти никогда не бывает в общежитии, она возвращается поздно, пропахшая алкоголем. Однажды она пригласила меня на вечеринку, но я отказалась. Мне это не интересно.

Папа ни разу не пытался связаться со мной.

Мой двадцатый день рождения проходит незамеченным. Я провожу его за написанием эссе для «Метрополя» об использовании угла обзора видеокамеры и длительности кадра. У меня нет друзей. Я не знаю, как их нужно заводить.

Единственное, благодаря чему я остаюсь в здравом уме, — это школа. Для большинства людей, колледж — это работа. Это стадия, которую они должны пройти в своей жизни; для меня же это — моя жизнь. Для меня это не просто просиживание лекций и написание эссе, это обучение искусству, мастерству. Я впитываю все знания о кинематографе, какие могу, о процессе перенесения идеи из заметок на бумаге на большой экран. Я смотрю фильмы в любой свободный момент и анализирую их. Я ношу камеру всюду, куда бы я ни пошла, снимая короткометражки обо всем, что попадает на глаза. Большинство этих видео — виньетки, просто моменты жизни, на которые наложена музыка. Они для меня такое же самовыражение, как и музыка.

В середине второго курса меня вызывают в центр финансовой помощи. Мне пришло письмо, написанное очень туманно, о том, что с моим положением возникли некоторые проблемы. Или типа того. Я бегло просмотрела его. Я прохожу в кабинет с серой плиткой на полу, серыми колоннами, красными кожаными диванами и узкими шкафами. После получасового ожидания меня вызывает к себе женщина за тридцать с кожей цвета мокко и короткими кучерявыми черными волосами.

— Здравствуй, Грей. Меня зовут Аня Миллер.

— Здравствуйте, миссис Миллер. Мне пришло оповещение из вашего офиса о моей финансовой поддержке.

— Называйте меня Аня, прошу вас, — она берет мое удостоверение и достает мои документы, читая их с все возрастающе смущенным выражением лица, что говорит о том, что новости меня не обрадуют.

— Итак, Грей. Ваша стипендия покрывала почти все твое обучение и стоимость общежития. К сожалению, вы израсходовали почти все бюджетные средства. Вам хватит их, чтобы окончить этот год. Или же вы можете растянуть их и покрыть стоимость обучения, но так же не целиком. Вы числитесь как самостоятельная, значит, можете сами себя обеспечивать. Если бы вы были записаны как живущая за счет родителей, а их доход был бы низким, можно было бы обратиться за финансовой помощью. Но так как Вы независима, вы можете устроиться на работу, чтобы обеспечить себя.

— Но как они могли закончиться? Я думала, что это ссуда. Ну, что средства будут пополняться. Я хочу сказать... что мне теперь делать?

Аня просто одаривает меня сочувственным взглядом, дающим понять, что ответить ей нечем.

— Это был грант, а значит, ограниченная сумма денег. Вам это должны были объяснить. Вы могли бы подать заявку на стажировку, но ярмарка вакансий проходила неделю назад, и, боюсь, все места уже заняты. Что касается проживания в кампусе, то большинству студентов в конце концов удается найти работу, чтобы оплатить проживание, — она говорит это, будто это все очевидные вещи.

Я предполагаю, что это объясняли мне или мамочке, но я так была занята ее борьбой с раком, что не уделяла этому внимания. И, видимо, это было очевидно, но я раньше никогда не работала. Я не имею понятия, как искать работу.

Рассеянно поблагодарив Аню Миллер, я выхожу из офиса, ошеломленная. Все время между занятиями на этой неделе я провожу в поисках работы в кампусе, но никаких вакансий нет. Даже места уборщиков заняты. Я получаю официальное письмо от университета с указанием средств, оставшихся на моем счету, и сколько мне придется отдавать каждый семестр, если я использую половину моей стипендии для платы за обучение. Это огромная сумма денег. А на моем счету тридцать долларов.

Я заполняю одно резюме за другим в близлежащих ресторанах и барах, магазинах и бутиках. Ни у кого нет для меня места. Проходит неделя, за ней другая. Я достаю карту Лос-Анджелеса с маршрутами автобусов и начинаю подавать заявления в места все дальше и дальше от университета.

Может быть, я задаю неправильные вопросы, или, может быть, все вакансии действительно заняты, но удача абсолютно не на моей стороне. Кажется, я почти получила работу в одном баре, но менеджер, проводивший собеседование, узнал, что у меня нет опыта, и вновь ничего не вышло. Если я в скором времени не найду работу, мне негде будет жить, а единственное, ради чего я в Лос-Анджелесе, — степень по кинематографии — я не получу.

Я еду на автобусе все дальше и дальше, спрашивая всех и вся, найдется ли для меня работа. Ни у кого ее нет.

И вдруг я вижу надпись: **«ПРИНИМАЕМ НА РАБОТУ ПРЯМО СЕЙЧАС!»**.

Мой желудок сжимается, как только я вижу название заведения: «Джентльменский клуб экзотических ночей». Знак о приеме на работу гласит: «Принимаем экзотических танцовщиц прямо сейчас. Обратитесь к администратору за подробностями».

Может, я и наивная пасторская дочь и деревенщина из Макона, но я знаю, что такое джентльменский клуб и что такое экзотические танцы.

Я продолжаю ехать в автобусе. Выхожу у кабака и узнаю там насчет работы, но мне не везет. Я даже нахожу танцевальную студию, прохожу пробы и спрашиваю, есть ли у них вакансии, но владелица просто высмеивает меня.

Проходят недели. Конец семестра не за горизонтом. То объявление о работе преследует меня. Оно даже мне снится. Это работа. Это доход. Это шанс остаться в общежитии. Но... это джентльменский клуб. Стрип-клуб.

Это означает, что мне придется снимать с себя одежду в обмен на деньги. У меня все внутри сжимается при одной мысли об этом. Я даже бикини не надевала никогда. Никто не видел меня голой с тех пор, как я начала купаться в ванной самостоятельно в возрасте девяти. Я не могу. Я просто не могу.

Могу ли я?

Я не могу просить денег у папы. Я не могу вернуться в Джорджию.

Я не могу ни спать, ни есть. Я пропускаю занятие и заваливаю тест. Мне приходит официальное извещение о том, что плата за общежитие истекла. Через неделю я олучаю письмо, повторяющее, сколько придется платить за обучение в следующем семестре, включая все занятия и двенадцать факультативных часов. Плата за общежитие дополнительная.

Я проплакала всю ночь.

Я вставляю четвертак в поломанный изрисованный автомат на улице и набираю папин

номер, слушаю один гудок, второй. Я бросаю трубку до того, как раздастся третий.

Потом происходит перемена. Я получаю работу хостесс в итальянском ресторане. Это место, это работа. Я проработала достаточно, чтобы получить две зарплаты, и также достаточно для того, чтобы понять, что этого мне и близко не хватит, чтобы оплатить обучение. Я умоляю их дать мне дополнительные часы, обслуживать столики, что угодно, но менеджер и не думает идти мне навстречу, указывая на отсутствие опыта. Через несколько месяцев мне, может быть, поручат обслуживать столики, но не сейчас.

Этого недостаточно. У меня нет времени ждать; мне нужны деньги прямо сейчас. Я продолжаю работать хостесс и искать другое место.

Джентльменский клуб возникает в моих мыслях вновь и вновь. Я знаю, что я смогла бы на этом заработать.

Наконец семестр подходит к концу, и у меня есть две недели, чтобы найти средства на обучение, комнату и питание. Это невероятная сумма. Тысячи и тысячи долларов.

Время принять решение.

Я поправляю сумку на плече, подавляю тошноту и сажусь в автобус. Он один из новых, красный и футуристичный. Я в наушниках, слушаю “Ten Thousand Hours” Macklemore, песню, на которую случайно наткнулась онлайн. Я качаю головой в такт песне и концентрирую внимание на тексте, на плавном, страстном потоке ритма и красоте слов. Я стараюсь не думать о том, что мне сейчас предстоит сделать.

Мне почти удалось убедить себя, что это как любая другая работа. Но потом автобус тормозит и я выхожу, попадая на раскаленный жаркий воздух. Мои туфли на танкетке от Mary Jane клацают по потрескавшемуся асфальту, пока я прохожу три квартала до дверей клуба. Это низкое кирпичное здание с затемненными окнами и поблекшим белым навесом. Название написано поверх затемненных стекол желтыми неоновыми трубками: «Джентльменский клуб экзотических ночей», и рядом с ним — объявление о работе. Нет ни телефонного номера, ни адреса, ни часов работы. Просто дверь, через которую видно фойе. Сейчас день, и крошечная парковка пустует, не считая единственного автомобиля, Trans-Am с откинутым верхом. Руки дрожат, когда я хватаюсь за накалившуюся на солнце металлическую ручку двери. Меня подташнивает, но я подавляю позыв.

Дверь бесшумно раскрывается. Коридор, едва в десять шагов длиной, заканчивается еще одной дверью из черного дерева с круглой латунной ручкой, которая ведет в единственное злочное заведение, в котором я когда-либо была. Везде горят лампы, освещая около пятидесяти маленьких круглых столиков, поставленных вплоты к полукруглой сцене. Серебристый металлический шест тянется от сцены до потолка, и прожекторы, в данный момент выключенные, направлены в центр сцены. По одну сторону в клубе простирается барная стойка, а у другой стены расположены кабинки, покрытые красной потрескавшейся кожей, рядом с ними автоматы с салфетками из липкого на вид пластика.

В баре сидит мужчина, перед ним стоит небольшой стакан, наполненный светлой жидкостью со льдом, несмотря на то, что сейчас нет и трех часов дня. Он низкого роста, притом что он сидит, и у него черные зализанные назад волосы как в фильмах про гангстеров. На нем вырвиглазно яркая гавайская рубашка на пуговицах и черные брюки в обтяжку.

Он слышит, что я вошла, и поворачивается в мою сторону, небрежно бросая:

— Мы закрыты...

Но потом видит меня, обрывает себя на полуслове и встает.

Мой взгляд останавливается на его туфлях из змеиной кожи и узкими носами, на животе, выпячивающемся из-под рубашки, и на шести золотых кольцах на его пальцах. У него неряшливая эспаньолка, круглое лицо и юркие карие глаза.

— Ну, здравствуй, дорогая. Чем могу помочь? — его голос меняется с пронзительно высокого до плавного и услужливого.

Его взгляд нагло переносится с моего лица на мою грудь, задержавшись там на долгое время, опустившись на мои бедра и обратно вверх. Я одета как обычно, в пару сидящих на моей фигуре, но не обтягивающих джинсах, и в зеленую кофточку на пуговицах без рукавов.

Мой голос не слушается. Я не могу заставить себя выговорить эти слова. Я делаю глубокий вдох и выдавливаю их:

— Я увидела объявление... и мне... мне нужна работа, — южный акцент в моем голосе еще никогда не был так отчетлив.

Мужчина делает шаг вперед и пожимает мою руку. Ее ладонь липкая, пальцы толстые, а рукопожатие вялое.

— Меня зовут Тимоти ван Даттон. Я управляющий. Не желаете присесть? — он ставит рядом со своим стулом еще один. — Хотите что-нибудь выпить?

— Просто воду со льдом, пожалуйста, — я пытаюсь подавить акцент, но ничего не выходит. Я слишком нервничаю.

Он суетится вокруг стойки, бросает лед в стакан и наливает воду, затем толкает стакан по стойке в мою сторону и снова садится.

— Итак, как вас зовут?

— Грей. Грей Амундсен.

— Грей. Какое милое имя.

— Спасибо.

— Итак, Грей Амундсен. Вы здесь по поводу вакансии?

Я киваю:

— Да. Я... я учусь в университете, и мне... мне нужна работа.

Он потирает усы над верхней губой, затем подбородок, внимательно оглядывая мою фигуру еще раз.

— Вы когда-нибудь танцевали?

— Танцевала? Я думала... я думала, это... ну Вы понимаете. Стрип-клуб, — шепчу я последние слова, с трудом выдавливая их.

Тимоти смеется:

— Большинство моих девочек предпочитают называть себя «экзотическими танцовщицами». Итак, я делаю вывод, что Вы никогда раньше не танцевали.

Мне действительно нужна эта работа, поэтому мне лучше постараться, чтобы получить ее. Я должна заставить его думать, что я с ней справлюсь, даже если я сама в этом не уверена.

— Я танцовщица. Я обучалась балету, джазу и современному танцу. Поэтому.. я танцовщица. Просто... я никогда не танцевала... вот так, — я показываю рукой на сцену, на шест.

— Ясно. Так почему тогда вы решили этим заняться? Это работа не для всех. Здесь требуются определенные навыки. Вы не можете просто подняться на сцену и снять одежду. Это так не работает. Вы должны заставить их захотеть вас, — его глаза ни разу не

оторвались от моей груди за весь наш разговор.

Я не обращаю на это внимание.

— Я умею выступать на сцене. Я участвовала в концертах. Так что... я знаю, как выступать.

Он смеется:

— Но это совсем не такие выступления, солнышко. Теперь, не поймите меня неправильно, но вы сейчас, похоже, описаетесь от страха. Так почему бы вам не быть честной со мной?

— Мне очень нужна эта работа, — я уставилась на липкую поверхность бара, не глядя Тимоти Ван Даттону в глаза. — Может, такая работа и не была моим изначальным выбором, но... я научусь.

Тимоти не сразу отвечает. Он подносит стакан к губам и делает глоток, издавая шипение, выпив то, что у него там в стакане. Его взгляд снова меня сканирует.

— Встаньте.

Я подчиняюсь, и он крутит указательным пальцем в воздухе. Такой же жест показывала нам миссис Леруа, чтобы мы сделали пируэт, и я кружусь.

— Смотрите неплохо, но делай это медленнее.

Я медленно поворачиваюсь, изгибаясь в спине, выпячивая грудь. Я чувствую на себе его взгляд, и по мне пробегают мурашки.

— Расстегните-ка несколько пуговиц.

Я останавливаюсь, уставясь ему в глаза.

— Что? — в ужасе шепчу я.

— На рубашке. Расстегните несколько пуговиц. Мне нужно увидеть немного кожи.

Я колеблюсь, и он наклоняется вперед, щуря глаза:

— Послушай, золотце. Ты хочешь устроиться экзотической танцовщицей. Это означает, что тебе придется раздеваться. Мы продаем алкоголь, поэтому у нас танцуют в полуобнаженном виде, а это значит, что ты не будешь полностью голой, но ты должна чувствовать себя комфортно без одежды. Понятно? А теперь расстегивай блузку или убирайся.

Он прав, так что я проглатываю гордость, хотя я скорее с радостью пнула бы его из всех сил между ног. Я закрываю глаза, подношу правую руку к блузке, сжимаю пластиковую пуговку, снова колеблюсь, и наконец проталкиваю ее в разрез. Я чувствую, как моя невинность осыпается слой за слоем, по мере того как каждая пуговица проскальзывает через разрезы в ткани на блузке. Я делаю это снова, и затем в третий раз.

Это не то, как я себе представляла первое в своей жизни обнажение перед мужчиной. Меня тошнит, я напугана и чувствую отвращение.

Мое декольте теперь видно над краями блузки, и чуть показывается черный бюстгальтер. Я тяжело дышу, и от каждого вдоха мои груди поднимаются. Глаза Тимоти прикованы к ним. Он приподнимает бровь и тычет в меня пальцем, что означает, что мне нужно расстегнуть еще одну пуговицу. Я расстегиваю, и слезы наполняют мои глаза. Я смагиваю их и опускаю взгляд. С кончика моего носа спадает слезинка и падает к ногам, а за ней следом другие. Я быстро моргаю и тяжело дышу, концентрируюсь на том, чтобы сдерживать рыдания, подступающие к горлу. Его лицо выражает чистое вожеление. Я бросаю на него взгляд сквозь ресницы, и вижу, что он засовывает руку в карман. Он самоудовлетворяется, и мое отвращение растет. Может, я и девственница, но мне известны

основы. Мне известно, почему ему вдруг приспичило самоудовлетвориться.

Я сглатываю, у меня во рту словно горькая горячая кислота.

— Хорошо. Очень хорошо. У тебя великолепное тело, и твой невинный вид будет сводить мужчин с ума, — наконец говорит он.

Он говорит обо мне. Это приводит меня в замешательство. Я отчаянно хочу застегнуть блузку, но я сдерживаюсь. Тимоти прав в том, что мне придется привыкнуть к тому, что меня будут разглядывать. И это наименьшее, что мне придется терпеть на этой работе. Понятия не имею, сколько за это платят, но я знаю, что стриптизершам платят хорошо. Все, что мне известно, — что я отчаянно нуждаюсь в этой работе, и, если я буду раздеваться на глазах у мужчин всю ночь напролет, то лучше бы это того стоило.

— К тому же, продолжает Тим, — у тебя сексуальный южный акцент. Ты привлечешь толпы зрителей.

— Так я получаю место? — в моем голосе нет ни восторга, ни азарта. Только отвращение, смешанное с ужасом и облегчением.

— Оно твое.

— Сколько... сколько за это платят?

Тимоти пожимает плечами:

— По-разному. Мне кажется, что у тебя огромный потенциал в плане соблазнительности, что будет тебе на руку. Если будешь исполнять приватные танцы, то сорвешь куш. Клуб не платит напрямую. Тебе платят чаевыми, а ты отдаешь клубу процент. Немного, всего лишь пятнадцать, а это средний показатель в этом бизнесе. Ты должна станцевать под две-три песни. Большинство девочек зарабатывают между 50 и 100 долларами за одно выступление. Такие, как ты, могут исполнять по 3-5 выступлений за вечер. Между выступлениями будешь обслуживать столики, по 10\$ за каждый, плюс чаевые от клиентов. Потом, в задней части клуба находятся VIP-комнаты, всего четыре штуки. Большинство девушек получают около 100\$ за одно обслуживание в VIP-комнате. Надо работать как минимум по три вечера, но мы открыты семь дней в неделю. По выходным, само собой, прибыль больше всего, — он приподнимает бровь. — Так как ты раньше не танцевала, я скажу тебе кое-что. Большая часть девочек зарабатывают дополнительно на частных вечеринках, мальчишниках и подобном дерьме. Им не приходится отдавать нам процент, вся оплата остается им.

— Что... — мой голос срывается, и приходится начинать снова. — Что вы имеете в виду под частными вечеринками?

Тимоти смеется:

— Это лишь значит, что ты делаешь там то же самое, но на частной вечеринке. Слушай, для вечеринки ты сама устанавливаешь правила. Как минимум, исполняешь приватный танец и все такое, может быть, стриптиз для компании, — он подмигивает. — Я знаю, о чем ты думаешь, и все это на самом деле не так. Только если ты сама того не хочешь, конечно. Все зависит от тебя. Это никак не связано с заведением. Мужчины будут звать тебя на частные вечеринки, и решать тебе, принимать предложения или нет.

Мне приходится сделать несколько глубоких вдохов:

— Ладно. Ладно, я справлюсь с этим.

Тимоти опять смеется, с низким, удивленным смешком:

— Ты убеждаешь меня или себя?

— Обоих, наверное, — говорю я.

— Приходи завтра вечером часов в семь или восемь, и мы придумаем тебе танец. Моя лучшая танцовщица, Кэнди, будет здесь, и она тебе поможет. Покажет, что надо делать и все такое, — он поднимается, закидывается виски или что там у него, и затем протягивает мне руку для рукопожатия.

— Добро пожаловать в Экзотические Ночи, Грей. О, кстати, тебе понадобится сценическое имя.

Он провожает меня до выхода, и, когда он открывает передо мной дверь, его рука задевает мои ягодицы. Это не случайность, потому что я почувствовала, что его рука намеренно тянулась. Я уворачиваюсь от него и оборачиваюсь, пристально на него посмотрев. Он просто машет мне рукой.

У меня есть официальная работа. Облегчение разбавляется тошнотворным ужасом от того, в чем эта работа заключается. Я еще ничего не делала на ней, что означает, что еще не поздно отказаться. Я могу просто не прийти и надеяться, что найду что-нибудь еще.

Я застегиваю блузку обратно, как только покидаю клуб и иду к остановке. Как только я вхожу в кампус, я отныне в полной мере осознаю, что парни там пялятся на меня, пока я иду к своей комнате. Я не из тех девушек, что ни за что не признают, что они привлекательны. Я привыкла к взглядам, направленным на меня, куда бы я ни пошла; я просто не обращаю на них внимания. Но теперь... вытерпев вожденное пожирание меня взглядом Тимоти и его самоудовлетворение, я не хочу, чтобы на меня смотрели, казалось бы, все, кто проходит мимо. Мои джинсы кажутся более обтягивающими, чем когда я надевала их этим утром, и внезапно моя блузка обнажает меня сильнее, чем я представляла. Мне бы хотелось, чтобы на мне сейчас были мои спортивные штаны и толстовка.

Я вхожу в комнату и забираюсь на кровать, прежде чем расплакаться. Слезы приходят в горячем потоке вместе со смущением, виной, ужасом, тошнотой и сомнением. Папочка был прав. Он говорил, что меня затянет развратная жизнь, и так оно и вышло. Я только что устроилась стриптизершей. Я не собираюсь прославлять это словами «экзотическая танцовщица».

Я даже не хочу знать, что бы на это сказала мамочка.

Но, правда, я не собираюсь отступать. Я не вернусь в Макон, в Джорджию. Я не вернусь. Я собираюсь получить диплом.

Я работала не покладая рук, чтобы поступить в интернатуру в «Fourth Dimension Films», и я отредактировала видео с мамой и показал его миссис Адамс, моему научному руководителю. Она увидела потенциал в моей работе, а «Четвертое измерение» — одна из крупнейших частных киностудий в Лос-Анджелесе. Получить интернатуру там стало бы огромным шагом в карьере. Но для этого я не могу жить улице. Мне нужно оставаться в университете и где-то жить. Мне нужен профессиональный гардероб.

Короче говоря, мне нужна работа, и это — единственная возможность, которая выпала мне за месяцы поисков.

И все же я плачу засыпая. Лиззи не возвращается до трех ночи и приводит с собой парня. Они заваливаются на ее ярус, и я часами не могу уснуть, слушая их стоны, хрюканье и хихиканье.

• Глава 6 •

Я крепко закрываю глаза и молюсь, хотя мне стыдно за это; Господь бы не одобрил то, чем я собираюсь заниматься, я чертовски уверена. Я сжимаю руки в кулаки, чтобы

остановить дрожь, но они трясутся, как листья на деревьях во время грозы в Джорджии.

— Грейси, ты следующая, — Тимоти просовывает голову в дверной проем гримерки, и я определенно не скучала по тому, как жадно он обстреливает меня своими маленькими глазками.

По спине пробегают мурашки, и я хочу послать его подальше, но не могу. В конце концов, минут через пять меня будет рассматривать еще пристальнее целая толпа людей. Я едва одета, по крайней мере, в сравнении с тем, к чему я привыкла. Я с детства носила платья в пол и юбки со свободными футболками. Никаких вырезов, ничего выше колена. Ничего откровенного и вызывающего. Ничего сексуального и чувственного. Ничего непочтительного и неугодного Богу.

Прямо сейчас на мне пара обрезанных джинсовых шорт, с кромкой, изношенной до ниточек. В Маконе такие шорты называли бы «Daisy Dukes²», так как они обрезаны так коротко, что видна нижняя часть моих ягодиц. К тому же, они обтягивающие и сжимают мои плотные бедра танцовщицы, как спандекс. На мне фланелевая рубашка, но и ей далеко до скромности. Она расстегнута до самого декольте, которое ничем не поддерживается. Застегнуты всего четыре нижние пуговицы, и тяжесть моей груди скоро их разорвет. В конце концов, в этом и весь смысл. Пуговицы и должны оторваться. В углу примерочной целая вешалка с подобными рубашками, так как часть выступления состоит в том, чтобы разорвать рубашку на груди.

Это должно быть сексуально, по словам Тимоти:

— Это сведет их с ума.

Он эксперт в этом, видимо. Остатки фланелевой рубашки завязаны прямо под моей грудью, так что вся моя грудная клетка оголена. Последняя часть комплекта — костюма — широкий кожаный пояс с большой блестящей пряжкой и пара сапог до колен. Сапоги специально для стриптиза, как я понимаю. Кажется, так оно и есть, папа упоминал что-то подобное, когда говорил о том, как я стану шлюхой. Они замшевые, с бахромой, на тонких и высоких стальных каблуках, и в них мой рост достигает 1,83 метра, когда во мне метр семьдесят пять.

Мои светлые волосы зачесаны до такого блеска, что Кэнди спросила, не надела ли я парик. Мое лицо нашпугатурено кричащим макияжем. Окрас блудниц, как сказал бы дедушка. Я всегда наносила, как максимум, чуть-чуть блеска на губы и немного теней, поэтому теперь основа, помада и тушь по ощущениям похожи на маску. Что, кстати, неплохо, в какой-то степени эта маска спрячет меня.

Я глубоко вдыхаю и заставляю себя встать со стула, покачиваясь на непривычных мне каблуках. Тимоти распахивает дверь и придерживает ее, но не из джентльменских побуждений. Он стоит на пороге так, что мне приходится протиснуться рядом с ним. Я сдерживаю порыв ударить его, когда он «нечаянно» задевает мою задницу.

— Не делай этого, Тим, — говорю я, гордая твердостью и спокойствием в своем голосе. Это не первый раз, когда я прошу его не трогать меня.

— Чего не делать?

Я стреляю в него взглядом, которому научилась у отца, тем самым, который вызывает у мудичья дрожь в коленках.

— Если я здесь работаю, это не значит, что можно лапать меня, когда тебе захочется, Тимоти ван Даттон. Убери от меня свои грязные лапы, — мне не нравится мой гнусавый выговор, но я нервничаю и расстроена, и он — часть моей новой личности, «Грейси».

Тимоти хитро смотрит на меня:

— Послушай, Грейси. Ты звучишь прямо как южная красавица. Мне нравится это. Продолжай так себя держать, неплохо смотрится. Теперь проваливай и делай то, за что я тебе плачу.

— Платишь мне не ты, а клиенты, — резко отвечаю я.

Его взгляд становится жестким, а голос низким:

— Еще раз скажешь мне подобное — и ты уволена, — он ударяет по моей заднице так, что на глаза наворачиваются слезы, но я не даю ему удовольствие получить ответ. Может, это считается сексуальным домогательством, но мне слишком нужна эта работа, чтобы спорить.

Он проходит мимо меня, оставляя меня собраться с мыслями и мужеством. Когда он пропадает из поля зрения, я потираю ягодицы там, куда пришелся удар, с испугом сообразив, что он может легко уволить меня, если захочет. И я окажусь за бортом без спасательного круга.

Я пробираюсь за кулисы, поднимаюсь по трем ступенькам на сцену и встаю за занавесом. Сердце колотится как молот, в горле такой комок, что я едва дышу, и я вот-вот заплачу. Я не хочу туда идти.

Моя репетиция с Кэнди была неловкой и отвратительной. Крутиться на шесте гораздо сложнее, чем кажется. Я несколько раз упала, прежде чем у меня получилось обернуть ногу вокруг холодного металла и покрутиться на нем. Кроме Кэнди, никто на меня не смотрел, и я все равно расплакалась, когда впервые сняла рубашку. Кэнди видела мои слезы, но ничего не сказала. Она просто сделала замечание, что я слишком напыщенно иду от шеста за кулисы.

В любом случае, у меня нет выбора. Его нет, если я хочу получить степень и воплотить свою мечту стать продюсером. Я поступила в интернатуру, и занятия начинаются на следующей неделе, но мне нужна хорошая одежда.

Поп-музыка в колонках стихает вместе с гудением разговоров. Толпе мужчин за занавесом наверняка слышно мое сердцебиение.

— Вы готовы, господа? — голос Тима отдается эхом в колонках, пронзительный, хриплый и внушающий. — Сегодня у нас очень, очень особенное угощение для вас. Совершенно новое выступление. Она прибыла прямо из Макона, Джорджия, выращенная на кукурузе южная девушка, и, парни, она... горяча.

Свист и перешептывания становятся оглушительными, пока Тим не унимает их.

— Позвольте представить вам... Грейси!

По крайней мере, Тим заставил меня придумать сценическое имя. Девушка спиной к стриптизерскому шесту, с выставленным в сторону бедром, держащаяся руками за холодный металл высоко у себя над головой... это Грейси, исполнительница стриптиза.

Она — не я.

Меня зовут Грей Амундсен. Но Грей нет здесь, в этой грязной, прокуренной, пронизанной похотью дыре. Здесь я — Грейси.

Занавес раскрывается, и прожекторы ослепляют меня белым, красным и фиолетовым светом, и под ними так жарко, что меня тут же бросает в пот. Сначала я не двигаюсь с места. Даю им разглядеть себя. Собственно, поэтому они и здесь. Чтобы посмотреть на меня. Чтобы разглядывать меня... хотеть меня.

Меня заверили, что никто не будет меня трогать, но это не ахти какое утешение.

Меня никто никогда не хотел, никто. Папа всегда хотел, чтобы у него родился сын, и я бы играла в футбол и училась в семинарии, как папа. Если бы я была мальчиком, я могла бы возглавить кафедру Современной Баптисткой Церкви Макона. Но я родилась девочкой, поэтому не могла заниматься ничем подобным — единственная из всех детей. Мне говорили, что я должна быть на виду, но меня не должно быть слышно, сидеть правильно и вести себя сдержанно. Быть леди, быть приличной. Сидеть прямо, следить за манерами и слушаться старших. Никакой рок-музыки, никакого макияжа, никаких мальчиков. На последнее он особенно обращал внимание.

Я ни разу не ходила на свидание, никогда не целовалась (кроме Крейга, да и тот не считается).

Но, по какой-то причине, Тимоти ван Даттон решил, что я обладаю некой «врожденной чувственностью», которая сведет всех мужчин с ума, и нанял меня. Может, он просто почувствовал мое отчаяние.

Публика тем временем справилась с шоком и начала свистеть и завывать.

— Раздевайся! — кричит мужчина за столиком у сцены.

Я обхожу шест, держась за него одной рукой, долгими шагами. Такими, какие делаю танцоры на Бродвее и модели на подиуме. Так я демонстрирую им свои ноги, даю им увидеть мой стиль. Я не собираюсь просто сорвать с себя одежду и крутиться вокруг шеста. Нет, если уж я собираюсь это делать, то придам своему выступлению стиль.

Кэнди помогла мне с хореографией. Кэнди — стройная брюнетка на несколько лет старше меня, но у нее жесткость девчонки с улиц, какой у меня никогда не было. Она не то чтобы красивая, даже не близко, но с подходящим макияжем и с таким телом ее можно назвать таковой. К тому же, она делает такие движения с шестом, что мужчины сходят с ума. Я видела. Я не осмеливаюсь пытаться делать то, что делает она, сложные кружения и перевороты назад. Кэнди сухо и по-деловому показала мне, как двигаться и покачиваться, крутиться вокруг шеста и скользить по нему вниз. Они с Тимом смотрели, как у меня выходит, до сегодняшнего выступления. Свидетельством моего успеха был бугор на его ширинке.

Я подпрыгиваю и кручусь вокруг шеста, цепляясь за него правым коленом, наклоняя голову назад так, что мои белокурые волосы свисают за моей спиной. Мое сердце бешено колотится, пока я несколько раз кручусь вокруг шеста, и затем приземляюсь на одну ногу, а другая до сих обхватывает шест. Я чувствую, как мое тело трясется и подпрыгивает в этом скудном наряде. Я борюсь со слезами вины, стыда и смущения, но мне нужно не только не дать им пролиться, но и нацепить фальшивую улыбку. С каждым движением рвотные позывы все ближе.

Я придумала этот танец так, чтобы оставаться в одежде как можно дольше, но момент в итоге приходит слишком быстро. Я вертелась, свисала вниз головой, я скользила вниз спиной к шесту, широко расставив колени до боли в промежности.

А сейчас...

Сейчас я должна начать настоящий стриптиз. Я с трудом сплываю, делаю незапланированный круг вокруг шеста, чтобы скрыть, что я нервничаю, и встаю так, как стояла перед открытием занавеса: спиной к шесту, ноги на ширине плеч, руки за головой. Дрожащими руками я проталкиваю верхнюю пуговицу в разрез и шагаю на середину сцены, развязывая узел внизу. Теперь рубашка свободно висит, как и мое декольте. Затем, просто чтобы подразнить, я застегиваю верхние пуговицы. Мужчины охают и подаются вперед, и я

вижу голод и вожделение в их глазах.

Наконец, как только клубная музыка достигает кульминации, я хватаю отвороты рубашки и разрываю ее, эффектно отрывая пуговицы. Моя грудь оголена, и я раздетая стою перед полутора сотней мужчин.

Единственная слезинка катится по лицу, смешавшись с потом на моей верхней губе. Теперь я официально стриптизерша.

• Глава 7 •

Я одета в узкую темно-синюю юбку-карандаш, простую, застегнутую на все пуговицы блузку цвета слоновой кости и пару туфель на высоких каблуках, подходящих к блузке. Мои волосы связаны в пучок, и на мне минимум макияжа. Я никогда сильно не красилась, но с тех пор, как я начала танцевать в клубе, я крашусь еще меньше.

Танцевать.

Да, я начала воспринимать это именно так. Я проработала здесь три месяца, и за это время стала самой популярной танцовщицей. Меня постоянно требуют для сеансов в VIP-комнатах. За вечер я танцую три сета, и за каждый я получаю, по меньшей мере, по сто долларов. Я беру двадцать за танец на столе, пять за приватный, а за танец в VIP-комнате цена начинается от 150.

Меня до сих пор тошнит перед каждым выступлением, и я все еще засыпаю в слезах каждую ночь. Я ненавижу быть стриптизершей. «Экзотической танцовщицей». Это не танцы, это — непристойный эпатаж. Это шоу с целью заставить мужчин хотеть меня. Меня лапали так часто, что я сбилась со счета, а гнусных предложений было еще больше. Мне предлагали тысячу долларов, чтобы «развлечь» какую-то знаменитость на час в приватной обстановке. Я отказалась.

Теперь меня берут в интернатуру в «Fourth Dimension». Я хорошо там ориентируюсь, разбираюсь в документах, стенографирую, работаю на настоящих продюсеров. Я надрывала задницу, чтобы стать интерном, и работала еще усерднее в качестве ассистента в «Fourth Dimension» в надежде, что меня заметят и разрешат работать над настоящим проектом. По-видимому, у меня все получилось.

Джон Казанцидис — важный продюсер, известный тем, что у него глаз наметан на сильные, интересные сценарии. За последние десять лет он работал над несколькими популярными фильмами, включая последний блокбастер по книге «И восходит солнце³». Он всегда был вежлив со мной, и, кажется, всерьез воспринимает меня в качестве студента киношколы. Он партнер студии, поэтому работать с ним напрямую очень выгодно. Мои однокурсники сходят с ума от зависти.

Я жду за дверьми его офиса, пока Лесли, его секретарь, не получает ответ по внутренней связи и приглашает меня войти. Мистер Казанцидис, или Каз, как он сам просит себя называть, высокий и коренастый с густыми черными волосами и темно-кариими глазами. Он так и источает властность, могущество и богатство, при этом не выставляя это напоказ. Для мужчины в возрасте он очень привлекательный и обаятельный.

Он показывает на большое кожаное кресло перед своим рабочим столом, прижимая телефон к уху. Он слушает еще несколько секунд, после чего прерывает разговор на греческом и кладет трубку.

— Прошу прощения, Грэй. Я разговаривал с матерью, — он улыбается мне, демонстрируя белые зубы.

— Нет проблем, сэр. Я думаю, это прекрасно, что вы разговариваете со своей мамой.

Он кивает:

— Матери очень важны. Ты вообще видишься с семьей?

Я пожимаю плечами. Я старалась избегать разговоров о себе или о семье.

— Не особо. Моя мама умерла, а мы с отцом... ну, мы не в хороших отношениях, к несчастью.

Каз хмурится:

— Мне жаль твою мать. Как она умерла?

— Опухоль мозга, — я вытаскиваю мой новый, подаренный фирмой айпад из сумки и открываю новый документ в готовности делать заметки. — Какое у меня задание, сэр?

Каз откидывается и вертит ручку в руках.

— Можешь убрать его, — он показывает на планшет. — Оно очень простое. Ты будешь прямым посредником между «Fourth Dimension» и главным актером в нашем новом фильме. Мы партнеры в ремейке «Унесенных ветром», и я знаю, тебе не нужно объяснять, насколько важен этот проект. Оригинальный фильм — культовый элемент американской культуры.

— Да, сэр, — я засовываю айпад обратно в сумку и скрещиваю ноги, внимательно слушая.

— Я выслал тебе все нужные файлы, касающиеся фильма, включая описание твоего задания. Прежде чем прийти завтра, изучи все аспекты проекта. Съемки начнутся в следующем месяце, так что пока не нужно делать ничего особенного, но твое задание начинается прямо сейчас, — Каз наклоняется вперед и откладывает ручку. — Грэй, ты показала, что многое можешь. Ты мне нравишься. Если справишься с этим заданием, то я возьму тебя в штат, когда ты выступишься. До этого ты будешь получать обычную зарплату.

Я стараюсь не закричать. До этого за интернатуру мне ничего не платили. Если мне начнут выдавать зарплату, я смогу бросить стриптиз.

— Благодарю, сэр! Я не подведу Вас, я обещаю, — я не могу стереть улыбку с лица.

— Знаю, что не подведешь, Грэй, — он откидывается и достает телефон из кармана пиджака, набирая сообщение. — Уверен, у Лесли есть для тебя документы для работы, а после можешь быть свободна.

Бумажная работа занимает несколько минут, что неплохо, так как мне нужно вернуться в кампус, закончить домашнее задание по литературе, а потом переодеться для работы. Интернатура — настоящая удача, но она отнимает очень много времени. Я работаю четыре вечера в неделю и тридцать часов в неделю интерном. Я почти не ем, почти не сплю и у меня неделями нет времени, чтобы потанцевать для себя.

Все это стоило того, если меня возьмут на работу в студию.

Я возвращаюсь в свою комнату и заканчиваю домашнюю работу как можно быстрее. Начинаю просматривать файлы, отправленные мне Казом. Над проектом работает в основном «Fourth Dimension» вместе со студиями «Orbit Sky Films» и «Long Acre Productions» Режиссер — Джереми Аллан, заметки Каза о структуре работы мистера Эрскина и его идея для проекта. Он известен благодаря «Красному небу», постапокалиптической драме, получившей шесть оскаров, включая награду за лучший фильм. Он работал с «Fourth Dimension» и моим начальником, Казом, над картиной «И восходит солнце», так что для него это не первая экранизация. Цель этого ремейка — согласно наброскам мистера Эрскина в этих файлах — не исказить сути романа и отдать дань уважения фильму 1939 года, сделав его современнее посредством нынешней эстетики.

Каз рассматривает меня не только как помощника, потому что я знаю, что для молодого интерна-ассистента ненормально руководить проект с таким ведущим актером. Он искренне понимает мою страсть к кинематографу и, я надеюсь, готовит меня к работе с ним над будущими проектами.

И все же он вынужден учитывать то, что я интерн, что означает, что я должна сперва окончить учебу.

У меня не хватило времени, чтобы добраться до актерского состава. Я высвобождаюсь из юбки с блузкой, надеваю леггинсы и футболку и выхожу на улицу, садясь на автобус до клуба. Уже там я переодеваюсь в сценический костюм, обтягивающие шортики и фланелевую рубашку. Я наношу макияж и укладываю волосы блестящими волнами медового цвета, и наконец смотрюсь в зеркало.

Как всегда, я с трудом себя узнаю. Прическа огромна, свисает до лопаток, с максимальным начесом. Макияж делает мои серые глаза мрачными, и, вынуждена признать, гипнотизирующими. Яркая красная помада, румяна, плотная основа, тушь...

Я ожидала, что похудею, учитывая, как редко я ем и как часто бегаю по делам, но я не изменилась. Мои бедра и бюст до сих пор внушительного размера. Теперь я воспринимаю свое тело по-другому. Я не просто раздетая женщина. Я вижу под одеждой тело, на которое раньше не обращала внимание. Я не просто человек, как и все вокруг. Я объект, вещь, которую вожделеют. Я знаю, какой эффект моя грудь и попа производят на мужчин.

Я вздыхаю, немного ослабив узел на рубашке, чтобы поправить грудь, и перевязываю его, чтобы сделать больший акцент на декольте. Я наношу немного основы на бедро на то место, которым ударила о стол в своей комнате. Мужчины не желают видеть синяки.

Я тяну время. Я всегда откладываю выступление. Никогда не хочу выходить на сцену. Я думала, что привыкну, но так и не смогла. Сердце до сих пор колотится, и мне все еще стыдно, и до сих пор тошнит. Когда наступает момент снимать блузку и оголять грудь, мне всегда хочется спрятаться в нору и закопаться поглубже. Я ненавижу вожделеющие взгляды, загребущие руки, свисты и грязные предложения.

Я собираюсь открыть дверь раздевалки, как врывается Тимоти:

— Грэй, как хорошо, что ты рано пришла, — его глаза светятся от возбуждения, и мне это не нравится. — Сегодня у тебя удачный вечер. Какой-то актер, важная шишка, арендовал целый клуб! И угадай, что? Он заказывает приватный танец в VIP-комнате с тобой. Я сказал, что ты не оказываешь дополнительные услуги, так что не беспокойся. Но это деньги, Грэй. Большие, большие деньги.

Я киваю и стараюсь успокоиться. Это всего лишь еще один вечер. Я уже танцевала для знаменитостей в VIP-комнатах. Мы лишь крохотный клуб, и нам далеко до престижных заведений, и большую часть нашей клиентуры составляют рабочие среднего класса, и изредка к нам заходят работники из Голливуда. Но время от времени объявляются актеры или звезды спорта в надежде укрыться от папарацци. Насчет одной вещи Тимоти непоколебим — никаких фотографов и никаких журналистов, без исключений.

Я немного поправляю макияж и узел на рубашке, и убеждаюсь, что декольте смотрится как надо, и наконец, выхожу. В данный момент на сцене Лидия, танцующая под песню Лудакриса. Она миниатюрная, пышногрудая девушка, учащаяся в школе медсестер. Она милая, и отличная танцовщица, и, как и я, отказывается от частных вечеринок вне клуба, и никогда не оказывает никаких дополнительных услуг. Я выхожу на сцену и оцениваю клиентов. Все они из Голливуда, холеные и привлекательные, безупречные и источающие

фальшивое очарование. Большинство уже пьяны, и я исполняю шесть частных танцев, еще не пройдя и половины клуба. Я еще не видела актера, арендовавшего клуб, но он в VIP-комнате. Это все лишь сброд, подхалимы и ассистенты. Я танцую еще на нескольких столиках и возвращаюсь на сцену. Моя приманка в том, что я раздеваюсь только во время танца. На столиках я танцую в одежде. Мужчинам это нравится, наверное. Их привлекает таинственность. Конечно, рубашка на мне достаточно раскрыта, и я, фактически, топless, поэтому клиенты сходят с ума.

Я исполняю свой обычный танец, кружась вокруг шеста, дразня мужчин, расстегивая рубашку, но не показывая им ничего, затем застегивая ее обратно. Я почти смирилась с той частью, когда приходится снимать одежду. Почти. Я имею в виду, я не начинаю плакать, пока я не вынуждена снимать шорты. Так как они довольно узкие, непросто снять их изящно.

Затем я танцую совершенно обнаженная, не считая узких стрингов. Все это время я готова расплакаться. Они видят мою задницу, всю целиком. Стринги — это не более чем крошечный треугольник, прикрывающий мои гениталии, да и то с трудом. Когда я танцую и двигаюсь по сцене, им видно все.

Я заканчиваю сет и возвращаюсь за сцену, чтобы собраться. Клиенты сегодня состоятельные и дают чаевые только так. За первый сет я получаю 150 долларов, и еще 80 за частные танцы и на столах. И это я еще не была в VIP-комнатах. Но выступление на сцене... боже. Свисты и предложения были непристойнее, чем когда-либо. Тянущиеся ко мне руки, что, технически, противоречит правилам клуба, но с этим приходится бороться самим танцовщицам... они хватали меня, трогали и пытались сорвать стринги. Они предлагали поехать к ним домой. Они в мерзких деталях выкрикивали, что сделают со мной. Я краснею, когда мне кричат такие вещи. Не могу сдержаться. Не думаю, что из-под макияжа им виден румянец, но он там. Я краснею, сжимаюсь и уворачиваюсь от рук игриво, но твердо, и избегаю смотреть им в глаза.

Когда я за сценой и к выступлению готовится Инез, я чувствую, как сжимается мой живот. Я бегу в гримерку и едва успеваю добраться до туалета, где опустошаю желудок. Слезы текут вместе с потом по моему лицу. Когда меня заканчивает тошнить, я падаю на холодный пол и прижимаю лицо к прохладному фарфору и даю себе выплакаться. Я позволяю себе мечтать о том, чтобы попасть обратно домой, в Макон. Я не могу сдержаться и представляю лицо мамочки, увидевшей, чем я занимаюсь для того, чтобы выжить.

В дверь стучат, и она открывается.

— Грэй, черт тебя дери, нет времени для этого! — Тимоти вытаскивает меня из уборной и вытирает мой рот полотенцем. — Они хотят, чтобы ты пошла в VIP-комнату. Прямо сейчас. Комната номер три. Почисти зубы и иди! — он просто толкает меня к раковине и, как только я заканчиваю чистить зубы, выводит меня из гримерной к VIP-комнатам.

Я успокаиваю дыхание и прогоняю Тимоти.

Мое сердце бьется, по коже пробегают мурашки. Я стою рядом с третьей комнатой, держась за ручку двери, но я не решаюсь. Что-то во мне протестует, говорит мне сбежать. Но я не могу. Я потеряю работу, а место в «Fourth Dimension» мне еще не гарантировано.

Я поворачиваю ручку и открываю дверь. Ярко-красный кожаный диван огибает комнату полукругом, освещенную парой настольных ламп такого же цвета. На столе стоит бутылка «Johnny Walker», окруженная другими бутылками с «Coors» и «Bud Light», некоторые из которых пустые. Комната наполнена сигаретным дымом, в котором ощущается налет марихуаны. На другом столике лежит горстка и несколько дорожек белого порошка.

В комнате четыре человека. Трое из них поразительно красивы. А четвертый?

Он — бог киноиндустрии.

Трое сидят на одной стороне дивана, поближе к горсти кокаина. Я узнаю их всех. Одного зовут Арман Ларошелль, он получил награду как лучший актер за роль в «Небесном имени». Арман высокий и стройный, со светлыми волосами до плеч и чертами Аполлона. Второй — Адам Трентон, играющий эксцентричных людей и второстепенных персонажей в боевиках. Недавно он снялся в приключенческом фантастическом фильме в главной роли. Третьего зовут Нейт Брекнер, больше известный за свои роли в романтических комедиях, но в последнее время он старается выйти из своего образа.

Четвертый — это Доусон Келлор. Мое сердце замирает, я не могу дышать. Я смотрела фильмы с ним, видела его последние работы. Но ни один из них не отдает ему должное. Даже близко нет. На экране он потрясающий. Отточенные черты лица, проникновенные светло-карие глаза, темные волосы цвета где-то между черным и коричневым. Высокий и до смешного мускулистый, с накаченными руками и широкой грудью. Он и Брэд Питт, и Генри Кавилл, и Джош Дюамель, и нечто большее, чем все они вместе взятые. Таким он кажется на экране.

Вживую он... верх совершенства. Я не могу оторвать от него взгляд, но его вид обжигает глаза, будто я смотрю на солнце.

А теперь он в моем клубе и выжидательно разглядывает меня, а я не могу пошевелиться. Его глаза как ртуть, переливающегося орехового цвета. Он слишком красивый, чтобы можно было его описать, и я не уверена, что мне делать. Мое тело перестает меня слушаться.

Музыка стучит в колонках, играет Jay-Z. Арман смотрит на меня, держа в руках трубочку и качая головой в такт музыке. Двое других уставились в экраны телефонов. Похоже, они пьяны. Они посмотрели на меня и тут же отвели взгляд.

— Ты собираешься танцевать или что? — спрашивает Доусон. Его голос — сама мгла, глубокий и обволакивающий.

Песня заканчивается, и начинается трек техно. Я не могу оторвать взгляд от Доусона, но заставляю бедра двигаться. Я позволяю музыке увлечь меня, пропуская ее через себя. Я теряюсь в его глазах, которые, кажется, становятся темнее, когда я приближаюсь к нему. Я знаю, что в комнате есть и другие мужчины, но единственный, кого я вижу, — Доусон Келлор.

Сейчас я перед ним, танцую все ближе к нему. Его ноги широко расставлены, руки покоятся на моих бедрах, ладони касаются кожи под моими шортами. До этого я никогда не позволяла клиентам трогать меня, но я не могу найти в себе силы убрать его руки. Моя кожа горит там, где лежат его ладони. Его глаза смотрят прямо в мои, несмотря на то, что моя грудь прямо у его лица.

Я пританцовываю под музыку, слегка качая бедрами, чтобы грудь подпрыгивала. Мои руки сложены над головой в той неудобной позе, которая, по-видимому, очень нравится мужчинам. Его взгляд падает на мои сиськи и возвращаются к глазам. Я не могу понять выражение его лица. У мужчин желание всегда написано на лице, в глазах. Но не у Доусона. Его руки властно обхватывают мою талию. Мне следовало бы высвободиться, но я этого не делаю.

Меня никогда не трогали подобным образом, моего тела никогда не касались мужские руки, никогда. Только не так. Только легкие прикосновения, шлепки по заднице или тычки мне в грудь во время танца на сцене.

Это... связь между нами. Его руки дотрагиваются до меня, и я не сопротивляюсь, и в этот момент я не стриптизерша. Я одета, а он смотрит на меня. На меня. Словно он видит Грэй, а не Грейси, хотя вряд ли он знает разницу.

Музыка переключается на “Just Give Me a Reason” Пинк и Нейта Рюсса. Я не знаю почему песня просачивается в мое сознание. Я заставляю себя высвободиться из его объятий и ухожу в центр комнаты. Я танцую, но как танцовщица, а не стриптизерша. Я знаю, что должна раздеться. Нельзя просто исполнить танец. Такова моя работа. Но теперь больше, чем когда-либо, мне не хочется этого делать. Я хочу поговорить с этим человеком. Не потому, что он знаменитость. Не потому, что он был на первом месте в списке самых сексуальных мужчин на планете. Не потому, что он феноменальный актер, хоть это и так. Что-то в его глазах притягивает меня.

Я приказываю пальцам расстегнуть верхнюю пуговицу на рубашке и вижу, как Арман и остальные двигаются ближе. Я не обращаю на них внимание и кружусь на месте, изгибаюсь в талии в обратную от них сторону и выпрямляюсь обратно, развязываю узел и расстегиваю пуговицы. Доусон продолжает смотреть прямо в мои глаза.

Интересно, что он увидел в моем взгляде.

Меня встряхивает от тошноты, когда я расстегиваю еще одну пуговицу. Ненавижу эту часть. Сердце колотится в привычном приступе стыда. Теперь рубашка расстегнута, и мои движения запутанные, извивающиеся и плавные. Я провожу рукой по плечу, и ткань спадает. Предплечья удерживают рубашку, но верх моей груди обнажен, и я прикрываю соски, скрестив руки на груди. Мои бедра покачиваются в такт музыке.

Я снова ловлю его взгляд, и все вокруг для меня, кроме его глаз, растворяется.

И затем я отвожу руки в стороны, и рубашка падает на пол. Арман делает глубокий вдох, и я слышу, как остальные одобрительно охают. Доусон не двигается, и выражение его лица не меняется, не считая расширившихся глаз. Он наконец окидывает меня взглядом с головы до ног и обратно. Я продолжаю танцевать, заставляя грудь подпрыгивать, проводя по ней руками, поднимая их и принимая позы, все, чему я научилась, чтобы получать больше чаевых.

Это сложнее, чем выступления на сцене, тяжелее, чем танцы на столиках или в VIP-комнатах. Это нечто личное. Остальные смотрят на меня и, очевидно, хотят меня, но что-то во взгляде Доусона говорит о чем-то большем, чем желание. В его глазах жажда обладания.

Я играю с молнией на шортах, бросая взгляд на свою грудь и обратно на Доусона, это лишь просчитанный кокетливый взгляд, в котором нет чувства. Я расстегиваю молнию и отгибаю края, показывая лоскут красной ткани и бледную кожу под ним.

Тут мне в голову, ни с того ни с сего, ударяет воспоминание о том, как в мой первый день Кэнди рассказала мне, как делать депиляцию зоны бикини. Было больно, и я чуть не умерла от стыда.

Песня снова сменяется на безымянный танцевальный трек, я начинаю кружиться, и шорты соскальзывают вниз. Прежде чем я стягиваю джинсовую ткань с попы, голос Доусона внезапно наполняет комнату:

— Ну, хватит с вас, парни. Свободны.

— Эй, ты чего, Доусон. Самое интересное начинается, — говорит Нейт.

Доусон не отвечает; он лишь бросает Нейту долгий, суровый взгляд, и тот разочарованно вздыхает:

— Чтоб тебя. Ладно, — он встает, и остальные двое уходят вместе с ним.

Когда дверь за ними закрывается, Доусон медленно встает. Словно лев поднимается из травы, олицетворяя власть и грацию. Он подходит ко мне с томным возбуждением во взгляде, его глаза почти такого же темного цвета, как и мои. Он хватает мои запястья своими огромными сильными руками.

— Не снимай их.

Я не сопротивляюсь, но и не танцую. Все свое время на работе я танцую. Каждое движение — танец. От столика к столику, от кабинки к кабинке, на сцене и вне ее я танцую. Даже если я слегка покачиваю бедрами при походке, я танцую. Я никогда не стою на месте.

Но сейчас я застыла под жарким взглядом Доусона. Я на высоких каблуках, но Доусон сантиметров на десять выше меня.

— Почему? — спрашиваю я.

Мужчины всегда хотят, чтобы я снимала шорты. И я стриптизерша, поэтому мне приходится это делать. Но этот мужчина остановил меня, и я ничего не понимаю. Я не осмеливаюсь и думать о грубой мощи в его взгляде, легкой силе его рук, властности его прикосновения.

Доусон не отвечает. Он лишь кладет руки на мои бедра и заставляет меня танцевать под музыку. Он двигается вместе со мной. Он танцует со мной, покачиваясь в такт песне. Я позволяю ему. Я не должна, но я позволяю. Какие-то флюиды его присутствия лишают меня способности противостоять ему.

Затем его руки тянут за джинсовую ткань, и меня бросает в дрожь.

— Нет, вы не можете... — заикаюсь я. Я нервничаю и говорю с сильным акцентом.

— Еще как могу. Ты хочешь этого, — его голос обволакивает меня, подобно теплой воде.

Я качаю головой. Мы все еще танцуем вместе под музыку. Я смотрю на него в растерянности.

— Я не... не оказываю дополнительные услуги. Вы не можете меня трогать.

— Однако я трогаю тебя прямо сейчас, — его ладони поднимаются к моей талии, обхватывая промежуток между грудью и шортами. Его руки огромные, властные и до невозможности нежные.

Его прикосновение подобно пламени. Я дрожу. Я резко вдыхаю, когда его руки вновь опускаются, хватают петли на поясе и тянут его вниз. Он тянет за ткань еще раз, и шорты спадают, опускаясь до моих щиколоток. Я сбрасываю их, с трудом дыша.

Его ладони, подобно лаве, сползают от талии до моих обнаженных бедер, и я дрожу от ужаса. Без сил. Он трогает меня. Никто никогда так ко мне не прикасался. Видеть желание в глазах мужчин — это одно. Но чувствовать вожделение в грубой силе его объятий — нечто совсем другое. Прикосновение Доусона — гипнотизм во плоти. Я не могу сопротивляться. Я не знаю, что со мной происходит, но это пугает меня. Я не хочу хотеть этого, но он прав. Я действительно хочу его. Я в экстазе от того, что его руки на моих бедрах. Он не трогал меня за ягодицы и за грудь. Только талию и бедра. И, Господи, помоги мне, меня словно что-то пожирает изнутри, пробуждая во мне отчаянную жажду чего-то.

Я не знаю, что именно мне нужно, кроме того, чтобы этот человек был рядом со мной, который лишил меня одежды, сил и уверенности легким движением.

— Не бойся, — его голос мягок. Почти что добрый.

Яжимаю плечами:

— Я не... я хочу сказать, я не боюсь.

Он смеется с легким раздражением:

— Лжешь, Грейси.

— И чего я тогда боюсь? — я каким-то образом заставляю себя говорить, и притворяюсь, что мне безразлично, хотя это не так.

— Меня, — он гладит мои бедра. — И этого.

Я глубоко вдыхаю:

— Не трогайте меня. Пожалуйста. Дайте мне дотанцевать.

Он отступает, опуская руки, и падает на диван, прихватив бутылку виски:

— Тогда танцуй.

И я танцую. Обнаженная и напуганная, и в какой-то степени униженная, переполненная желанием, которое не могу понять. Я танцую не как стриптизерша. Не для того, чтобы возбудить. Я танцую. Как Грэй.

Полная сил и уверенности, я танцую. Я потерялась в музыке, в движениях, не задумываясь о том, что на мне нет одежды. Когда я останавливаюсь, Доусон сидит на диване, не двигаясь, забыв о бутылке. Его взгляд мрачен и противоречив, но бугор на его штанах говорит о том, что мой танец имел эффект. Он ставит бутылку и встает. Я сопротивляюсь порыву отстраниться от него, но он больше меня не трогает,

хоть и тянется ко мне.

— Тебе здесь не место, — он осторожно протягивает руку и убирает прядь волос с моих губ. Это нежный жест, и он приводит меня в замешательство и пугает. Ударяет меня где-то глубоко в душе.

Его губы опускаются и прикасаются к моим, горячие, влажные и мягкие. Я не дышу. Как я могу? Он целует меня. Зачем? Мое сердце замерло. Моя кровь — пламенная река, текущая по венам, и меня бросает в дрожь. Черный шелк его рубашки натянут на его груди. Он целует меня, притягивая меня к себе. Холодная ткань касается моей кожи, задевая мои соски и заставив их затвердеть. Его язык скользит по моим губам, пальцы впиваются в мои ягодицы, и я трепещу от пронзившего меня возбуждения.

Это длится лишь мгновение и заканчивается.

Он порывисто уходит, распахнув дверь, и я остаюсь одна. Опустошенная, хватаю ртом воздух и дрожу.

Что только что произошло? Я падаю на диван и стараюсь дышать.

Когда я возвращаюсь в зал, его уже нет.

А я полностью изменилась.

• Глава 8 •

Я добираюсь до дома в четвертом часу утра, поэтому у меня нет времени, чтобы еще раз просмотреть файлы по проекту до завтрашнего занятия. Моя первая пара начинается в восемь, и так как мне нужно быть в офисе «Fourth Dimension» сразу же после учебы, я надеваю мой рабочий костюм и выхожу из комнаты. Времени между парами хватает только на то, чтобы быстро дойти до другой аудитории. У меня нет времени даже на обед, как и всегда. К тому времени, как я уйду с пары курса «История Европы с 1700 года», мой живот урчит уже несколько часов. Я закидываю на плечо рюкзак, полный тетрадей и учебников, и стучу каблуками к автобусной остановке.

С животом все совсем плохо, он бурлит и урчит, то от голода, то от тошноты. Сегодня — первый день, когда представители «Fourth Dimension» встречаются с актерами фильма.

Проект уже прошел разработку и пре-продакшен, и теперь мы готовимся к самим съемкам. Я не знаю, чего ожидать. Я должна бы, но я не знаю. К этому времени я уже должна знать каждый аспект проекта наизусть, но я даже не знаю, кто в главной роли. Я нервничаю, не нахожу себе места и боюсь. На занятиях мы прошли через весь процесс создания фильма в миниатюре, от разработки до работы со звуком и аппаратурой, работы с камерой, от прослушиваний до пост-продакшена. Но все это было смоделировано для учебы. А теперь все по-настоящему. Я буду работать с настоящим актером, выполняя его райдер и другие требования.

Стоянка у «Fourth Dimension» забита дорогими автомобилями. Там есть Феррари, Бентли, Лимузин и целый ассортимент Мерседесов и БМВ. И в конце в одиночестве стоит спортивное авто с низкой посадкой, какого-то серебристого цвета, почти как зеркало. Автомобиль выглядит так, будто стоит больше, чем все остальные машины вместе взятые, хотя я не знаю, что это за марка. А я тем временем пешком иду с автобусной остановки.

Я захожу в дамскую комнату, прежде чем подняться в конференц-зал. Я принесла с собой чистую блузку, чтобы переодеться, так как я точно вспотела в той, которая сейчас на мне. Я брызгаюсь дезодорантом, надеваю новую блузку, поправляю макияж и волосы. Я одета в самый консервативный из своих нарядов. На мне прямая льняная юбка ниже колен, черные туфли на каблуках и плотная белая блузка. Я выгляжу профессионально, как бизнес-леди. В моем внешнем виде нет ни толики сексуальности, и это именно то, чего я хочу.

Я поднимаюсь на лифте и иду на звук голосов в конференц-зале. Встреча в самом разгаре, но Каз в курсе, что я должна прийти прямо с занятий. Я останавливаюсь у двери вне поля их зрения, делаю глубокий вдох и считаю до десяти. За этой дверью — одни из самых влиятельных и могущественных мужчин и женщин Голливуда. И тут прихожу я, смущенная дочка пастора из Джорджии, студентка, зарабатывающая на колледж стриптизом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я не знаю, почему мысль об этом приходит мне в голову именно сейчас. Никто не знает, чем я занимаюсь, Лиззи едва ли признает, что я существую, Каз думает, что я работаю в баре (что в некоторой мере правда), и никому нет до этого дела. У меня нет друзей среди однокурсников. Дэвин занята своей собственной жизнью в Оберне, а мой отец не знает, жива ли я вообще. Но пусть будет так. Я не одинока — просто у меня нет времени на друзей.

Тогда почему я моргаю, чтобы все вокруг перестало расплываться, смахивая соленую влагу из глаз? Бежевый ковер сминается под моими ногами.

Глубокие вдохи, долгие и медленные. Я могу сделать это. Я смогу.

Я быстро моргаю, достаю из сумки салфетку и прикладываю к глазам, после чего проверяю макияж с помощью пудреницы.

Я открываю дверь с натянутой на лице улыбкой. Десяток голов поворачивается в мою сторону. Каз улыбается мне со своего места во главе длинного овального стола и взмахом руки приглашает меня пройти. Он указывает мне на единственное пустующее кресло. Я слишком нервничаю, чтобы увидеть тех, кто в зале. Я сажусь на место и сосредотачиваюсь на том, чтобы успокоить дыхание. Я слышу, как Каз что-то говорит мне в ухо и соображаю, что он представляет меня присутствующим. Я пропустила несколько имен, но я знаю почти всех. Я узнаю Билла Хендерсона, арт-директора; Франсину Джеймс, директора по кастингу Олли Мюниц, режиссера второго плана. Несколько других, чьи имена я не услышала, но их имена будут в документах. Я переключаю все внимание на Каза.

— ...Эрскин, наш директор. Грей, рядом с тобой Роуз Гаррет, она будет играть

Скарлетт. Рядом с Роуз у нас Кэрри Доус, она исполняет роль Мелани. Слева от тебя Арман Ларошель, он играет Эшли Уилкса...

У меня перехватывает дыхание, когда раздаётся имя Армана. Он пристально смотрит на меня, едва заметно ухмыляясь. Но Каз ещё не закончил называть имена:

— И, последний, но не менее важный, во главе стола — Доусон Келлор, который будет исполнять роль Ретта.

У меня кружится голова, мое сердце упало. Нет. Не может быть. Я с силой перевожу глаза на Доусона. На его лице пустое безэмоциональное выражение, но его губы плотно сжаты, а уголки опущены.

Каз явно не замечает создавшегося напряжения:

— Я уверен, ты знакома с работой Доусона, Грей. Ты будешь его ассистентом на протяжении съёмок. Будешь обеспечивать его всем, что потребуется. Всем, чем угодно, — Каз смотрит на меня, и я заставляю себя сделать вдох, чтобы не упасть в обморок. Каз обращается к Доусону, — Грей — мой лучший интерн, мистер Келлор. Я абсолютно уверен в ее способностях.

Доусон проводит пальцем по верхней губе:

— Грей? Хм... Какая у Вас фамилия, мисс Грей?

Я сглатываю.

— Аму... Амундсен. Грей Амундсен.

Два места отделяют меня от Доусона, но мы словно одни в помещении. Он пристально смотрит на меня, будто способен увидеть все секреты в моих глазах. Только вот он уже знает мой секрет.

Я мысленно возвращаюсь в прошлый вечер, вспоминаю, как он смотрел мне в глаза, вспоминаю его руки на моей коже, как он смотрел на мое обнаженное тело. Я чувствую, как его губы прикасаются к моим. Я вскакиваю на ноги и, пошатываясь, направляюсь к двери.

— Прошу прощения, — мямлю я что-то Казу, — я не... я плохо себя чувствую. Съела... что-то не то, — я подношу руку к губам и бегу в дамскую комнату, где наклоняюсь над унитазом и меня рвет едким обжигающим потоком.

Этого не может быть. Все это нереально. Я точно знаю, что Каз уволит меня в мгновение ока, если узнает, что я танцую стриптиз. Я видела, как он уволил секретаря, узнав, что она занималась стриптизмом в колледже. Он уволил ее не за то, что она была стриптизершей, а за то, что лгала об этом. Я солгала об этом. Не напрямую, а своим молчанием. Этого достаточно. Я не могу работать с Доусоном. Не сейчас. Он знает мой грязный секрет. У него есть власть надо мной.

Но все это неважно. Доусон сам по себе является проблемой. То, как он на меня смотрит, то, как прикасается ко мне. Даже в деловой атмосфере конференц-зала он обжигал меня глазами, серыми, как ртуть, и гипнотическими. Одно его присутствие заставляет мою кровь сворачиваться, а тело дрожать.

Я слышу, как открывается дверь и по плитке стучат каблуки. Кэрри Доус открывает дверь кабинки, кладет руку мне на спину и убирает мои волосы назад.

— Грей? Ты в порядке? — Кэрри молода и красива, с натуральным рыжим цветом волос и прекрасной кожей, и стала очень популярной за последние три года, благодаря главным ролям в драмах, хорошо оцененных критиками.

Я киваю и заставляю себя выпрямиться.

— Да, все хорошо.

Я вытираю рот и прохожу мимо Кэрри к раковине.

— Спасибо. Я что-то съела, и организм не воспринял.

Кэрри опирается на раковину рядом.

— Ага. А мне показалось, что ты будто призрака увидела.

— Я поздно легла сегодня и съела просроченные продукты. Я в порядке, — у меня в сумке есть бутылочка с ополаскивателем для рта, и я промываю им рот.

Кэрри закатывает глаза:

— Как скажешь, — она уходит, и я снова одна.

Я открываю кран и подставляю ладони под холодную воду, полощу рот и несколько раз выплевываю, чтобы избавиться от привкуса рвоты. Я подкрашиваю губы, когда дверь в уборную открывается. Входит Доусон, и у меня снова перехватывает дыхание. Он одет в темно-синие поношенные джинсы и облегающую серую футболку. Его темные волосы уложены в намеренно небрежную прическу, и небольшая щетина покрывает его подбородок. Его глаза цвета пасмурного неба сочетаются с футболкой. Он не останавливается, а пересекает уборную и встает в дюйме от меня.

Я не могу смотреть ему в глаза. Мои щеки горят.

— Мистер Келлор. Чем могу помочь?

— Вы можете объяснить, — его голос словно землетрясение где-то вдалеке, далекий грохот.

Я отступаю от него, но все равно чувствую жар его сильного мощного тела и ослепляющую реалистичность того, что он прямо передо мной. Он слишком прекрасен, чтобы можно было его описать. Слишком мужественный. У него высокие острые скулы, а челюсть отточена, как мраморная скульптура. Его руки длинные и мускулистые. Футболка — как второй слой кожи на мышцах. Джинсы обтягивают его бедра и ягодицы, и я не могу оторвать от него взгляд. Я закрываю глаза и пытаюсь сделать вдох. Меня снова тошнит.

— Выражаясь проще, — говорит Доусон, — Вы были в клубе вчера ночью. Вас звали Грейси. Сейчас вы здесь, и вас зовут Грей.

У меня приступ паники, и это превращается в гнев:

— Нечего здесь объяснять! Вы сами все поняли, так ведь? Вы видели, чем я занимаюсь. Что мне еще Вам сказать?

Я отталкиваюсь от раковины, но мой каблук скользит, и я оступаюсь. Сильные руки подхватывают меня и ставят на ноги.

— Не прикасайтесь ко мне, — говорю я, отталкивая его.

— Грей, все в порядке. Мне все равно.

— Ничего не в порядке. Мне не все равно, — я направляюсь к двери, оставляя Доусона позади.

Его пальцы дотрагиваются до моего плеча и без малейшего усилия разворачивают меня. Я опускаю голову, чтобы не смотреть ему в глаза, потому что его взгляд слишком пристальный, слишком всеведущий. Я собиралась уйти, но я не могу сдвинуться с места. Не могу вырваться. Он затягивает меня на орбиту своей энергии. Его прикосновение как мощная волна. Оно утаскивает меня за собой. Оно катализатор, разжигающий огонь жажды. Моей жажды. Мне необходим он, его касание, что-нибудь. Что угодно. Я не знаю. Только он.

Я паникую и делаю шаг назад:

— Я должна идти.

— Куда?

— Куда-нибудь. Не знаю, — я распахиваю дверь, но его рука хватается мое запястье и останавливает меня. Я вырываюсь.

— Я сказала, не трогайте меня! Ничего не получится, мистер Келлор. Я попрошу Каза — я хочу сказать, мистера Казанцидиса — назначить вам другого интерна.

— Это вряд ли.

Я не отвечаю. Спорить бесполезно. Я не могу сделать это. У него слишком много власти. Он знает. Работать с ним профессионально, когда он знает, чем я занимаюсь... нет. Я не могу.

Я возвращаюсь в конференц-зал, и все спрашивают меня, все ли со мной в порядке.

— Все хорошо, — отвечаю я. — Каз, можно тебя на минутку?

Он хмурится, но идет со мной в свой кабинет. Я сажусь в глубокое кожаное кресло перед его столом и жду, когда он сядет.

— Все нормально, Грей?

Я отрицательно качаю головой:

— Нет, сэр. Я... я не могу заниматься этим заданием.

— Грей, я не понимаю. Оно жизненно важно. Это потенциально самый важный фильм, над которым когда-либо работала наша студия. В проект будут вложены миллионы. В чем проблема?

Я не знаю, что ответить, чтобы объяснить, при этом ничего не объяснив.

— Я просто... я не могу работать с Доусоном Келлором.

Каз откидывается на спинку кресла:

— Господи. Я ждал, что произойдет что-то подобное, — он вздыхает и вертит ручку в руках. — Я знаю, что у Доусона... определенная репутация. Но меня уверили, что он уже повзрослел.

Сначала до меня не доходит, о чем он говорит, но потом я вспоминаю, что читала целую серию статей о Доусоне в разных изданиях. За ним закрепилась репутация плейбоя, ни в чем себе не отказывающего. С ним был связан скандал с замужней ассистенткой, и еще один с известной актрисой, которая тоже была замужем. И это не считая целой армии девушек, с которыми его сняли папарацци. На каждом новом фото, на нем висела новая пассия, некоторые из которых потом делились с прессой историями о его сексуальных пристрастиях. По их словам, он предпочитает грязный секс. И не только. Скандалы множились и окутывали его, как ураган, но все это время он продолжал сниматься, и его игра в каждой роли была лучше предыдущей, поэтому он получал больше и больше предложений. Потом последовало обвинение в изнасиловании, и тогда Доусон исчез из видимости в последние годы. Его роль Ретта Батлера будет его эффектным возвращением, перезапуском его карьеры и его новым имиджем.

— Он к тебе приставал? — спрашивает Каз

Я хочу согласиться. Хочу свалить все на Доусона, чтобы его репутация помогла мне выйти из этой ситуации. Но я не могу, и качаю головой:

— Нет, дело не в этом.

— Ну, тогда я вынужден признаться, что ничего не понимаю. В чем проблема?

Я готова заплакать. Я делаю вдох и пытаюсь сосредоточиться.

— Я... просто не могу, Каз. Мне жаль. Я просто... не могу.

Каз потирает переносицу.

— Грей, ты мне нравишься. Ты трудолюбивая, умная и ты, похоже, заинтересована в

этой профессии. Я хочу взять тебя на полное время. Правда, хочу. Я считаю, что ты далеко пойдешь. Но... если откажешься от этого, то мои руки связаны. Если только у тебя нет каких-то обвинений в сторону Доусона, тебе нужно взяться за эту работу. Это величайшая возможность в твоей жизни. Она сделает тебе карьеру, но если ты откажешься, она же ее и разрушит. Я хочу быть честным с тобой.

И тут я начинаю плакать.

— Я понимаю.

— Почему бы тебе не пойти домой и как следует подумать над этим?

Я киваю:

— Хорошо, сэр. Благодарю вас.

Я поднимаюсь на пошатывающиеся ноги, выхожу из его офиса, спускаюсь на лифте и два с половиной квартала иду до автобусной остановки. Я не слышу, что он за мной, пока не становится слишком поздно.

— Куда это ты идешь? — его голос прямо за моей спиной, интимно гудящий прямо в мое ухо.

Я подпрыгиваю и отклоняюсь, подальше от его жаркого присутствия.

— Домой.

— Чего ты боишься... Грейси?

Я поворачиваюсь и сдерживаю порыв ударить его по лицу.

— Меня зовут не так. Не называйте меня так и не прикасайтесь ко мне.

Я делаю шаг назад. Если Доусон дотронется до меня, все потеряно. Случится нечто ужасное. Я знаю, что именно случится.

Он сокращает расстояние между нами, и несмотря на знойную жару раннего вечера, он абсолютно спокоен. Его прическа идеальна, одежда на нем сухая. А у меня потные подмышки, лоб лоснится, и трясутся руки. Сейчас семь вечера, а я ничего не ела с шести утра, и у меня кружится голова. Но все это становится неважным из-за его близости. Он буквально в дюйме от меня. Моя грудь упирается в его торс. Я помню как его глаза смотрели прямо в мои, как он пожирал меня взглядом. Он хотел меня. Но в то же время он видел меня. Видел меня изнутри.

— Тебе здесь не место, — сказал Доусон.

А потом он поцеловал меня. И снова он так же близко, и я тону. Если он опять прикоснется к моим губам, я не смогу его остановить.

* * *

И тут у меня урчит живот, и накатывает волна головокружения. Я покачнулась и упала бы, если бы мою талию не обхватила сильная, как сталь, рука.

— Когда ты ела в последний раз?

Я вырываюсь из его объятий.

— Со мной все хорошо. Мне просто надо вернуться в общежитие, — я снова оступаю в попытке отойти от него. Я опираюсь на знак на остановке и пытаюсь выровнять дыхание.

— Ничего не хорошо. Позволь отвезти тебя домой, — говорит он.

Хотелось бы мне, чтобы это был дом. Но это всего лишь комната в общежитии, это не дом. У меня нет дома. Я мотаю головой и хватаюсь за знак.

Он смотрит на меня во все глаза, похоже, оскорбленный моим упрямством.

— Ты упадешь в обморок.

— Со мной все будет хорошо.

Он качает головой и разворачивается. Я слышу, как он бормочет: «Идиотка».

— Я все слышала, — ворчу я.

Он не отвечает, а просто уходит прочь. Я не могу удержаться и не смотреть на него; он движется, как хищник, как пантера, крадущаяся в траве. Я закрываю глаза. Что-то в нем зовет меня. И дело не только в том, что он красивый. Что-то в нем самом. Что-то магнетическое в его глазах и его присутствие притягивают меня к нему.

Раздается визг шин, и гладкий зеркальный автомобиль, который я видела на парковке едет в мою сторону. Нет. Нет. Я должна сопротивляться.

Он скользит по направлению к остановке, распахивает дверь и выходит, не обращая внимание на автомобили, которым он преградил путь, на гудки и крики. Когда он подходит ко мне, его глаза меняются. Сейчас они серо-голубые и яростные. Он рывком раскрывает дверь со стороны пассажира, берет меня за талию, легко и грубо заталкивает меня в машину. Дверь закрывается, он садится за руль, и я оказываюсь окутанной запахом его одеколona и пота. В салоне прохладно, кондиционер работает на полную мощность. Из колонок грохочет рок-музыка, что-то жесткое и тяжелое. У меня сильно кружится голова. Все вокруг вращается, и все, что я вижу — это что Доусон рядом со мной, с каплями пота, стекающими по его загорелой шее под воротник рубашки. Все, что я чувствую — то, как порывисто Доусон ведет машину под грохот тяжелого металла. Я ощущаю мощь этого автомобиля, его высокую скорость. Я смотрю на приборную панель, на ней уже шестьдесят миль в час, он мчится по дороге с безумной и отчаянной легкостью. Я помню, что он снимался в фильме, где играл каскадера, и ходили слухи, что все трюки он выполнял сам. Закрываю глаза, когда мы несемся через перекресток на красный свет, едва не став причиной аварии. Я вжалась в сиденье, стараясь ровно дышать.

Этот автомобиль стоит больше, чем я могу себе представить, а он ведет, пренебрегая им и безопасностью. Меня бросает вперед, когда мы тормозим. Моя дверь открывается, и ремень безопасности, который я не пристегивала, отстегивается. Сильные руки Доусона достают меня из машины. Я чувствую его запах, слабый, но пьянящий аромат пота и мужчины. Я узнаю то, как мое тело реагирует на его присутствие.

Я пытаюсь вырваться:

— Поставь меня на землю.

— Нет.

Я оглядываюсь. Мы у кампуса, и все студенты вокруг, похоже, смотрят на нас. Я слышу перешептывания. Вижу, как люди достают телефоны и фотографируют.

— Какой корпус? — его голос мягкий и интимный, почти нежный. Почти.

Я показываю, и он направляется в ту сторону. Я как пушинка в его руках. Он идет, будто у него нет никакой ноши.

— Пожалуйста. Поставь меня. Я сама дойду.

— Нет, — он открывает дверь и останавливается.

— Второй этаж. 216.

Двери открываются, когда мы поднимаемся. Я слышу шепот и щелчки камер на телефонах.

Я слышу женский визг:

— Это Доусон Келлор! О Боже, это Доусон! Можно ваш автограф? Пожалуйста? Не хотите войти?

Он не обращает на нее внимания, бесцеремонно проходя мимо.

— Не сейчас, дамы. Я распишусь, когда буду уходить.

Он у моей двери, каким-то образом открыв ее, не выпуская меня из рук. Я слышу болтливые голоса Лиззи и ее нового парня. «Секс-игрушки», как она их называет. Они для нее игрушки: она меняет их, как перчатки. Дверь раскрывается, ударяясь о стену.

— О Боже, какого черта... — я слышу голос Лиззи, и тут она узнает того, кто вошел. — Доусон Келлор? О Боже, в жизни вы еще прекраснее, мистер Келлор! Грей, что происходит? Что он здесь делает?

Я чувствую, как Доусон напрягается, его хватка вокруг моих плеч и под коленями становится стальной.

— Не сейчас, Лиззи. Я плохо себя чувствую. Можешь оставить нас?

— Выходи. Сейчас же, — рычит Доусон, и звучит это как настоящая угроза.

Я поворачиваюсь в руках Доусона, чтобы увидеть, как Лиззи возится под одеялом, пытаюсь достать нижнее белье, валяющееся рядом с кроватью. Ее нынешний любовник делает то же самое, но он случайно отшвыривает одеяло, и они оба оказываются неприкрытыми. Лиззи визжит, бьет его по руке и натягивает трусики, прикрывая грудь одной рукой. Доусон не опускает меня, и, хоть я и вешу не меньше шестидесяти килограмм, он удерживает меня без малейших усилий. Он просто невозмутимо ждет, пока Лиззи не оденется.

Ее парень — совсем еще мальчик, смазливый блондин-первокурсник с внушительным телосложением, которое еще не до конца сформировалось, — застревает в своих джинсах, выпрыгивает из кровати с футболкой в одной руке и кроссовках в другой. Он проделывает эти неловкие движения явно не в первый раз. Когда они уходят, Доусон оглядывается в поисках места, куда меня положить. Я лягаюсь, и он опускает меня на ноги, но не убирает рук с моих плеч.

Я высвобождаюсь из его хватки и сажусь на стул.

— Со мной все в порядке, Доусон. Правда, — мой живот снова урчит, и его брови хмурятся.

— Когда ты ела в последний раз? — настойчиво спрашивает он.

Я пожимаю плечами:

— Я не знаю. Утром? — я не умею врать, и Доусон поднимает бровь. Я вздыхаю. — До занятий. В шесть.

Лицо Доусона кривится:

— Ты не ела двенадцать часов? И так много шла до офиса?

Я достаю энергетический батончик из ящика стола и разворачиваю.

— Я в порядке. Видишь? Я ужинаю. Все хорошо. Со мной все хорошо. Я так привыкла.

— Привыкла? То есть, ты всегда не ешь по двенадцать часов? — когда я просто пожимаю плечами в ответ, он закатывает глаза. — Это же вредно. И батончик — это не еда.

Он открывает мини-холодильник, но я останавливаю его:

— Это Лиззи. Там нет ничего моего, — я открываю ящик стола, где лежат батончики, мюсли, бублики и чипсы.

Доусон уставился на меня:

— А остальное где?

— Остальное что? — спрашиваю я, откусывая от батончика.

— Твоя еда. Что ты ешь?

Я опять пожимаю плечами и тут же решаю, что не стоит этого делать. Кажется, я

слишком часто пожимаю плечами на вопросы Доусона, а мы знакомы всего пару часов.

— Я ем. Просто не здесь. Утром я съедаю бублик и иногда перекусываю едой из автоматов между занятиями. И обедаю на работе.

— А ланч?

Это начинает меня раздражать. Я сворачиваю обертку и кидаю ее в белое мусорное ведро под моим столом, которое доверху заполнено бумажками от батончиков.

— Почему тебя так интересует мой рацион?

Доусон просто таращится на меня. Его глаза были светло-голубыми, когда он злился, там, на улице. Теперь они опять бледно-карие. Я не могу оторвать взгляд от них. От него. Его челюсть двигается, и я понимаю, что он скрипит зубами, размышляя. Он достает из кармана телефон, и я в замешательстве вижу, что это iPhone. После такой дорогой машины я ожидала, что у него будет какой-нибудь космический гаджет, как в фантастическом фильме, а не обычный черный iPhone 5. Он несколько раз проводит по экрану пальцами и прижимает его к уху.

— Привет, Грег. Слушай, я в кампусе УЮК, и мне нужно, чтобы сюда доставили еду, — он поворачивается ко мне. — Ты не вегетарианка или типа того?

Я мотаю головой:

— Нет, но...

Он отводит взгляд и снова говорит в телефон:

— Да, наверно, просто набор продуктов. Сэндвичи, бургеры, что там еще. Ага, студенческая общага... — он объясняет, как пройти в мою комнату. — А, Грег, приезжай на «ровере» и захвати запасные ключи. Я подвезу тебя потом на «бугатти». Отлично, пока.

«бугатти». Это, должно быть, то зеркальное авто.

Он засовывает телефон обратно в карман и падает на стул Лиззи. Прежде чем я успеваю понять, что происходит, он снимает мои туфли и кладет мои ноги себе на колени. Его руки и пальцы массируют мою правую ногу. Это шокирующе интимно, чувственно и совсем не пугающе. Я пытаюсь убрать ногу, но он не дает. Он держит меня за щиколотку, нажимая на свод стопы большим пальцем. Это так приятно, что я не могу удержаться от стона. Это громкий, неловкий звук, и я прикрываю рот рукой. Доусон просто улыбается, и довольная полуулыбка на его губах делает его таким красивым, что у меня захватывает дыхание.

Его прикосновение к моей ноге такое... это грех. Оно заставляет меня чувствовать то, чего я не понимаю, заставляет мой живот сжиматься, мир вокруг переворачивается. Может, у меня чувствительные стопы. Может, он просто потрясающе делает массаж. Все, что мне известно, — что это невероятное ощущение и я не могу не расслабиться. И тут я соображаю, что я весь день пробыла на ногах, и они, наверно, воняют. Я вырываюсь и заворачиваю ногу под другую, скромно прикрыв колени юбкой.

— Тебе не нравится массаж ног? — кажется, Доусон удивлен.

— Нет, я просто... они воняют. Это отвратительно.

— Твои ноги не воняют, — он наклоняется и берет меня за ногу. Его рука лежит на моем бедре рядом с ягодицами, когда он вытаскивает мою ногу, — давай их сюда. Я не закончил.

— Зачем?

— Что зачем? — Доусон снова начинает медленный тщательный массаж моей правой стопы.

Я собираюсь пожать плечами и останавливаюсь, мое плечо неловко замирает в

полудвижении.

— Зачем ты здесь? Зачем ты делаешь... все это?

Его глаза темнеют, когда он смотрит на меня и раздумывает над ответом.

— Потому что я хочу.

— Но почему?

Он отвечает вопросом:

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что все это ни к чему. Ты не должен быть здесь. Не должен делать мне массаж ног. Просто иди домой и оставь меня в покое.

— Но ты этого не хочешь. И я этого не хочу.

Черт бы его побрал, он прав. Я хочу, чтобы он остался. Хочу, чтобы он делал мне массаж. Его присутствие... опьяняет. Я пьяна от близости к нему. Все это сон, из которого придется пробудиться, я уверена. Но я не хочу.

— Ты не знаешь, чего я хочу, — говорю я. Это ложь, а я не умею лгать.

Доусон снова не отвечает, просто положив мою правую ногу себе на колени и подняв левую. Его пальцы скользят по моей голени, большой палец упирается в свод стопы, извлекая из меня еще один стон. Затем его пальцы скользят чуть выше, под мое колено, и это уже слишком, слишком интимно. Слишком сексуально.

Я пытаюсь высвободить ногу, он не отпускает, но его рука соскальзывает с моей ноги.

— Не надо, Доусон.

— Почему?

— Потому что... просто не надо.

Он просто смотрит на меня, и единственный контакт между нами — его рука на моей пятке и большой палец на своде моей стопы. Воцаряется тишина, и я борюсь сама с собой. Я хочу вырваться и попросить его уйти. Он видит слишком многое, его глаза пронзают мою душу и видят, что я хочу, хотя даже мне самой это неизвестно. Но я также хочу броситься в его объятия и поцеловать его еще раз. Одна мысль об этом ужасает меня. Я не должна его хотеть. Он... плохой. Хотеть его — плохо. Секс — это плохо. Мне внушали это с самого детства. Замуж выходят из целомудренной, богоугодной любви, и дети рождаются благодаря чистому и священному акту. Но то, что я хочу сейчас, грешно и развратно.

Во мне происходит борьба, и она парализует меня. Я смотрю на него, на его руки, обтянутые серой футболкой, смотрю, как блуждает его взгляд. Юбка закрывает мои ноги до колен, и они скромно сложены, но у меня ощущение, будто он видит меня сквозь одежду. Он смотрит на меня, словно мы опять в VIP-комнате в «Экзотических ночах».

— Доусон, послушайте...

— Не надо. Не сейчас. Обсудим это позже. Грег принесет еду через пару минут.

— Это необязательно. Я не голодна, — говорю я, и мой живот как раз урчит, выдавая мою ложь.

Он просто озадаченно качает головой. Я закрываю глаза и запрокидываю голову на спинку стула, оставив ноги покоиться на коленях Доусона. Я вдруг почувствовала себя очень уставшей. Прикосновения его рук мягкие, изумительные и расслабляющие. Я словно плыву по течению.

Звонит телефон Доусона, и вдруг открывается дверь. Я пытаюсь встряхнуться и заставляю себя сесть прямо. Мужчина средних лет, по всей видимости, Грег, стоит на пороге моей комнаты, сияя лысиной. Он плотный и дородный, с темно-кариими умными глазами.

Его руки растягивают рукава рубашки от Lacoste, к узкому черному ремню у него на поясе прикреплен мобильный телефон. Мужчина принес с собой гору контейнеров, которые он ставит на стол передо мной. Запах свежих бургеров и картошки фри отбивает всю мою нерешительность, и я открываю один из контейнеров. Я успеваю трижды откусить от огромного чизбургера с беконом, прежде чем понимаю, что ни Доусон, ни Грег не сдвинулись с места. Они просто наблюдают, как я ем.

— Что?

Доусон улыбается и берет один из контейнеров.

— Ничего. Просто... это Лос-Анджелес. Здесь нечасто увидишь девушку, с таким удовольствием поедающую бургеры.

Я глотаю, внезапно смущенная. Я вдруг понимаю, что ем как свинья, будто умираю от голода.

— Ааа. Я... я просто хочу есть. Я... прошу прощения.

Доусон поднимает бровь:

— Не извиняйся.

Я заставляю себя откусывать скромнее. Такого хорошего бургера я не ела с тех пор, как приехала в Лос-Анджелес, и он безумно вкусный. Я хочу проглотить его, но ем медленно. Я не хочу, чтобы Доусон посчитал меня деревенщиной.

Я смотрю на мужчину, принесшего еду.

— Благодарю Вас... Грег, верно?

Он кивает.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности, — у него хриплый, прокуренный голос. На его шее вытатуирована надпись «Don't Tread On Me». Я вижу края других татуировок под его рукавами, а также бесчисленные шрамы на его руках и лице. Внезапно я понимаю, что Грег — сложный и опасный человек, байкер из клуба «Ангелы ада» в деловой одежде. Он охранник, что видно по тому, как он становится спиной к двери, складывает руки, как это делают только охранники, не умудряясь при этом выглядеть глупо.

Доусон поглощает солонину, и я уже не стесняюсь собственного аппетита. Он бросает взгляд на Грега и говорит:

— Почему бы тебе не подождать за дверью? Мы отправимся через несколько минут.

— У тебя ужин с Юрием Ивановичем через час, — говорит Грег.

Доусон хмурится:

— Да? И зачем же?

— Он хочет предложить тебе сценарий. Триллер, кажется.

— Я не помню, что соглашался на это.

Губы Грега складываются в улыбку.

— Я не удивлен. Ты наткнулся на него прошлым вечером. Ты был пьян в стельку, кстати.

— Отмени, — говорит Доусон.

Грег приподнимает бровь:

— Уверен? Юрий всегда играет на большие деньги. Он не работает с дерьмовыми сценариями.

— Просто передай ему мои извинения и попроси, чтобы сценарий прислали мне с курьером. Я позже его прочитаю. И я не поеду на ужин, — Доусон жует и продолжает. — Я

не уверен, что хочу сняться в триллере, честно говоря.

Тут вмешивается мой деловой расчет.

— Я не думаю, что съемки в триллере — хорошая идея, — говорю я, — ты хочешь заново создать себе имидж, и поэтому нужно выбирать более серьезные драматические роли. Юрий Иванович предлагает хорошие сценарии, но по ним снимают блокбастеры, а не проекты, претендующие на Оскар.

Доусон хмурится.

— Да ладно, — это не вопрос, но его взгляд ждет, что я продолжила.

— Пока ты не уехал из Голливуда, большинство твоих ролей были в триллерах и боевиках, несколько романтических комедий тут и там. «Унесенные ветром» — отличная роль для возвращения. Она дает понять, что ты серьезно настроен.

— Настроен на что? — спрашивает Доусон.

— На обновление своего имиджа. Своей репутации.

— Что ты знаешь о моем имидже и моей репутации? — это вызов.

Я пожимаю плечами:

— Только то, что о тебе писали.

— Просто потому, что об этом писали... — возражает Доусон, но я его перебиваю.

— Правда это или нет, не имеет значения. Одни эти скандалы, заслуженные или нет, создали твой негативный имидж. И да, я знаю, что плохой пиар — лучше, чем никакого, но я не уверена, насколько это справедливо. Возвращаясь на экран, ты должен презентовать себя более серьезно.

Мне необходимо отвлечь свое внимание от того, как же он сексуален. Он красив даже во время еды. Мужественный и богоподобный. Его лицо освещают вечерние огни. Он слизывает соус с губ, и я вспоминаю, как его губы соединились с моими, как его язык коснулся моей нижней губы.

Я встряхиваюсь и сосредотачиваю внимание на бургере, на искусственном дереве, из которого сделан мой стол, на чем угодно, только не на нем.

Грег выходит, и я слышу голоса в коридоре, вспышки камер и его голос, когда он расталкивает толпу. Доусон смотрит на дверь. Толпа ждет, когда он выйдет. Он здесь со мной, ест солонину, а там десятки людей ждут, шумно требуя, чтобы он показался. У меня немного кружится голова.

Я заканчиваю с бургером, подавляю неловкую отрыжку, которая вызывает у Доусона усмешку, и вытираю рот салфеткой. Громкость голосов снаружи нарастает, и выражение лица Доусона становится серьезным.

— Мне жаль, — говорю я, показывая на дверь. — Теперь тебе придется пройти через них.

— Я сам виноват. Это часть сделки, — он небрежно пожимает плечами. — Можешь не беспокоиться.

Я хмурюсь:

— Они напишут обо мне?

— Наверное. Сочинят какую-нибудь ложь. Просто не обращай внимания. Они разойдутся.

Вероятной ход событий складывается у меня в голове, и я начинаю паниковать:

— Но... что, если они будут меня преследовать?

Доусон пожимает плечами

— Не отвечай. Иди своей дорогой и игнорируй их.

Он ничего не понимает.

— Я не знаменитая актриса, Доусон. Я студентка. Интерн, — я опускаю взгляд. — Ты знаешь, где я работаю. Чем я занимаюсь. Что, если они последуют за мной туда? Все всё узнают.

Доусон закрывает крышку контейнера и вытирает руки и лицо, затем ставит мои ноги на пол, наклоняется ко мне и берет меня за руки:

— А это проблема?

— Да!

— Ты стыдишься того, чем занимаешься?

Я не отвечаю, не смотрю на него. Я просто высвобождаю руки и встаю.

— Лучше тебе уйти.

Он тоже поднимается, но только, чтобы встать рядом со мной. Он касается моего подбородка указательным пальцем и заставляет меня посмотреть ему в глаза. Я смотрю, и я не могу дышать. Его глаза сейчас серо-голубые, взгляд напряженный и озадаченный.

— Грей.

— Да, — это выдох, тихий шепот.

— Тогда зачем ты занимаешься этим, если этого стыдишься? — его взгляд обжигает меня, и я знаю, что он видит мои секреты, мой стыд, видит мою жажду и мой страх. Его пальцы нежно держат меня за подбородок так, что я не могу отвернуться.

Я не отвечаю.

— Пожалуйста, уходи.

— Ладно, — он отпускает меня и поворачивается к двери. Моя кожа горит в том месте, где было его прикосновение. — Увидимся завтра в офисе.

— Нет.

Он останавливается и поворачивается:

— Что? Что нет?

— Я не могу.

— Грей, о чем ты говоришь? — он сердито смотрит на меня.

— Я не могу с тобой работать. Я просто не могу.

— А мне казалось, что тебе придется, если хочешь закончить интернатуру, — он почесывает нижнюю челюсть. — Не знаю, чего ты там так боишься. Несмотря на мою репутацию, я не так уж и ужасен.

Я качаю головой:

— Дело не в этом.

— Тогда в чем? Объясни.

— Ты не поймешь. Ты не сможешь понять.

— Ты бы удивилась, узнав, как много я могу понять, — говорит Доусон. Его глаза пристально смотрят на меня, так и призывая меня отвести от них взгляд, но я, конечно, не в силах.

— Думаешь, ты первая, кто танцевал стриптиз в колледже? Ты потрясающе танцуешь, Грей. Ты должна это признать. Это не должно определять тебя.

— Но оно определяет.

— Ну, тогда это твоя проблема. Ты собираешься разрушить свою карьеру, не успев ее начать? Серьезно? Если это так важно, я никому не расскажу. И я поговорю с Арманом,

чтобы он тоже тебя не выдал. Адам и Нейт были под кайфом, и я сомневаюсь, что они вообще тебя заметили. Просто приходи завтра на работу.

— Пожалуйста... уходи, — я готова расплакаться, едва сдерживая слезы.

Доусон медленно качает головой, будто он в замешательстве и раздражен.

— Черт с тобой, Грей. Просто позволь мне...

— Позволить что? Что ты сделаешь? Изменишь реальность?

Он гневно вздыхает:

— Ладно. Пусть будет так, — он поворачивается к двери и кладет ладонь на ручку, и вдруг останавливается, будто что-то вспомнил. Вытащив набор ключей из кармана, он двумя шагами пересекает комнату, берет мою руку и кладет в нее ключи.

— Вот. Тебе больше не придется ходить пешком.

Я смотрю вниз и вижу эмблему «лэнд ровера» на ключе, завернутом в черный чехол с зеленой надписью.

— Что? Я не могу... я хочу сказать... что?

— Это мой «ровер». Он стоит здесь на парковке. Это ключи. Я хочу, чтобы ты на нем ездила.

— Но... нет. Я имею в виду, ты меня даже не знаешь. Мы встречались два раза. Я не могу брать у тебя машину.

— Можешь. И будешь. Ты мой ассистент, значит, делаешь то, что я говорю. Твоя работа — делать меня счастливым. Так что води мою машину.

— Но... если я разобью ее?

Он смеется:

— Детка, я Доусон Келлор. Я куплю еще десяток с помощью дебетовой карты. Мне плевать, разобьешь ли ты ее, только если с тобой будет все в порядке.

— У тебя дебетовая карточка? — спрашиваю я. Как-то это банально для знаменитости уровня Доусона.

Похоже, он озадачен.

— У меня есть счет в банке, поэтому да, у меня есть дебетовая карта. Еще у меня есть кредитные карты. И права, — его голос дразнит. — Знаешь, что еще? Я парень. Я ссу и не попадаю в унитаз. Я ем чизбургеры. Я смотрю бейсбол и пью пиво.

Я смотрю на него во все глаза:

— Это не то... я хочу сказать... я не...

Он смеется и проводит пальцем по моей брови:

— Расслабься. Я шучу. Я хочу сказать, я обычный человек.

— Не совсем. Ты сам только что сказал. Ты — Доусон Келлор.

— И это тебя пугает? — он подходит ближе, его рот в паре сантиметров от моего, я чувствую его дыхание на щеке, а его глаза сверлят мои.

Он мог бы щелкнуть пальцами, и любая женщина в мире помчалась бы делать все, что он только захочет. И вот он здесь, в моей грязной общажной комнатке, ведет себя так, будто я ему нравлюсь, будто он увидел во мне что-то особенное, кроме того, что я симпатичная. Это не тщеславие, это просто правда о том, кто я есть. Я не такая девушка, к каким он привык. Я не девушка из Лос-Анджелеса. Я не актриса, или сексуальная девушка, уверенная в себе. Я потерянная, запутавшаяся провинциалка.

А он — бог Голливуда.

У него лицо Каина Райли, главного героя трилогии «Знак ада», серии паранормально-

романтических книг, побивших рекорды продаж «Гарри Поттера» и «Сумерек». Эти фильмы сделали карьеру Доусона. Его лицо теперь на обложках книг. На студии «Universal» есть аттракцион «Знак ада», весь покрытый изображениями с Доусоном. Есть игрушки с его лицом, фан-клубы и костюмы для косплея, пародии и скетчи в шоу «Субботним вечером в прямом эфире», высмеивающие его.

Он изобразил Каина мрачно-сексуальным, чем-то средним между Джеймсом Бондом и Бэтменом. Женщины сходят с ума от фантазий о Каине Райли. Еще более знаменитым Доусона делает то, что он подражает своему персонажу в реальной жизни. Женщины сходят с ума не просто от Райли, вымышленного человека, но от Доусона Келлора, реального и дикого, молодого, сексуального, беззаботного плейбоя, владеющего большими богатствами, чем сам Бог.

Я вижу, как этот таинственный и сексуальный Доусон Келлор пожирает меня глазами. Они сейчас цвета приближающейся грозы, цвет его глаз меняется в зависимости от его эмоций и его одежды. Его руки ложатся на мою талию, и я не могу дышать, не в силах отвести взгляд от его глаз. Я чувствую его дыхание на моих губах, чувствую силу его рук на моей коже, и вспоминаю вкус его поцелуя, соблазняющий гипнотизм его губ. Мои легкие горят от затаенного дыхания, глаза наполняются слезами, его тело излучает жар, и я хочу его. Я хочу поцеловать его еще раз — хочу затеряться в его объятиях, как это случилось тогда в клубе. В тот мимолетный момент я была лишь женщиной, которую поцеловали, девушкой, впервые испытавшей страсть; ничто не имело значения, в мире не существовало никого, кроме Доусона, его губ, его рук, его глаз, его тепла и его широкого, сильного, мускулистого тела.

Я хочу испытать то же самое сейчас.

Нужно прекратить это. Я должна отвернуться. Целовать его было бы неправильно. Если мне придется работать с ним, нельзя его целовать. Я не думаю о той ночи в клубе, как его шелковая рубашка касалась моей кожи, а его руки — моих ягодиц, обладая мной.

Но я хочу, чтобы он владел мной. Я хочу, чтобы он делал со мной все, что захочет. Я хочу отдаться собственной жажде и желанию. Я хочу, чтобы он показал мне то, чего я никогда не знала.

Его мягкие и влажные губы прикасаются к моим, и я вдыхаю его дыхание, отчаянно сжимая его футболку, позволяя ему поцеловать меня снова. Поцелуй... Боже, этот поцелуй. Я ругаю себя за то, что упомянула имя Господа всуе, и вдруг вспоминаю, что мне уже плевать на это, и его язык проникает меж моих губ и касается моих зубов, моего языка. Я не могу дышать, ни о чем не могу думать, не могу пошевелиться, только сжимаю руками его футболку и целую его, прижимаю свои губы к его губам и касаюсь моим языком его языка. И теперь мне нет обратного пути, я познала вкус соблазна. Я согрелась.

Его губы отрываются от моих, и я опустошена. Я опускаю руки и роняю голову ему на грудь, и меня охватывают горькие рыдания.

— Грей? Господи, что не так? — у него растерянный голос.

— Уходи. Просто... уйди. Пожалуйста, уйди, — я едва могу говорить.

— Почему ты плачешь? Я что, настолько плохо целуюсь? — он пытается шутить, но ему не удается. По выражению его лица видно, что он и сам это знает.

Я в силах только покачать головой. Я делаю шаг назад из его гипнотического жара, от его прикосновений, от его губ.

— Уходи! Боже... пожалуйста, оставь меня в покое. Я не могу... я не могу... я не могу

делать это с тобой. Ты должен уйти, — я забираюсь по лестнице на верхний ярус кровати, чувствуя себя, как ребенок, сбегаящий от наказания.

Я чувствую, что он стоит там, наблюдая за мной. Я отворачиваюсь от него, так что ему видны только мои спина и бедра. Моя серая юбка обтягивает мою задницу, и я чувствую его взгляд на моем теле. Я хочу повернуться и поправить юбку, но я слишком хорошо осознаю его взгляд на себе, чтобы быть в состоянии пошевелиться. Я слышу звон ключей и металлический звук, когда он кладет их на мой стол. Я слышу, как он складывает контейнеры в пакет и как поворачивается ручка двери. Возбужденные голоса становятся громче, когда открывается дверь. Грег приказывает присутствующим успокоиться.

— Грей, я... — впервые с нашей встречи голос Доусона звучит неуверенно. Я почти готова повернуться в его сторону, но сдерживаюсь.

И дерзкий голос возвращается:

— Приезжай завтра. На машине.

И он уходит, но шум снаружи оглушительный. Все кричат и визжат. Я слышу, как какая-то девушка кричит, что хочет от Доусона детей. Другая просит его жениться на ней. Хор голосов требует автографов и совместных фото, и я слышу, как Доусон говорит, что подпишет автографы в течение десяти минут и уйдет. Шум стихает, и мне слышен разговор Доусона с женщинами, которым он подписывает автограф.

В конце концов, шум прекращается, и я слышу, как его автомобиль уезжает вдаль. Лиззи входит спустя несколько минут.

— Охренеть, Грей! — она забирается вверх и свешивается с лестницы. — Ты в курсе, кто это был? Зачем он был здесь? Вы переспали?

Я хотела бы ее проигнорировать, но не могу, потому что она слишком громко и надоедливо кричит.

Я поворачиваюсь, и мне даже не приходится изображать мученическое выражение на лице:

— Он мой босс, Лиззи. Мне поручили работать с ним. Так что да, я знаю, кто он. И нет, мы не... мы не... нет.

— О мой Бог, почему нет? — она хватается мою руку и трясет меня. — У него самая сексуальная задница на всей гребаной планете! Как ты могла не переспать с ним?!

Я не знаю, что ей ответить. Я просто пожимаю плечами:

— Я работаю на него. Я не могу.. я имею в виду, мои оценки, моя интернатура, моя карьера зависят от этого, — это чистая правда, почему я не могу позволить случиться чему-то подобному. Почему я должна противостоять его гипнотическому притяжению.

— Господи, Грей. Это же чертов Доусон Келлор. Он Каин Райли, в конце концов! Ты совершаешь преступление в отношении всех женщин, не отхватив кусок от этого пирога. И не говори, что ты его не интересуешь. Я видела, как он тебя держал.

Я огрызаюсь:

— Боже, Лиззи, ты сама слышишь, что говоришь? Он не кусок мяса. Он не вещь, от которой можно «отхватить кусок». Он — мужчина. Личность. И я.. никак он меня не держал. Он нес меня, потому что я упала в обморок. Вот и все, — я сама не знаю, зачем я ей вру.

Лиззи хмурится, слушая мою речь.

— Ты еще тупее, чем я думала. Отправь его ко мне, если тебе нет до него дела, — она исчезает в дверном проеме, и я наконец одна.

Я стараюсь заснуть, но ничего не выходит. Когда я наконец засыпаю, мне снится Доусон. Ко мне приходят мучительные эротические сны, в которых он касается меня так, что я извиваюсь и задыхаюсь от желания. Он целует меня во сне, и я не сопротивляюсь, отвечаю на поцелуи, и это становится чем-то большим, чем просто поцелуй. Все это становится чем-то, что вызывает у меня зуд между ног.

Я просыпаюсь, запутавшись в потных простынях, и смотрю на потолок, не в силах забыть свои сны. Я снова засыпаю, и они приходят снова. Руки Доусона на моей талии, скользят к моим бедрам. Ложатся на мои ягодицы. Касаются моей груди. Спускаются все глубже и глубже меж моих ног самым развратным способом.

Я смотрю в его глаза грязно-голубого цвета, как пронзенные молнией грозовые тучи, и слышу, как его голос шепчет:

— Ты не можешь противостоять мне, Грей. Ты моя, Грей.

Я просыпаюсь на рассвете, слыша его слова, произнесенные во сне, одновременно желая и боясь, что они окажутся правдой.

• Глава 9 •

Я зарабатываю в клубе большие деньги, и все равно едва свожу концы с концами. Мои чаевые покрывают только плату за обучение, общежитие и учебники. Мне приходится жестко экономить на еде, чтобы хватало на новую одежду для интернатуры. Если я вообще выхожу из кампуса, то стараюсь как можно больше идти пешком. Даже проезд на автобусе слишком дорогой, а мне важен каждый пенни. Правда, это ужасно, ведь УЮК расположен в сомнительном районе, и девушке даже при дневном свете небезопасно идти по улице в одиночку.

Я стою на парковке у общежития, разглядывая новый «рейндж ровер». Он белый с затонированными стеклами. Ключи у меня в руках, и я борюсь сама с собой. У меня есть водительские права, но я не садилась за руль с отъезда из Джорджии. Я погуглила «рейндж роверы», и модель, стоящая передо мной, стоит от ста тридцати семи тысяч долларов. Я даже мысленно не могу охватить эту сумму денег. А он просто оставил его на парковке, по прихоти, чтобы его водила я. А потом заявил, что купит себе еще десяток таких, если захочет. Читать или слышать про миллионные бюджеты фильмов — это одно, но видеть человека, владеющего таким богатством, собственными глазами, — это другое. Этот «рейндж ровер», эти сто тридцать семь тысяч для него как несколько пенни. Даже «бугатти», который стоит, пожалуй, пару миллионов, для него ничто. Доусон заработал четыре миллиона на первом «Знаке ада» и еще шестнадцать на двух продолжениях. С тех пор он снялся еще в четырех высокобюджетных картинах, за каждую из которых получил не менее десяти миллионов долларов.

Сегодня необычайно жарко, и я обливаюсь потом, просто стоя на месте, дискутируя с самой собой. Поехать на «ровере» будет благоразумно. Я отключаю сигнализацию и открываю дверь. Сажусь на место водителя, ловя воздух ртом от жара, исходящего от нагретых кожаных сидений. Я завожу мотор, проснувшийся с низким и мощным рыком. Через мгновение кондиционер начинает подавать потоки ледяного воздуха. Я сторожно вдыхаю и выдыхаю. Этот автомобиль ужасает меня. Меня ужасает то, что он означает, что я в итоге подчиняюсь ему. Я собираюсь закончить интернатуру, и провести следующие несколько месяцев с Доусоном в профессиональном плане.

Он видел меня обнаженной. Он дотрагивался до моей кожи. Он поцеловал меня

дважды. Мое тело реагирует на него непонятным мне самой образом.

Откладывая момент, когда мне, наконец, придется ездить на этой машине, я вожусь с музыкальным центром, пока он не включается. Хэви-метал грохочет на такой громкости, что машина трясется. Мне удастся выключить его и переключить на радио. Я листаю станции, пока не нахожу 102.7 FM, станцию с поп-музыкой. Начинает играть “Can’t Hold Us” Macklemore, и я делаю чуть громче. Далеко не так громко, как включает Доусон, но достаточно, чтобы набраться уверенности, пританцовывая на месте. Я глубоко вдыхаю и медленно начинаю отъезжать.

И теперь мне придется встретиться с Доусоном. Его «бугатти» припаркован через три машины от моей, в задней части парковки. Я выключаю двигатель, пытаюсь собраться с мыслями. Я почти спокойна, когда открывается дверь со стороны пассажира и в машину залезает Доусон. Он одет в выцветшую рубашку марки «Billabong» с шортами цвета хаки и черными вьетнамками. Его глаза закрывает пара «рэй-бэнов», волосы покрыты гелем. На его подбородке темная густая щетина, практически борода. Мне хочется провести рукой по его щеке, почувствовать, как его щетина щекочет мою ладонь.

— Какая-то ты напряженная, — он облокачивается на дверцу машины, вытянув ноги. Он спокоен и совершенно бесстрастен. Его красивый выразительный рот изогнут в легкой улыбке.

Я облизываю губы и сжимаю руками руль.

— Все в порядке.

Он усмехается:

— Детка, не обманывай меня.

— Не называй меня так. Я тебе не детка. Я ни для кого не «детка».

— Видишь? Напряжение. Это обычное слово, — он натягивает ремень безопасности на груди и пристегивается. — У нас дела. Поехали.

— Поехали куда? — смотрю я на Доусона, погрузившегося в свой телефон.

— Во-первых, обратно ко мне домой. Надо забрать сценарий. Я забыл его. Потом у нас встреча с какой-то фирмой по производству... «Орбита», что ли.

— «Orbit Sky», — подсказываю я.

— Ага, они самые. А потом возвращаемся сюда. Джереми хочет заново отрепетировать что-то со мной и Роуз. Так как ты мой ассистент в этом проекте, то пойдешь со мной.

— Так мы едем в офис «Orbit Sky»? — спрашиваю я.

Он качает головой:

— Нет, это ужин. «Spago».

Даже я знаю, что это за место.

— А я подходяще одета? — я окидываю Доусона взглядом. — А ты?

Он пожимает плечами:

— Это важно? Ты отлично выглядишь. Мы заедем ко мне, и я надену джинсы или еще что-нибудь. Вряд ли они откажут мне в обслуживании, знаешь ли.

— Так, где ты живешь?

— Просто езжай в Беверли Хиллз, — говорит он, не отрываясь от телефона. Когда я мешкаю, он поднимает на меня взгляд. — Что?

— Я... я ездила, не водила здесь. Точнее... нигде, по-настоящему, до сегодняшнего дня.

— Чего? — Доусон хмурится. — Как это никогда не ездила? У тебя есть права, так?

Я киваю:

— Да, у меня есть удостоверение, но я никогда не водила. Мне никогда не приходилось, или не получалось, смотря как посмотреть. Меня всегда возили родители. А здесь я сажусь на автобус или хожу пешком.

Доусон, похоже, еле сдерживается от смеха:

— А я отдал тебе «Range Rover Autobiography»?

— Что отдал?

Он все же начинает смеяться. У него белые зубы, и смех преобразует его лицо, делает и без того красивые очертания невыносимо прекрасными.

— Это — «Range Rover Autobiography» 2013 года. Это... — он вздыхает и качает головой.
— Обычный автомобиль. Поехали.

Он тянется в мою сторону и достает ключи из зажигания. Его предплечье задевает мою грудь, и от этого прикосновения меня ударяет электрическим зарядом. Он ничего не замечает и просто выходит из машины и идет к своему «бугатти». Сегодня, во время занятий, я гуглила его автомобиль. Это Bugatti Veyron 16.4 Grand Vitesse, и по всевозможным рейтингам - это самая дорогая в мире машина, особенно если учесть, что он заказывал ее с особыми примочками. Есть целая статья о том, как Доусон приобрел этот автомобиль, и еще несколько о других его машинах, так как он владеет несколькими спортивными авто класса «люкс», включая «астон мартин», «бентли» и «мазерати». Мне пришлось специально искать, чтобы узнать, что они из себя представляют.

Я беру сумочку и иду за ним к машине. Он ожидает меня, придерживая дверь. Это джентльменский жест, приводящий меня в замешательство. Я сажусь на кожаное сиденье, и он закрывает за мной дверь. Я пристегиваюсь и кладу сумочку на колени, стараясь не смотреть, как Доусон садится и заводит двигатель. Мы срываемся с места с визгом шин. Он лавирует в потоке машин, сметая на ходу правила дорожного движения. Он проехал, как минимум, один раз на красный свет, резко свернув в сторону, едва не столкнувшись с грузовиком. Я не дышу от ужаса.

Кажется, я трачу слишком много времени на то, что боюсь этого человека.

Доусон маневрирует среди узких переулков, проезжая там, где мне бы и в голову не пришло. Лишь чуть поездив по улицам Лос-Анджелеса, я представляю, сколько мастерства ему требуется, чтобы управлять этим автомобилем. Это выглядит так, будто он не прикладывает никаких особых усилий, словно мчатся по пробкам Голливуда на скорости шестьдесят миль в час — совершенно в порядке вещей.

Звонит его телефон, и он достает его и бросает мне:

— Можешь посмотреть, кто это?

Я держу чужой телефон в руках и пялюсь на него. У меня нет мобильного телефона, так как я не могу себе его позволить, да и звонить мне некому. У меня есть планшет, который я использую для учебы, что почти то же самое. Я касаюсь пальцем зеленой иконки на экране.

— Звонок от... Эшли М. — я начинаю громко зачитывать сообщение. — Она пишет: «Приходи сегодня вечером. У меня есть шар №8 и «Блю Лейбл».

Он кривится:

— Что за дерьмо. Я думал, это Джереми.

— Что за Эшли М? — меня осеняет мысль. — И почему у нее только первая буква фамилии? Ты знаешь столько разных Эшли, что тебе нужно как-то их различать?

— Ну что за дерьмо, — повторяет он, — она... моя подруга.

— Подруга, — и это не вопрос.

Он забирает телефон, не глядя на меня, и засовывает в карман шорт.

— Да. Подруга. И да, я знаю много разных Эшли. И много разных Джен. Фамилии.. обычно не важны.

— Так мне ответить ей за тебя? — мне точно известно, что означает это сообщение. Ну, может, я и не знаю, что такое шар №8, но «Блю Лейбл» — это элитное виски. Полагаю, шар №8 — это какие-нибудь наркотики или что-то связанное с сексом. Эшли М — наверняка ослепительно красивая, утонченная блондинка, знающая, как доставить ему удовольствие, в отличие от меня.

Мое сердце сжимается. Я заставляю себя вспомнить, что он мой босс. Я работаю на него. Он может принимать наркотики и заниматься сексом, с кем захочет. Это никак не касается меня.

Он переключает передачу, достает телефон и крутит его между большим и указательным пальцами. Затем швыряет его мне:

— Угу. Ответь ей.

Я беру телефон и открываю переписку с Эшли М.

— Что ей написать?

— Просто скажи ей — нет, спасибо, у меня другие планы.

Я набираю сообщение и отправляю, и спустя считанные секунды приходит ответ: «*Н-у-у-у-у, ты уверен?*». Я поперхнулась и передала ему телефон:

— Я не буду читать продолжение.

Сердце сжимается, как и живот. Это не мое дело. Мне все равно. Мне плевать. Но... как бы я ни уверяла себя, что мне все равно, это не так. Мне не следует ревновать Доусона, но я ревную. Второе предложение сообщение гласило: Если придешь сегодня, можешь опять вставить мне в задницу.

Перед моими глазами все расплывается. Доусон останавливается на красный, и я импульсивно отстегиваю ремень, раскрываю дверь и вылезаю из машины. Я на каблуках, поэтому не могу бежать, но я захлопываю дверь и быстро ухожу, насколько мне позволяет чувство равновесия. Я не смотрю, куда я иду, я не знаю, где я. Все это не имеет значения. Я слышу яростный голос Доусона за спиной, как он выкрикивает мое имя. Гнев, тошнота, ревность. Потерянность. Потеря, будто у меня украли какую-то возможность. Ему нравится анальный секс. У него случайные связи, и ему неинтересны или он не помнит их фамилии, а они пишут ему сообщения о бессмысленном сексе, наркотиках и алкоголе.

Он звезда. Знаменитость. Он живет жизнью знаменитости, о которой я не имею ни малейшего представления. Я слышу за спиной гудки и крики и игнорирую их. Я продолжаю идти, борясь с дурацкими слезами и поражением. Я даже не знаю, почему я так расстроена.

Мои ноги отрываются от земли, меня резко поворачивают и прикладывают к стеклу витрины. Руки Доусона обхватывают меня под ягодицами. Одна из них на моей щеке, притягивает мое лицо к его. Он тяжело дышит, с его лба и верхней губы стекает пот. Его глаза серо-голубые, цвета гнева.

— Черт побери, Грей. Это не то, что ты думаешь.

Я пытаюсь вырваться. Это слишком. Я прижата его телом. Я не могу высвободиться, не могу пошевелиться, могу только вдыхать его запах и его мощь.

— Пусти меня.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты не так все поняла.

— Нечего тут понимать, — шепчу я. — Ты можешь делать, что хочешь, с теми, с кем хочешь. И это именно то, что я думаю.

— Она...

— Она хотела, чтобы бы ты заехал к ней и занялся с ней сексом. Все просто, — я делаю глубокий вдох и закрываю глаза, чтобы не видеть его. Он отпускает меня, и я с силой его отталкиваю:

— Я интерн. Всего лишь. Ты не обязан ничего мне объяснять.

— Но если я сам хочу...

— Да неважно! — кричу я, до сих пор в слезах по какой-то непонятной причине. Я пытаюсь успокоиться, так как вокруг начинает собираться толпа:

— Просто... Господи, просто остановись, Доусон. Перестань.

— Не могу. Мне жаль, что ты это прочитала, но... слушай, ты права, все это неважно. Я порвал с ней. Я провел с ней время лишь раз. Вот и все.

Я снова начинаю уходить, и он нагоняет меня. За нами следуют клики и вспышки камер.

— Я не знаю, в чем ты пытаешься меня убедить. Это не имеет значения.

— Я об этом и говорю, но это ведь ты плачешь, — его рука ловит мою, а другая обхватывает меня за талию, притягивая меня к нему. И снова из-за малейшего касания я чувствую, будто принадлежу ему. Это неправильно, и в то же время правильно, и это приводит в замешательство.

— Не беги.

— Я и не бегу.

Он хихикает:

— Ну и врушка же ты, Грей.

Я отталкиваю его и вырываюсь из его рук. В то же время я борюсь с собой, так как мне нравится находиться в его объятиях. Я потеряна и не ориентируюсь в происходящем. Зачем я сопротивляюсь всему? Он явно хочет меня. Но я не знаю, чего он хочет, и я не знаю, что делать с его вожделением, или как себя чувствовать, или что я вообще чувствую. Все, что мне известно — выживание, работа и учеба. Я не имею понятия о мужчинах.

Я поворачиваюсь и хочу вернуться туда, откуда мы пришли, но путь преграждает толпа и папарацци. Их десятки, и все фотографируют меня.

— Мисс Амундсен, что между Доусоном и вами? Сколько вы уже вместе? Вы застали его с другой женщиной? — мужчина средних лет с густыми каштановыми волосами и очками в квадратной оправе подносит мне диктофон и выкрикивает целую вереницу вопросов.

* * *

Откуда они знают мое имя? Это пугает меня больше, чем что-либо еще.

Костлявая женщина с платиновыми волосами перекрикивает его:

— Мисс Амундсен, зачем Доусон провожал вас вчера до общежития? Вы — студент в УЮК? Это правда, что Доусон и вы застукали вашу соседку прямо во время секса? Какой Доусон в постели?

Я открываю и закрываю рот. Мне кажется, будто я обязана ответить на их вопросы. Меня учили быть вежливой и отвечать, когда ко мне обращаются. Я не знаю, что сказать. Я не хочу попасть в новости.

— Я... мы не, эм... я не...

— Вы можете прокомментировать ваши отношения с Доусоном Келлором?

— Сколько вам лет? Вы замужем?

— Грей, вы никогда не хотели стать моделью?

— Посмотрите сюда, Грей!

— Грей, сюда!

— Грей, Доусон принуждал вас делать в постели то, что вам не нравится?

Я перевожу взгляд с одного человека на другого, раскрывая и закрывая рот, мигая при вспыхках. Я чувствую, как рука Доусона обхватывает меня за талию, оттаскивает меня, и вот он стоит передо мной, закрывая меня.

— У Грей нет комментариев по вашим вопросам, друзья, — он чуть подается вперед, и я чувствую, как он становится жестким, будто надевает доспехи. — У вас есть вопросы по поводу фильма?

Мужчина, задавший мне первый вопрос, выходит вперед:

— Доусон, до нас дошли слухи, что вы примете участие в ремейке «Унесенных ветром». Вы можете их подтвердить?

Доусон переключает внимание на мужчину:

— Привет, Билл, как дела? Да, я могу это подтвердить. Я играю Ретта. Мы начнем съемки в следующем месяце. Мы почти закончили подготовку.

— А Грей как-то участвует в проекте? — мне не видно, кто задает этот вопрос.

— Она интерн, работающий у Джона Казанцидиса в «Fourth Dimension».

— О чем вы спорили? Это не показалось мне обычной спорой по работе. Вы в отношениях?

Плечи Доусона напрягаются.

— Я не собираюсь это комментировать, скажу только, что нет, мы не в отношениях и никогда в них не состояли. Она интерн в моем проекте. Между нами был профессиональный разговор.

Тот же голос начинает говорить громче, голос какого-то молодого человека:

— Мне так не показалось, Доусон, и мы все знаем твои истории с интернами и ассистентками. Давай, чувак, просвети нас.

Голос Доусона становится жестче:

— Я и просвещаю вас. Не будь мудаком, Том. Не втягивайте Грей в это. Я прокомментирую съемки в фильме, и все на этом. Еще кто-то задаст вопрос об Грей, и мы уходим.

Все, что мне видно — широкая спина Доусона, оранжевая рубашка, обтягивающая его плечи, волосы, выющиеся на его шее. Ему надо бы побрить заднюю часть шеи. Мне хочется провести рукой по его плечам, но я не решаюсь.

— Зачем ты защищаешь ее, если вы не в отношениях? — тот же голос, которого Доусон назвал Томом.

— Она никогда не сталкивалась с вами. Вы же чертовые барракуды, ребята.

Снова Том:

— Конечно, ты не будешь комментировать ничего про нее. Она хороша, Доусон. Вы отлично смотрите вместе.

Доусон обнимает меня за плечи, притягивает к себе, и мы проталкиваемся через толпу, игнорируя слепящие вспышки камер и вопросы со всех сторон. Он ничего не говорит, и я

лишь семеню на высоких каблуках, чтобы успевать за ним. Его рука на моем плече — настоящее шоу для журналистов, папарацци, кто бы там ни был. Мое сердце колотится. Они успели уловить факт, что происходит что-то необычное. Они знают, кто я такая. Они выяснят, что я работаю стриптизершей. Каз узнает и уволит меня. Все узнают, что я стриптизерша, и это то, кем я буду в глазах окружающих. Девушка, любящая светить своими прелестями.

Мы прошли три квартала и до сих пор не дошли до места, в котором я выскочила из машины Доусона. Я не имела понятия, что убежала так далеко. Еще через полквартала в нашем поле зрения оказывается толпа, собравшаяся вокруг полицейского, подогнавшего эвакуатор, чтобы забрать автомобиль Доусона. Доусон матерится.

— Эй, нет нужды забирать ее.

Коп оборачивается, узнает Доусона и пугается.

— Простите, мистер Келлор. Нельзя вот так оставлять автомобиль посреди дороги.

— Да что вы говорите. Но теперь-то я здесь, и все в порядке.

— Но... — коп, похоже, растерялся.

Доусон подходит ближе к полицейскому, мужчине в возрасте с круглым пузом и волосами с проседью:

— У вас есть дочь, господин... О'Хара?

— Я... да, но...

Доусон забирает у полицейского блокнот и достает черную ручку из кармана шорт.

— Как ее имя, мистер О'Хара?

— Джилл, но это не...

Доусон бросает мужчине мягкую, обезоруживающую улыбку и пишет в блокноте. Я читаю, что он пишет: «Джилл за то, что твой папа герой. Твой друг, Доусон Келлор». Имя написано резкими каракулями, а сама надпись аккуратная. Он возвращает блокнот полицейскому и убирает ручку, затем хлопает старика по плечу.

— Послушайте, мистер О'Хара. У меня была чрезвычайная ситуация. Это больше не повторится, — Доусон начинает идти по улице, держа мою руку. Полицейского, как магнитом, тянет следом.

— Мистер Келлор, я благодарен за автограф, моя дочь ваша фанатка, но я не могу позволить вам уехать просто так.

Доусон открывает дверь со стороны пассажира и приглашает меня сесть, затем обходит автомобиль, садится сам и поворачивает ключи в зажигании. Он нажимает на газ, и двигатель ревет.

— Тогда выпишите мне штраф. Нет смысла забирать машину, ведь я здесь. Оштрафуйте меня на любую сумму. Просто сделайте это быстро, если можете. У меня через час важная встреча с продюсерами.

Мистер О'Хара явно в замешательстве. Его взгляд переносится на огромную толпу, на Доусона, на меня, на машину — которая стоит больше, чем он заработает за всю свою жизнь. Он колеблется, и Доусон нетерпеливо вздыхает. Он достает из бумажника карточку и протягивает полицейскому:

— Как насчет этого? Мне правда пора ехать. Вот визитка моего адвоката. Можете отправить ему штраф или что вам угодно, — я в шоке от его наглости.

— Полагаю, это возможно... я хочу сказать... — полицейский смотрит на толпу, а потом зачем-то на меня.

Я молча сижу на месте пассажира, затаив дыхание, стараясь быть невидимой.

— Отлично. Рад, что мы договорились, — Доусон захлопывает дверь, разворачивает «бугатти» в дюйме от эвакуатора, припаркованного прямо за ним, и врывается в пробку за грузовиком, обрезав путь белому «бентли». Он летит на желтый свет, в считанные секунды, разогнав автомобиль до пятидесяти миль в час, и мчится через медленное движение, объезжая по обочине там, где нельзя проехать. Один раз он даже пересекает двойную сплошную. Я не могу дышать, сжав руки в побелевшие кулаки, меня отбрасывает на спинку, когда Доусон тормозит, и швыряет налево, когда Доусон срезает путь через переулочек, переключая передачи.

Инцидент с полицейским уже в нескольких милях позади нас, а мы уехали оттуда пару минут назад. Сердце колотится у меня в груди, и не только из-за виртуозно сумасшедшей поездки с Доусоном. Между переключениями передач его рука покоится на моей ноге, его палец касается моей коленки. Я таращусь на его руку. Она огромная и загорелая, с шершавой кожей.

— Ты всегда так едешь? — выдавливаю я из себя.

— Да, — он мельком смотрит на меня с усмешкой. — А что?

— Это же страшно. Что, если мы разобьемся?

— Мы не разобьемся.

— Откуда тебе знать?

— Потому что я знаю, что делаю. Я не просто богатый болван на спортивной машине.

— А кто ты тогда? — спрашиваю я.

— Хм. Много кто. До карьеры в кино я был стритрейсером. Смотрела «Форсаж»? Во-вроде того. Только у нас не было банд, и мы не росли на улицах. Мы были богатыми избалованными детишками с карманами полными слишком много денег, и никто не говорил нам, что нельзя себя так вести. Мы катались по бульвару Сансет посреди ночи или по бедным районам, куда даже копы не заглядывают. Мы брали отцовские «фerrари» и «ламборджини» и устраивали гонки. Мы ездили на них по горам. В общем, я давно умею водить. А потом я получил роль Андерсона в «Богатых красной дорожки», и меня, типа, заставили пойти на настоящие курсы вождения. Типа, с государственными инструкторами и прочим дерьмом.

— Ты когда-нибудь попадал в аварию?

Доусон смеется:

— Ну, конечно. Нельзя заниматься стритрейсингом и ни разу не разбиться. Я разгромил свою «Хонду NSX». Буквально разгромил. В таких катастрофах не выживают, но я выбрался без единой царапинки. Я почти догнал этого подонка Джонни Лью. Его отец, кажется, состоял в Триаде [прим. преступная организация], но я не помню точно. Было где-то три часа утра, и это была предварительная гонка на четыре мили. Я был впереди и собирался повернуть налево. Я слышал, как его заносит направо, понимаешь. Шины дымились, ревели моторы. Джонни был прямо за мной, приближаясь все ближе. Он ехал на этом гребаном убийственном красно-черном «чарджер» 68-ого с «Неми» [прим. название двигателя]. Это такой отстой. А я был на «Acura NSX», это японский автомобиль, а этот азиатский малыш вел классическую американскую модель. Так вот, меня заносило влево, в сторону Вашингтона. Я даже не понял, что произошло, только то, что моя машина вдруг взлетела в воздух, переворачиваясь. Вроде, меня перевернуло раз тридцать. Меня, похоже, ударило об сиденье. Боже, как больно было. Я переворачивался, и переворачивался, и переворачивался,

и, наверно, мне повезло, что я не врезался в фонарь или какое-нибудь здание. Как ни крути, мне очень повезло. Понятия не имею, почему я не пострадал. Я хочу сказать, мой автомобиль был всмятку, а я просто вылез из него, с синяками, но цел и невредим. Самое смешное было, когда они хотели заставить меня пройти этот курс по стритрейсингу с каким-то якобы бывшим рейсером, который стал голливудским консультантом или типа того. И оказалось, что это тот самый парень, которого я победил в гонке, — разговаривает Доусон за рулем, и я заметила, что он стал ехать аккуратнее. Ради моей безопасности? — Так что да, я умею водить. Можешь быть спокойна.

— Ты говорил, что это было до начала карьеры в кино. Что это значит?

Он смотрит в зеркало заднего вида, а затем без предупреждения срезает путь через поток машин на соседнюю улицу, резко сворачивая то вправо, то влево, внезапно возвращаясь к безумному рваному стилю вождения. Я снова вцепляюсь в подлокотник и не дышу, когда он несется по узким улицам на скорости пятьдесят миль в час, потом опять выезжая на главную улицу, минуя пробки и попав, наконец, на шоссе. Скорость как минимум девяносто, мы избегаем одну аварию за другой и затем возвращаемся к нормальной скорости.

— Что это было? — выдыхаю я.

Доусон ухмыляется:

— За нами гнались легавые. Мы оторвались.

— Легавые?

— Полиция? Регулировщики движения?

Я хмурюсь:

— Кто вообще говорит «легавые»?

— Я, как видимо.

— Так ты только что скрылся от полиции?

— Угу, — Доусон бросает взгляд назад, но он, кажется, уверен, что оторвался от погони.

Его взгляд фокусируется на мне, когда мы стоим на красном свете.

— Так вот. Как тебе первая встреча с этой шушерой?

— С кем? — переспрашиваю я.

— Папарацци.

— А, — отвечаю я, — было... страшно. Они ни о чем не боятся спрашивать, да?

Он смеется:

— Нет. И они беспощадные. Понимаешь, мы даже не ответили ни на один вопрос о тебе, и хоть мы и сказали, что мы не вместе, они все равно напишут, что им вздумается, чтобы продать тираж. Прозвучит не очень ободряюще, но я не советую читать этих сплетничающих крыс. Ты не будешь в восторге.

Я не уверена, что думать и что сказать. Пожалуй, я все же поищу свое имя в интернете. Долгие минуты я сижу молча, избегая его взгляда, отклонив колени в сторону так, чтобы он не дотрагивался до них. Его прикосновение сводит меня с ума. Нельзя, чтобы меня затянуло на его орбиту.

Мы въезжаем в Беверли Хиллз, минуя огромные многомиллионные поместья с полями зеленой травы со скульптурами из кустов и широкими аллеями. Когда мы проезжаем на удивительно маленькой скорости по району, я вижу, как одна знаменитая актриса достает почту из ящика, а потом баскетболиста за мойкой машины. Доусон бросает в меня взгляд, будто чтобы оценить мою реакцию на обстановку.

— Ты едешь как нормальный человек, — замечаю я.

Он пожимает плечами:

— Это мой район. Я знаю этих людей. У них есть дети, — он машет в сторону Лос-Анджелеса.

— А там что?

— Военная зона. Я родился и вырос в Лос-Анджелесе, и я знаю этот город вдоль и поперек. Я знаю, где там пробки, где полицейские ловушки и где самые опасные районы. А здесь? Я здесь живу. Я не собираюсь ездить тут, как мудака.

— Ты так и не ответил на мой вопрос. Ты говорил про то, что серьезно занялся кинокарьерой. Как ты попал в кино?

Он не отвечает. Он въезжает через арку на длинную аллею во двор. Огромный дом напоминает испанскую плантацию с балконами, обращенными во внутренний двор, в центре которого широкая стена гаражных дверей, и несколько из них открыты и демонстрируют вереницы разнообразных машин. У парадного входа припаркован «бугатти» за классическим кабриолетом вишневого цвета. Кажется, это «форд мустанг», но я не уверена.

Доусон смотрит, как я разглядываю его.

— Это «форд мустанг» 1969 года, — должно быть, я выгляжу растерянно. — Он довольно редкий, учитывая год выпуска и покраску.

— Ты сам его собрал?

Он кивает:

— Ага. Ну, точнее, перестроил. Я купил колеса у чувака в Мендочино, потом нашел подходящий двигатель и настроил его. В нем оригинальное радио и кожаные сиденья — весь интерьер как новенький и почти полностью оригинальный, — он оживляется, рассказывая об автомобиле, и я выхожу и приближаюсь к машине вслед за ним. Симпатичный автомобиль, на мой взгляд. Более мужественный. Он идеально подходит Доусону. Если бы я представила его рулем, то именно в такой машине. Он откидывает верх и показывает на различные части двигателя, перечисляя факты, цифры и имена, и я не могу понять ничего, что он говорит, но, Господи, как же мило видеть его таким увлеченным. Это совершенно иной Доусон, рассказывающий о своем автомобиле. Его глаза теперь зеленоватые, как светящаяся тень от изумруда.

И тут я понимаю, что он так и не ответил на мой вопрос. Кажется, он избегает ответа. Я забиваю на это и даю ему договорить, слушая и стараясь не угодить на его орбиту. Это бесконечная битва. Его лицо оживленное и детское, и, Боже, такое, такое красивое. Линии и очертания его лица словно созданы скульптором. Я больше не верю в Бога, но если бы верила, то Доусон был бы доказательством его работы.

В конце концов, до Доусона доходит, что я не особенно слежу за его рассказом, и останавливается, не закончив предложение, покраснев. Он потирает рукой шею и смущенно улыбается:

— Черт, я слишком много рассказываю тебе о мужских штуках, да? — он закрывает верх автомобиля, берет меня под руку и подталкивает к парадному входу. — Извини. Автомобили — мое все, и я становлюсь настоящим задротом, когда начинаю о них рассказывать.

Я не могу удержаться от улыбки, глядя на него:

— Это было очень мило.

— Отлично. «Это было мило». Для мужчины это как поцелуй смерти.

— Это еще что значит? Это и было мило, — я иду за ним через входную дверь в

огромное фойе с замысловатой люстрой со свечами.

— Грей, ни одному парню не нравится, когда его называют «милым». «Мило» прямо противоположно сексуальности.

Я чувствую, что резко краснею, и он опять смотрит на меня тем взглядом, таким, который говорит, что он не понимает, как я могу не знать, что он имеет в виду.

* * *

— Ты покраснела до ушей, ты в курсе? — он касается моей шеи кончиками пальцев, и моя кожа пылает там, где он дотронулся. Я хочу отойти, но не могу. Мой очевидный дискомфорт удивляет его еще сильнее. — Где это тебя воспитали, такую наивную?

Я вздыхаю:

— Я выросла в Маконе, в Джорджии.

Он недоуменно смотрит на меня. Я отворачиваюсь и начинаю изучать доспехи, стоящие у винтовой лестницы.

— Меня ограждали от всего, понятно? Просто... просто давай не будем об этом, — я и близко не готова рассказывать ему о своем детстве.

— Ограждали, значит? — он встает за моей спиной, и, хоть я его и не вижу и не чувствую, так как он дотрагивается до меня, я ощущаю его присутствие, как какого-то демона из преисподней. — И как огражденная ото всего девочка из Макона превратилась в лос-анджелесскую стриптизершу?

Мне почти удалось забыть на мгновение о своем заработке. Сегодня четверг, последний из моих выходных дней — я работаю с пятницы по понедельник. Во вторник я освобождаюсь от этой работы, так что я — это лишь я, и мне не приходится притворяться. По средам ужасный факт того, чем я занимаюсь, начинает беспокоить меня меньше, так как я сосредотачиваюсь на учебе и работе. К четвергу мне почти удается все забыть. У меня почти получается притвориться, что я просто Грей, обычная студентка колледжа. А потом наваливается пятница, и я возвращаюсь в реальность: я стриптизерша. Я снимаю одежду за деньги ради сексуальных фантазий и прихотей мужчин.

Четверг — мой лучший день. Единственный день, когда я могу побыть Грей, обычной Грей. А теперь Доусону приспичило поднять эту тему и напомнить мне.

Меня переполняет беспричинный гнев. Я поворачиваюсь и кричу:

— Из отчаяния, ясно? — отталкиваю его, но не чтобы причинить ему боль, а от ярости и безысходности. — У меня не было выбора! Это единственная работа, которую мне удалось найти, а я искала многие месяцы. Месяцы! У меня не было никакого опыта работы. У меня нет... мне не к кому обратиться за помощью. Мне... мне некуда идти. Я не могу и не вернусь в Джорджию. Моя стипендия закончилась, а она покрывала все — обучение, проживание, питание, учебники. Я ненавижу все это. Ненавижу. Ненавижу... я все это ненавижу! — из-за расстроенных чувств возвращается мой родной акцент.

Я всхлипываю и не могу остановиться. Я снова отворачиваюсь от него, спотыкаюсь и опускаюсь на холодный мраморный пол. Все прорывается наружу, все эмоции, которые копились во мне месяцами. Одиночество, тоска по дому, стыд и чувство вины. Все это выходит в виде не слов, а ярости и всхлипываний.

Я чувствую, как он опускается на колени рядом со мной и обнимает меня. Я пытаюсь было оттолкнуть его, но у меня не осталось сил, а его объятия слишком сильные и теплые.

— Ты больше не одна, Грей, — это худшее, что он мог мне сказать. Если раньше я всхлипывала, то теперь я разражаюсь градом слез, или что там начинается после

всхлипываний.

Он ничего больше не говорит. Он просто держит меня на полу своего фойе и дает мне выплакаться. Хотелось бы сказать, что этот взрыв слез — катарсис, но это не так. Это просто необходимость. Кризис сочувствия к самой себе. Он не помогает. Он ничего не изменяет.

— Отпусти меня, — говорю я, сопротивляясь ему.

— Нет, — его голос нежный, но твердый, а его объятия слишком сильны.

— Пожалуйста. Пусти меня. Все в порядке.

— Чушь.

— Чего ты хочешь от меня? — я сдаюсь и не сопротивляюсь, но я напряжена.

— Правду о тебе?

Это единственное, чего у меня нет и чего я дать не могу. Я не знаю, что такое правда, и, даже если бы знала, Доусон не тот, кому бы я стала ее рассказывать. Он Доусон Келлор, голливудская суперзвезда. А я просто Грей из Макона, Джорджии.

Его телефон звонит, и, хоть он не пошевелился, чтобы достать его, это напоминает о реальности. Его руки обхватывают меня, теплые и успокаивающие, и я хочу остаться в них навсегда, потому что я могу.. почти могу забыть о том, кто я такая и о реальности, ожидающей меня.

Почти.

Его губы касаются моего уха, и я вздрагиваю, шокированная нежностью и интимностью этого мгновения.

Но я не могу позволить себе думать, что это что-то означает. Сообщение от Эшли М. напомнило мне о важном факте: Доусон Келлор и я — из совершенно разных миров. Меня засосало и загипнотизировало энергией, очарованием и грубой мужественной красотой Доусона. Но я ведь не одна такая, не так ли? Он заплатил миллионы долларов, чтобы жить таким образом. Он выступает на экране и исполняет оscarоносные роли из-за этой способности, этой врожденной соблазнительности. Это заложено в нем, это часть него. Он соблазняет без малейших усилий. В нем будто случайным образом заложена паранормальная сила. Его ртутный взгляд притягивает тебя, в одну секунду карие, грязного серо-зелено-голубого цвета, а затем он оживает и они становятся зелеными, или же он приходит в ярость, и они синие. И его тело соблазнительно, углы его плеч и линия челюсти, экзотические скулы, мощь рук и крепкий торс. Его смертоносная гибкая грация гипнотизирует, он движется, как леопард в африканской степи, даже когда он просто гуляет по улице.

Все это затянуло меня, но я не могу позволить этому случиться снова. Он не знает меня, а я не знаю его. Мы не друзья. Мы не любовники. Он поцеловал меня, но это ничего не значит. Для такого мужчины, как Доусон, поцелуй — не более, чем обычное рукопожатие. Он привык к одноразовому сексу и быстрому прощанию утром. Для него это обмен удовольствием. И ничего больше.

Для меня же секс — это загадка. Фантазия. Мечта. Будущее. Это всегда было где-то в будущем. Однажды я встречу того самого парня — такова была моя философия в подростковом возрасте. Сейчас же я только хочу закончить обучение, получить работу и прекратить зарабатывать в «Экзотических ночах». Я хочу бросить стриптиз. Я не думаю о будущем, не считая смутной надежды на то, что все станет лучше. Доусон — это не мое будущее. Он мое настоящее, и он для меня ничего не значит. А я — для него. Я не сексуальный объект, не считая того, что он видел меня голой и хочет меня на одну ночь.

А я хочу большего. Мне нужно будущее.

Я встряхиваюсь и глубоко вдыхаю. Когда восстановилось чувство равновесия, я встаю, и Доусон отпускает меня. Я чувствую на себе его взгляд, пока расправляю юбку и поправляю хвост.

— Благодарю тебя.

Он поднимается и кладет руки мне на талию. Я даже не задумываюсь об этом пару секунд, потому что это кажется таким... правильным. Но потом я вспоминаю и отхожу назад.

— Ты в порядке? — спрашивает он. Его глаза снова приглушенного орехового цвета, но его лицо выражает беспокойство.

Я киваю:

— Все хорошо.

— Ты женщина. «Хорошо» может означать что угодно.

Где-то бьют часы, оповещая о половине часа.

— Со мной все хорошо. Я в порядке. Мне жаль, что я так раскисла, — говорю я с напускным профессионализмом. — Твоя встреча через полчаса. Тебе лучше переодеться.

— Грей... — он тянется ко мне.

Я берусь за край моей блузки:

— Где у тебя ванная комната? Я умоюсь, и нам надо ехать в «Spago».

— Плевать мне на встречу. Выпей со мной. Поговори со мной.

— О чем поговорить? — я быстро встречаюсь с ним взглядом. — Тебе не о чем беспокоиться.

— Но я переживаю за тебя, — говорит он, и я уверена в его искренности.

— Ну... значит, не стоит. Это не имеет значения, — я поворачиваюсь и ухожу вглубь дома в попытке самостоятельно найти уборную. Мне нужно уйти подальше от него. Слишком легко поверить, что он на самом деле обеспокоен.

— Черт побери, Грей. Просто остановись. Я не идиот — очевидно же, что ничего не в порядке, — он все еще стоит в фойе рядом с доспехами.

Я нахожу ванную и останавливаюсь на пороге, смотрю на него и улыбаюсь. Улыбка фальшивая, правда, и он знает это.

— Может, и нет, но это не твоя проблема. Я обычный интерн. Моя личная жизнь не входит в мое задание.

— Ты — не просто какое-то задание. Я встретил тебя не как Грей-интерна. Сначала я познакомился с Грейси, стриптизершей. Но это не ты, и там тебе не место, — он идет ко мне, мощный и угрожающий, и его взгляд примораживает меня к месту. — Я знал это тогда и знаю это сейчас. Я не могу... я даже не могу представить тебя там. Ты достойна гораздо большего, чем этот дерьмовый клуб.

— Но это моя реальность. Вот и все. Ты... мы едва знакомы. Просто... перестань путать меня, ладно? Прошу, — я отступаю от него в ванную. Как близко бы он ни находился, всего в паре дюймов, обжигая меня мрачным и непроницаемым взглядом, я не могу вспомнить, почему я вообще должна держаться от него подальше.

— Путать? И как это я тебя пугаю?

— Просто путаешь. Все, что касается тебя. Ты разговариваешь со мной и ведешь себя так, будто знаешь меня. Будто... между нами что-то есть, — я натываюсь задницей на раковину, а он прямо передо мной, и мне некуда отступить.

— И почему это тебя пугает?

— Потому что это неправда? — ненавижу, что я произношу это вопросительно, словно есть сомнения.

— А что, если все так и есть? Что, если я тебя знаю? Что, если между нами что-то есть... или может быть? — он кладет руки на мои бедра, и я чувствую, как меня тянет обратно к нему, все ближе и ближе.

Его рот приближается, его глаза в нескольких дюймах от моих. Нет, это нельзя допустить снова. Я теряюсь все больше с каждым разом, когда он целует меня. Но это неправда. Это то, что, как мне кажется, должно ей стать. Реальность — это то, что я все больше обретаю себя, когда он целует меня. Словно все слои лжи и стыда спадают, и все, что существует — лишь он, я, соприкосновение наших губ и жар его поцелуя.

Это произошло.

Его губы касаются моих, и все остальное исчезает. Я в его власти. Он целует меня с тем же легким мастерством, с которым водит автомобиль. Он извлекает из меня стон, притягивает мое тело к своему, приковывает меня к себе и обезоруживает при помощи одних рук и рта.

Я не просто даю ему себя поцеловать — я отвечаю на его поцелуй. Мой рот двигается, мои губы пробуют его на вкус, мои руки ложатся на его грудь между нами и впиваются в его рубашку, и я прижимаюсь к нему, разбиваясь, словно волны, об его острые углы. Я принимаю участие и воодушевляюсь.

Его рука соскальзывает с моего бедра и сжимает мои ягодицы, и где-то во мне загорается искра. Это запретное прикосновение, знакомый мне властный, эротический, провокационный жест. Это шаг вперед.

Поцелуй — это всего лишь поцелуй, но его рука на моей заднице, держащаяся за меня таким образом... это нечто большее.

Мне нравится это. Словно костер вспыхивает у меня в животе, когда он сжимает мои ягодицы. Одной рукой, а потом, когда я не сопротивляюсь... второй. Обе руки на моих ягодицах. Просто лежат. Потом они начинают гладить меня медленными расширяющимися кругами. Его пальцы впиваются в мои мышцы, крепко держат, расслабляются и вцепляются снова. Он притягивает меня ближе. Я чувствую его страсть.

Я издаю стон, когда он целует меня. Он приподнимает меня, и я сажусь на край раковины. По своему собственному желанию мои ноги предательски обвиваются вокруг его талии. Его руки держат меня, а его рот жадно поглощает мой. Я теряюсь. Он подвигает меня дальше, мой копчик ударяется о край раковины, пробудив меня из транса.

Я обрываю поцелуй и слабо отталкиваю его:

— Нет, хватит. Перестань. Я не могу... мы не можем.

Он не отпускает меня, но я не поддаюсь.

— Почему? — спрашивает Доусон резким, жестким шепотом.

— Я не могу. Мы не можем, — я не знаю, как сформулировать причину, потому что я не могу вспомнить, в чем она состоит.

Я не знаю, что последует за этим поцелуем. Умом я понимаю, что за поцелуями следует секс. Но это чужая территория. Миф. Нереалистичная идея. Соитие обнаженных тел преступление, вульгарность и беременность. Грех.

И я не готова к этому, но я не могу сказать об этом Доусону.

Я не знаю, как сформулировать ни одну из своих мыслей.

— Мы не... это не... — я запинаюсь на каждом предложении, даже на дешевой

полуправде, которая не относится к истинным причинам. — Мы из разных миров. Ничего не получится. И я работаю на тебя.

Он отходит назад, и я вижу, что он знает, что я лгу, по жесткости его взгляда.

— Ага. Ясно. Дело не в тебе, дело во мне. Мы слишком разные, — он разворачивается. — Как тебе угодно.

Он уходит, а я сижу на раковине, поставив одну ногу на мраморный пол, другую положив на край раковины. Я поворачиваюсь и вижу себя в зеркале — мой макияж растекся, волосы всклокочены, одежда смялась. Мои глаза печальны, губы сжаты.

Я выгляжу потерянной.

Именно так я себя и чувствую.

Я заставляю себя умыться и выхожу из ванной. Там стоит Доусон, одетый в свободные брюки и белую рубашку поло.

— Поехали, мисс Амундсен. Время работать. Мы опаздываем, — говорит он жестким и формальным тоном.

Я иду за ним, получив то, чего добивалась.

Он не произносит ни слова по пути в ресторан.

• Глава 10 •

Я стою за занавесом в клубе в ожидании моего первого танца в этот вечер пятницы. Мое сердце усиленно бьется, так, что я, клянусь, вижу, как оно выпрыгивает из моей груди. Живот сводит от тошноты так сильно, что я не уверена, что смогу исполнить номер до того, как меня вырвет. Я заставляю себя глубоко вдохнуть. Я смогу сделать это. Ничто не изменилось. Все по-прежнему.

Но это ложь. Такая ложь. Все изменилось. Я изменилась.

Глубокий вдох оканчивается сдавленным рыданием. Кэнди заканчивает свое выступление, и сейчас Тимоти представляет меня. Толпа мужчин начинает кричать. Я даже слышу несколько женских голосов. Я до сих пор нахожу странным то, что женщины ходят в подобные стрип-клубы.

— Прошу вас тепло встретить... Грейси! — Тимоти кричит в микрофон.

Это сигнал для меня. Я провожу ладонями по животу, будто это его успокоит, и кладу их на бедра. Мне приходится заставлять ноги передвигаться, чтобы взойти на сцену. Свисты и улюлюканье достигают предельной громкости. Меня ослепляет свет прожекторов. Я часто моргаю и смотрю на океан лиц. Ни одного знакомого мне там нет, слава богу.

Я закрываю глаза, заставляю себя перестать нервничать и начинаю танцевать. Я открываю глаза и пристально смотрю вдаль, не глядя ни на кого. Как обычно, к финалу у меня более сотни долларов разными купюрами. Слезы вместе с потом катятся по моему лицу.

Я бегу в примерку, в крохотный санузел, по пути забросив пачку денег в сумочку. Я закрываю крышку унитаза и сажусь, наконец, позволяя себе выплакаться.

Лицо Доусона возникает у меня перед глазами.

Там не место для тебя. Ты достойна большего, чем этот дерьмовый клуб.

Правда, мне видна отстраненная твердость в его взгляде, когда мы садились за бизнес-ужин. Я делала заметки, вмешивалась в разговор со своими идеями и притворялась, что не видела боль, скрывающуюся за выражением лица Доусона. Он сказал Грегу отвезти меня домой и проводить до двери.

Перед уходом Грег протянул мне визитку.

— Если что понадобится, звони, — он с усмешкой потер лоб. — Это от меня лично, а не от него.

Когда я проснулась наутро, «ровер» был на парковке, а ключи — в моем почтовом ящике с запиской.

В ней было два слова: «*Береги себя*». Она была подписана одной замысловатой буквой «Д». Я все равно дошла до занятий пешком, но на работу поехала на машине, благодарная за его заботу, несмотря на эту неловкую ситуацию между нами.

Кулак бьет в дверь гримерки:

— Выходи, Грей, — выкрикивает Тимоти. — Пора за работу. Сегодня много народу — нам некогда возиться с твоими нежными чувствами.

Я умываю лицо, поправляю макияж и выхожу в зал. Я ненавижу это не меньше, чем танцевать на сцене. Я сталкиваюсь лицом к лицу с вождедением.

Я срываю куш, что хорошо, так как скоро нужно платить за обучение. Кончается моя смена, и посетители начинают расходиться. Я исполняю еще два танца на сцене и плачу после каждого из них.

Я ухожу со сцены после последнего, плачу, поправляю макияж и иду в зал для последней пары частных танцев. Почти три часа утра, и клуб практически пустой, не считая нескольких парней, сидящих поодиночке или кучками. Я собираюсь уходить, когда один мужчина машет мне. Он молодой и симпатичный, одет в хороший костюм, не считая того, что на нем нет пиджака и галстука, и рубашка расстегнута. Из-под краев рубашки виден его голый торс, загорелый и с накаченным прессом. Его взгляд расфокусирован, он весь потный, его рука, держащая пиво, дрожит. Он голодно смотрит на меня, на мою грудь и бедра. Я бессознательно завязываю узел на рубашке, чтобы убедиться, что мои груди на месте; его глаза при этом сужаются.

Я отступаю на несколько шагов:

— Пять баксов за танец на столе, десять за приватный.

Он достает двадцатку, сложенную в четыре раза, и расправляет ее пальцами:

— Станцуй че-нить. Иди сюда, — он проглатывает слова, но его взгляд острый и опасный.

По позвоночнику пробегает холодок, когда я заставляю себя подойти ближе к нему. Я вдыхаю кислород и покачиваюсь. Он смотрит, поднося бутылку к губам. Я двигаюсь сексуальнее, качая бедрами, изгибаясь в талии, чтобы было видно декольте. Я подхожу ближе, и он улыбается.

— Повернись, — бормочет он.

Я поворачиваюсь и трясусь задницей под поп-музыку, играющую из колонок. Я выгибаюсь в спине и наклоняюсь вперед так, что мои ягодицы прямо перед его лицом. Я чувствую, что он меня трогает, и отскакиваю:

— Нет, никаких рук.

Он не отвечает, просто ухмыляясь.

— Сними рубашку, детка.

Я улыбаюсь в ответ:

— Это только на сцене. Ничем не могу помочь. Если хотите, я могу позвать Кэнди или Монику для этого.

Он лезет в карман брюк, достает пачку стодолларовых купюр и отсчитывает десять. Он

сворачивает их и засовывает в карман моих шорт, а затем убирает оставшиеся деньги обратно в брюки.

— Я сказал... снимай.

Он шипит эти слова ясно и разборчиво, и по моей коже пробегают мурашки от угрозы в его голосе, от ярости в его взгляде.

Я вытаскиваю деньги и протягиваю ему:

— Простите, сэр, я этим не занимаюсь.

Он усмехается и снова достает пачку денег. И протягивает ее мне целиком.

— А ты, сука, жадная. Здесь четыре косаря. Давай. Показывай сиськи.

Я отстраняюсь.

— Я так не думаю, — отвечаю я с твердостью в голосе и оглядываюсь в поисках Хэнка, вышибалы. Он наблюдает со своего места у входа и поднимается, когда я даю ему знак.

Посетитель смотрит, как двухметровый Хэнк встает, и обратно на меня.

— Что ты за паршивая стриптизерша, а, стерва? Не можешь раздеться для частного танца? Ну и дерьмо. Я же не отсосать тебя попросил. Я пришел в стрип-клуб и хочу посмотреть на сиськи. Ты откажешься от денег за то, что и так делаешь каждый день? Сука тупая. — Он, пошатываясь, встает на ноги, проливая пиво. Он вертит свою пачку денег в руках, матерится и швыряет ее на стол.

— На**й. На**й всё, и тебя тоже на**й, — он бредет к выходу; Хэнк провожает его. Мужик останавливается на пороге, мешкает, поворачивается и пялится на меня, и что-то в его взгляде пугает меня. Хэнк мягко выталкивает его в дверь, и тот уходит.

Я забираю деньги со стола и пересчитываю: там 3900 долларов сотнями и полтинниками. Я бросаю взгляд на Кэнди, Монику и Ирис, они считают свои чаевые в баре за «Маргаритой». Кэнди до сих пор раздета, не считая стрингов, ее огромные сиськи покрыты какими-то блестками. На Моники и Айрис распахнутые халаты. Я единственная из девушек в этом клубе, которая все время одета... не считая сцены. Не то чтобы эта рубашка считается за одежду, правда.

Все трое притворяются, что не наблюдают за мной. Кэнди работает, чтобы обеспечить себя и сына-подростка, у сына Моники аутизм и ему необходимо особое лечение, а Айрис, как и я, зарабатывает на обучение. Всем им так же, как и мне, отчаянно нужны деньги.

Я пересчитываю деньги, добавляя к ним сотню моих чаевых, делю их на четыре части и кладу по тысяче долларов перед каждой из коллег.

— Я ничего не сделала, чтобы получить эти деньги, — говорю я. — Будет справедливо, если я ими поделюсь.

Кэнди бросает мне благодарный взгляд:

— Ты не обязана это делать, солнышко. Это был твой столик.

Я пожимаю плечами:

— Все нормально. Он не собирался их оставлять, просто был слишком пьяный, чтобы засунуть их обратно в карман.

Девушки смеются, так как каждой из нас доводилось видеть мужиков настолько пьяных, что они не могли вспомнить, как их зовут. Правда, обычно такие не раскидываются тысячами долларов. Девушки обнимают меня в благодарность, допивают коктейли и забирают деньги. Я сижу в баре, но Брэд дает мне «Спрайт» — он знает, что я не пью. С такой удачей я сегодня заработала 1500, а это значит, что у меня достаточно средств на обучение, и еще хватит на новую пару туфель на каблуках, которые нужны мне для

интернатуры. Тим ушел где-то в полночь, предоставив закрывать клуб Брэду и Хэнку. Девушки уходят раньше меня, поэтому автомобили Хэнка, Брэда и мой — единственные на парковке.

Я надеваю леггинсы, шлепанцы и свободную розовую футболку с одним открытым плечом. Я рада снова надеть бюстгальтер, так как ходить без него в течение долгого времени неудобно, с размером и весом моей груди. Хэнк провожает меня, так как я припарковалась в дальнем конце парковки. На полпути он вспомнил, что забыл ключи, и отправился обратно. Парковка пустынна, и я в двадцати футах от машины, поэтому я не жду его. Фонарь бросает бледный оранжевый свет на край парковки. Я делала это десятки раз, но, по какой-то причине, по моей коже пробегают мурашки. Я останавливаюсь в центре парковки, раздумывая, не пойти ли обратно и подождать Хэнка, чтобы проводил меня до машины, но мое авто совсем рядом. Я нажимаю кнопку, и фары «ровера» мигают и зажигаются. Когда я подхожу ближе, мурашки пробегают по моей шее. Сердце вдруг начинает биться сильнее. Я вглядываюсь в темноту, вцепляясь в ключи так, что белеют костяшки. Я приказываю себе не бояться.

Затем, когда я добираюсь до ручки двери, я понимаю, что мне есть чего бояться. Холодная липкая рука хватается меня за запястье, и я ударяюсь о мускулистый мужской торс. От горячего дыхания у моего уха несет пивом. Коварные пальцы вцепляются в мои ребра, а затем в мою левую грудь так сильно, что у меня перехватывает дыхание.

— А вот теперь... ты разденешься, — звучит злой шепот над моим ухом.

Он хватается за горло моей футболки в месте, где она свисает с моего плеча, сначала почти нежно, а потом с нарастающей силой, пока она не начинает рваться. Он отпускает мое запястье и зажимает рукой мой рот. Второй рукой он пытается сорвать с меня одежду. Его пальцы впиваются в мою грудь. Поначалу я скулила, но быстро нашла решение. Я поднимаю ногу и с силой наступаю на его ботинок. Он не отпускает меня, но прыгает на одной ноге, ругаясь. У меня нет времени, чтобы пнуть его еще раз, потому что его рука отпускает мой рот и грубо хватается меня за шею. Я не могу ни вдохнуть, ни закричать. Он прижимает меня к холодной машине, все еще держа мою шею. Его другая рука стягивает с меня штаны, сначала с одной ноги, потом с другой. Я пинаюсь и сопротивляюсь, но я стою к нему спиной и не могу дышать. Он сжимает мою шею все сильнее.

Я слышу, как он расстегивает ширинку, и вдруг что-то твердое, но в то же время мягкое и теплое касается внутренней части моих бедер. Мне перекрыт кислород. Перед глазами все расплывается. Я чувствую, как что-то касается моей ноги. Я пытаюсь закричать и сопротивляться решительнее, паникуя еще сильнее. Его рука на моей шее не ослабевает. Перед глазами танцуют темные пятна.

— Ты этого хочешь, — шепчет он у меня над ухом, его дыхание горячее и мерзкое. — Я знаю, что хочешь.

В голову приходит отчетливая мысль: *меня насилуют.*

И еще одна: *сейчас я умру.*

Его рука срывает мою рубашку и лифчик. Он вцепляется в мою грудь, с силой сжимая ее; его толстая шпуковина тычет в мою кожу, и я пытаюсь закричать, пытаюсь бороться, но у меня кружится голова, и я не могу дышать. Мои штаны висят на уровне коленей, и что-то протискивается промеж моих ног, заставляя их раздвинуться.

Нет.

Нет.

Нет.

Я не могу остановить происходящее.

* * *

И вдруг он исчезает, совершенно внезапно, и я теряю равновесие, вдыхая сладостный прохладный воздух, оступаясь. Я падаю, путаясь в штанах, и ударяюсь об автомобильной головой так сильно, что у меня сыпятся искры из глаз. Я слышу звуки вокруг. Сильные удары. Стоны от боли. Рычание.

Я лишь могу корчиться от боли и хватать ртом воздух, чувствуя пульсирование в голове.

Голос где-то надо мной:

— Б**дь. Б**дь! Грей? — это Доусон.

Я не могу издать ни звука. Я пытаюсь дышать, мое горло пульсирует. Я кашляю, хватая ртом кислород.

Я чувствую, как нежные руки Доусона прикасаются ко мне. Он натягивает обратно мои штаны. Даже зная, что это он, я уворачиваюсь от его прикосновений.

— Ш-ш-ш-ш. Все хорошо. Это я. Это Доусон. Я здесь. Ты в порядке, — он берет меня за спину и легко поднимает меня на ноги. — Я надена на тебя свою рубашку, хорошо?

Он что-то делает, и остатки моего лифчика падают на землю. Я снова всхлипываю, и ладонь Доусона гладит меня по щеке, стирая мои слезы.

— Все хорошо, Грей. С тобой все в порядке.

Голова пульсирует, и я чувствую что-то влажное и липкое у себя на спине.

— Голова, — издаю я невнятный стон, — у меня кровь...

Доусон ругается, и я слышу, как рвется ткань, а затем что-то мягкое, пахнущее Доусоном, ложится мне на голову. Он берет мою руку и бережно вдевает ее в рукав, будто я ребенок. Теперь я одета, прикрыта, и это облегчает ужас, стусившийся у меня в животе. Доусон спас меня.

Я плачу, и он кладет руку на мой лоб. Пальцы нежно поддерживают меня за шею, помогая мне присесть. Я слышу, как Доусон тихо матерится, увидев кровь. Я смотрю, как он берет обрывки моей розовой футболки и прижимает их к моему затылку, и затем он кладет руку под мои колени и с легкостью поднимает меня. Дверь его «Мустанга» распахнута, двигатель грохочет. Он сажает меня на пассажирское сиденье, наклоняется, чтобы выключить радио, по которому играет хэви-метал, ассоциирующийся у меня с Доусоном. У меня кружится голова и двоится в глазах, и я очень устала. Я смотрю на парковку, и вижу на земле какую-то глыбу, темные брюки, окровавленную белую рубашку. Рядом с ней темная лужа крови. Насильник.

Он не двигается.

Доусон что-то бормочет в телефон.

— Кусок дерьма... да, я его отделал... Я не знаю, возможно... Можешь все уладить, окей? Понял. Пока.

Он кладет телефон в карман и идет обратно к «Мустангу», залезая на место водителя. Его взгляд пугает меня. Он полон убийственной ненависти, его зубы плотно сжаты. Его взгляд встречается с моим и смягчается. Он смотрит в окно на напавшего на меня, жмет на рычаг, и мы делаем круг. Еще одно порывистое нажатие на рычаг, и мы вырываемся с парковки на пустынную улицу.

Я не знаю, я ли причина его гнева. Ему пришлось спасти меня в три часа ночи, притом, что я отвергла его.

Он едет с бешеной аккуратностью на скорости от девяноста до ста миль в час по шоссе, мчась на красный свет и делая резкие повороты. Красные и синие огни пролетают мимо, но Доусон не обращает внимания. Полицейский автомобиль пронесется мимо с воющей сиреной. Мне остается только вцепиться в подлокотники и пытаться дышать. Доусон до сих пор в ярости, тяжело дыша, словно он старается взять себя в руки, но у него не получается.

— Доусон, прости меня, — я не могу на него смотреть. — Можешь просто отвезти меня домой, со мной все хорошо.

Я прижимаю футболку к затылку, и мне больно, но когда я убираю ткань, на ней лишь несколько пятен крови. Я прижимаю снова, и теперь на ней не остается ничего.

Он смотрит на меня в замешательстве:

— Простить тебя? Что? — он таращится на меня несколько мгновений, пока до него не доходит. — О, Господь всемогущий! Ты думаешь, что я зол на тебя?

Я пожимаю плечами:

— Наверно... я имею в виду... я не знаю. Но ты меня пугаешь.

Он протягивает руку и кладет на мое колено.

— Малышка, я не зол на тебя. Я зол на себя за то, что позволил этому произойти.

— Я не... я не понимаю.

Он хмурится и вздыхает:

— Я отвезу тебя домой. К себе домой. Там поговорим.

— Но... со мной все в порядке. Отвези меня в общежитие.

— Ну, уж нет, — он выезжает из переулка на главную дорогу, а оттуда на шоссе. Он выжимает из машины полную скорость. Ехать на скорости сто или больше на «бугатти» все равно, что лететь на реактивном самолете. Ты чувствуешь скорость, каждую милю. Ты чувствуешь дорогу, будто ты привязан к ракете, которая готова улететь в космос в любой момент.

— Можно чуть помедленнее? Пожалуйста, — прошу я.

Он бросает на меня взгляд, видимо, заметив, что я вцепилась руками в подлокотник и в панель передо мной. Я чувствую, как он тут же снижает скорость.

— Прости.

Я чувствую, что у него есть вопросы ко мне. Как и у меня к нему.

Я хочу лечь в свою кровать. Я хочу обратно в хорошо знакомую мне комнату в общежитии. Это немного, но это все, что у меня есть.

Но он везет меня не туда. Мы въезжаем в ворота, и Доусон машет охраннику среднего возраста в униформе, и затем мы проезжаем под аркой и резко тормозим перед входными дверями. Я едва успеваю сообразить, что мы остановились, а Доусон отстегивает мой ремень безопасности и вытаскивает меня из машины. Мне стоило бы возразить, но у меня кружится голова, и шея совсем устала и еле удерживает мою голову. Я так устала. Я кладу ее на плечо Доусона и закрываю глаза.

Доусон смотрит на меня, и его голос заставляет меня очнуться:

— Нет, Грей. Не засыпай, хорошо? У тебя может быть сотрясение. Тебе нельзя сейчас засыпать, поняла?

Он ставит меня на ноги, и я держусь за него, пока он открывает дверь и распахивает, затем поднимает меня снова и закрывает дверь ногой. Я не заходила дальше вестибюля и ванной комнаты, когда была здесь в прошлый раз. Раздается эхо от его шагов по мраморному полу, и через полусомкнутые веки я вижу, что мы проходим через кухню в огромную, но

уютную гостиную. Он нежно кладет меня на кожаный диван.

Я не могу не смотреть на него, когда он наклоняется надо мной. Его нижняя челюсть покрыта щетиной, что делает его старше и мужественнее. Я замечаю алые пятна на его подбородке и скулах, и на его рубашке. Я неосознанно поднимаю руку и стираю кровь с его щеки.

Доусон отстраняется, проведя рукой по лицу и посмотрев на руку.

— Б**дь, это его кровь.

— Он...

Доусон не дает мне договорить:

— Он не твоя забота.

Он уходит на кухню и возвращается с бутылкой перекиси, полотенцем и пакетом льда. Он осматривает мою голову с чем-то вроде профессиональной заботы, прикасаясь к ране полотенцем, смоченным в перекиси. Я вздрагиваю от боли, но она длится лишь мгновение.

— Что Грег с ним сделает?

Доусон пожимает плечами.

— Я не хочу знать ответ на этот вопрос. Я нанял Грега, потому что он пугает меня до смерти. Он был предводителем банды байкеров, по сравнению с которыми Ангелы Ада⁴— кучка молокососов. Только Грег еще получил степень по бизнесу в Брауне. Так что лучше его не злить.

Мне приходится спросить:

— Как думаешь, он мертв? Парень, который хотел... который напал на меня.

— Какое тебе дело до него?

Я пожимаю плечами:

— Я не знаю... я просто...

— Малышка, послушай. Он хотел тебя изнасиловать. Ему почти удалось, и синяки у тебя на шее доказывают это. Не думай про этот кусок дерьма больше, ладно? Его больше нет, и он не навредит ни тебе, ни кому-либо еще. Это самое главное. Его кровь на моих руках и Грега. Не на тебе.

— Но нельзя просто...

— Грей, — Доусон садится рядом со мной, и мне хочется броситься в его объятия. Я сижу неподвижно и стараюсь держать свои неустойчивые эмоции под контролем. — Не переживай об этом недоноске. Ладно? Прошу тебя. Он не заслуживает, чтобы ты о нем жалела. Если он мертв, то для него это даже слишком хорошо. Он заслуживает страданий, — от ярости в его взгляде меня бросает в дрожь.

Я смотрю в сторону и сосредотачиваюсь на дыхании. Жаркое присутствие Доусона рядом вызывает у меня воспоминания о его руках, обхватывающих меня, и о его губах... и вдруг воспоминания обрываются, и я вновь чувствую, как рука сжимает мой рот, и слышу шипение его голоса.

Доусон кладет меня к себе на колени, когда я начинаю трястись в рыданиях, и его руки обволакивают меня. Я сначала напрягаюсь, думая, что прикосновение мужских рук снова вызовет во мне ужас, но ничего не происходит. Я чувствую себя в безопасности рядом с Доусоном. Он защитил меня.

— Все хорошо, Грей. Ты в безопасности, — шепчет его голос над моим ухом.

А потом происходит что-то странное: Доусон мягко целует меня в висок. Так... нежно. Это поцелуй, чтобы успокоить, а не чтобы вызвать желание или страсть. Он приводит меня в

замешательство, и я чувствую, что... меня любят. Обо мне беспокоятся.

И я не могу с этим ничего поделать.

Инстинкт призывает меня убежать, но я не могу пошевелиться. Я просто не могу заставить себя покинуть бережные объятия Доусона, и я не хочу. Мое смущение и страх недостаточно сильны, чтобы я смогла вырваться из его рук. Это плохой сон, кошмар, и он быстро растворяется.

Через некоторое время я перестаю плакать, и позволяю себе остаться в объятиях Доусона. Его губы снова прикасаются к моему виску, а потом к уху. Он оборачивает меня одеялом.

Я зеваю, и Доусон берет меня на руки и встает вместе со мной. Я засыпаю, изможденная эмоционально и физически. Рубашка Доусона такая мягкая и пахнет им. Он теплый, и я прижимаюсь к нему, чувствуя, как двигаются его мышцы, как сталь, обтянутая шелком. Я кладу голову ему на грудь и погружаюсь в чувство комфорта и заботы. Это такое чуждое мне чувство. С тех самых пор, как умерла мамочка, мне было одиноко. Я не была любима, меня никто не замечал.

Он несет меня наверх, по длинному коридору, поднимается еще на три ступеньки и через раскрытые французские двери в просторную спальню. Кровать здесь — единственный предмет мебели, не считая огромного широкоэкранный телевизора на стене напротив и пары ночных столиков по обеим сторонам кровати. Он относит меня в кровать, наклоняется над ней и кладет меня.

Мое сердце замирает, и перехватывает дыхание. Я напряглась.

Доусон, этот бог, эта икона кинематографа, этот слишком нереальный мужчина обращает внимание на меня. Будто я что-то для него значу. Будто он хочет от меня чего-то, а я не знаю, чего именно.

Ну, это неправда. Я знаю. Ему нужен секс. Я знаю это. Я вижу это и чувствую. Об этом говорит то, как он прикасается ко мне, как целует. Я знаю это потому, что этого от меня хотят все мужчины. Это то, чего он хочет от меня. И я не знаю, как ему это дать. Но у меня чувство, словно он хочет чего-то еще. Чего-то большего. Но это не в его стиле. Ничто из того, что я слышала о нем, не говорит, что он может хотеть чего-то большего от женщины, кроме секса.

Я прокручиваю это в голове, пока он собирает с кровати подушки и кидает их на пол. Он отворачивает одеяло.

— Залезай, — говорит он.

Я забираюсь под одеяло и ложусь на подушки, глядя на Доусона, как на хищника. Так это произойдет здесь? Сейчас? В его комнате? Мое сердце колотится, и я едва дышу. Я впиваюсь пальцами в край одеяла. Доусон идет к паре закрытых французских дверей и открывает, и за ними оказывается гардероб больше, чем две комнаты в УЮК вместе взятые. Доусон снимает рубашку и кидает ее в ближайшую корзину, а затем шорты. На нем нет ничего, кроме облегающих черных боксеров. У меня перехватывает дыхание, и я сжимаю руки в кулаки при виде него. Он... божественен. Мускулы на его спине четко очерчены. Его плечи словно вырезаны из гранита. Я просто не могу оторвать от него взгляд, пока он открывает ящик, достает пару спортивных шорт и поворачивается в мою сторону, продевая в них ноги. Он натягивает шорты, но я успеваю увидеть его спереди. Я смотрю на бугор на его боксерах. Мои глаза прикованы туда, почти инстинктивно.

Я краснею и отвожу взгляд, но он увидел, что я его разглядывала. Усмешка появляется

на его лице и исчезает. Он направляется в мою сторону, и я опять напрягаюсь, смотря на его бедро. У меня пересыхает во рту, когда он приближается. Я не дышу, не шевелюсь, не думаю. Я в панике.

Он видит это на моем лице и поднимает руки.

— Расслабься, Грей, — говорит он низким голосом. — Тебе надо поспать. Я просто обниму тебя. Если не хочешь, я уйду в другую комнату.

Просто обниму тебя. Я никогда не спала в одной кровати с мужчиной. Ни разу в жизни. Папа, бывало, брал меня с собой в постель, когда я была маленькой, до девяти или десяти лет. Я не знаю, что сказать, что думать, чего хотеть. Я напугана, измождена, и мои нервы на пределе.

— Я не хочу оставаться одна, — бормочу я. Это единственное, в чем я сейчас уверена.

Он осторожно садится на кровать рядом со мной и ругается, вспомнив, что не выключил свет. Он встает и выключает его, и комнату обволакивает темнота. Только из коридора пробиваются тонкие лучи света. Я не боюсь темноты. Я боюсь собственных сумбурных чувств к этому мужчине.

Кровать прогибается, и я чувствую тепло его присутствия. Я слышу его дыхание. Его рука трогает мою, и наши пальцы переплетаются.

— Ты в порядке? — спрашивает он. — На самом деле?

Я не сразу отвечаю. Это серьезный вопрос.

— Я не знаю. Я не знаю, что чувствовать. Это было... страшно и так внезапно. Он был в клубе. Он был последним посетителем, и он позвал меня. Он был такой пьяный. Может, под кайфом. Я не знаю. Он был такой пугающий. Он хотел танец и очень разозлился, когда я отказалась раздеться. Я... я не всегда это делаю, понимаешь. Когда я танцую в зале, я не снимаю рубашку. Я раздеваюсь только, когда танцую на сцене. Эта рубашка, по сути, ни о чем, поэтому клиенты сходят с ума. Как бы, они видят, но не всё, и в этом есть разница, — я не знаю, зачем я ему это рассказываю, но слова льются потомком, и я не могу остановиться. — Я не смогла бы танцевать голой всю ночь. Я и так это ненавижу, но... всю смену? Ну, уж нет. Я не могла бы. Я бы просто не смогла. Посетителям нравится загадка, поэтому Тимоти разрешает мне быть в рубашке. В этом моя фишка, и я продвигаю ее. Я снимаю одежду только на сцене или в VIP-комнатах. Не то чтобы это меня как-то оправдывает, но... так мне легче, наверное.

Мне легче говорить оттого, что я не вижу его, что он не видит, как тяжело мне об этом говорить, хотя я не знаю, может, он слышит это в моем голосе.

— Так ты это ненавидишь? Танцевать стриптиз?

— Да, Господи. Терпеть не могу. Каждый... каждый раз, когда я выхожу на сцену, я ненавижу все это, — я дрожу, и он держит меня крепче. — Меня тошнит почти после каждого танца.

— Тебя стошнило и в тот раз после моего ухода, когда мы встретились?

Я качаю головой, а потом понимаю, что он не видит.

— Нет. Ты... это другое. Я не знаю, почему.

Он долгое время ничего не говорит.

— Так он взбесился, что ты не разделась для него, а потом вышел и ждал тебя на парковке?

— Видимо. Хэнк заставил его уйти, когда он разозлился. Я думала, что он ушел. Я подошла к моей машине... к твоей, я имею в виду, — я снова дрожу, вспоминая. — Я

должна... должна была послушать свой внутренний голос. У меня было плохое предчувствие, но я не обратила внимание. Я не хочу показаться глупой.

— Прислушайся к внутреннему голосу, — говорит мне Доусон. — Всегда прислушайся к своей интуиции.

За этим следует неловкое молчание. Я больше не хочу говорить о случившемся. Я хочу просто забыть.

— Почему ты был там? — спрашиваю я. — Я имею в виду, как ты оказался там в тот момент?

Доусон снова медлит с ответом.

— Я хотел поговорить с тобой. Я подумал, что смогу поймать тебя после твоей смены.

— О чем ты хотел поговорить?

Теперь мне понятно, возможно, как-то поздно, что Доусон всегда выдерживает паузу перед ответом. Он задумывается, прежде чем ответить, собирается с мыслями, а потом только говорит.

— Ты меня смущаешь.

Этого я не ожидала.

— Я... что? Что ты хочешь сказать — я тебя смущаю?

— Ты противоречивая, Грей. Я никак не могу тебя понять, — поворачивается ко мне лицом, и мои глаза достаточно привыкли к темноте, чтобы я увидела его очертания и блеск в его глазах.

Его пальцы касаются моей руки, моего запястья, нежно лаская. Я едва замечаю, как его прикосновение скользит по моей руке, как он приближается ко мне с каждым вдохом.

— Меня не так уж и трудно понять, — шепчу я.

Он смеется:

— Для себя самой — может быть. Ты — это ты. Ты знаешь все о себе. Но для меня ты — абсолютное противоречие. Ты озадачиваешь меня, — он касается моего предплечья, затем плеча и гладит меня по спине. Мне это нравится. Даже слишком. Я не могу остановить его, даже если бы попыталась.

— Ты кажешься такой невинной. Ты упоминала, что жила взаперти, но ты замкнулась, когда я спросил об этом. Ты источаешь эту непринужденную чувственность, но она — я не знаю, она не сексуальна, каким-то образом. То есть, она, по идее, должна такой быть, учитывая то, чем ты занимаешься, но это не так. Это какая-то чувственная смесь невинности и шероховатой красоты. Я... я не могу это объяснить, как надо. И при этом ты — стриптизерша, и ненавидишь это. Я видел это. Тебе не место в том грязном клубе. И... ты и я. Это озадачивает меня больше всего. Я не знаю, как вести себя с тобой. Я хочу тебя, и это, наверно, не секрет. Я хочу тебя так сильно, что чувствую привкус твоей кожи. Я видел тебя настоящей и урвал пару прикосновений. Но... я хочу тебя целиком. Но, как только мы начинаем сближаться, ты отдаляешься.

Его рука гладит мою спину, вниз по позвоночнику к талии. Мое сердце начинает бешено колотиться, когда его рука достигает поясницы и спускается ниже.

— Ты загадка, — говорит он, приближаясь ко мне. Я чувствую его запах, его дыхание. — Я думаю, что ты хочешь меня, но я не уверен. И если ты, правда, хочешь меня, то, мне кажется, ты хочешь не хотеть меня. И, я не хочу показаться высокомерным, но, пожалуй, миллионы женщин желали бы провести со мной хоть пять минут, а ты упорно бежишь от меня. Я не знаю, чего ты хочешь, и я не знаю, как понять твои желания, потому что ты

закрываю, чувствительная и не отвечаешь на вопросы, — он произносит все это мягко, словно его слова могут обидеть меня.

И, честно говоря, сложно не обидеться.

— Я не пытаюсь все усложнять, я просто...

— Скажи мне правду.

— Я хочу тебя, и ты прав в том, что я хочу не хотеть тебя. Ты меня пугаешь.

— Почему?

— Потому что ты... ты Доусон Келлор. Ты... Ты Каин Райли. Ты — мужчина, которого хочет каждая американка. Ты — мужчина, которым хотел бы быть каждый американец, — я так рада, что в комнате темно. В темноте я могу говорить правду. — Я хочу тебя, и это пугает меня, потому что я не знаю, что с этим делать. Как себя вести. Я не знаю, как вести себя с тобой.

— Просто будь собой.

— Это не так просто. Я не... я не знаю, кто я. Я не знаю, что я из себя представляю, — мой голос обрывается, и я с трудом сглатываю. Я плакала слишком долго, и не заплачу еще раз. Я отказываюсь от слез.

Доусон не отвечает, но это не пауза — это молчание человека, который знает, что никакие его слова не уладят ситуацию, поэтому он не произносит ничего. Это идеальный ответ.

После долгого времени он прижимает меня к себе и бормочет:

— Дай я тебя обниму.

Я до сих пор напряжена.

— Обнимешь?

— Да. Просто обниму. Я не хочу на тебя давить. Просто побудь со мной.

— Ладно... — я не знаю, что он хочет сказать. Меня никогда не обнимали, только успокаивали, когда я плакала. Что, кажется, составляет большую часть наших отношений на данный момент.

Я чувствую его улыбку, каким-то образом я ощущаю, как он удивляется моей растерянности. Он подворачивает под меня руку, прижимает меня ближе, и теперь я прямо у его теплой обнаженной груди. Моя голова покоится на его плече, и его рука гладит меня по моему предплечью и спине. Я провожу пальцем по его торсу, и я просто дышу. Я не думаю, не пытаюсь расплакаться, не беспокоюсь о счетах, не делаю домашнюю работу, не танцую стриптиз. Я просто... здесь.

Это совершенный рай. Мои глаза смыкаются, и я расслабляюсь.

— Все хорошо, так ведь? — шепчет он мне в ухо.

Я киваю. Я не могу произнести ни слова. Меня охватило спокойствие. Он обнимает меня, не пытаясь целовать меня или лапать.

Я погружаюсь в лучший сон с тех пор, как умерла мама.

• Глава 11 •

Утром меня разбудил аромат кофе. Солнечный свет касается моих закрытых век, и мне тепло. Я нежусь в комфорте и покое. Нет никаких забот. Я никто, просто довольный комочек тепла, парящий в небытие.

Я зависла на моменте, где ничто не имеет значения.

И тут до меня доносится запах кофе, и я прихожу в сознание. Наконец, я открываю глаза

и вижу белое пространство спальни Доусона, черный экран его огромного телевизора, длинная стеклянная дверь с раскрытыми шторами, пропускающая в комнату блистающий день и захватывающий дыхание вид на Лос-Анджелес.

А за ними самый великолепный вид из всех: Доусон, одетый в одну лишь пару шорт. На краях его ног лежит загар, левую пересекает шрам — тонкая светлая линия. Шрам делает его более похожим на человека. Он все-таки не отшлифован, как драгоценный камень. Боже, вчера я увидела его тело, но сегодня он с кошачьей грацией идет по своей спальне с огромной чашкой кофе в руке, и мышцы его тела струятся с каждым движением. Его грудь слегка покрыта темными волосами, и тонкая линия волос спускается от его пупка к шортам. При виде его практически обнаженного тела меня бросает в дрожь, в животе начинает покалывать. Внутри меня все вскипает от жара. Я чувствую себя настоящей женщиной.

Доусон садится на край кровати и улыбается. В другой его руке тарелка с обычным запеченным рогаликом, щедро намазанным сливочным сыром. Я сажусь в постели, и в животе урчит, как только я чувствую запах еды.

Он принес мне завтрак. В постель. И он сделал это с голым торсом.

Женщины Америки, завидуйте.

Я беру половину рогалика с тарелки и проглатываю ее, запивая глотками кофе. Я обжигаю язык, но ничего не ощущаю. Я жгу свой язык кофем каждый день.

Доусон наблюдает за мной с немного удивленным и озадаченным выражением.

— Куда-то спешишь?

Я медленно доедаю рогалик, вытираю уголок губ пальцем и слизываю с него остатки сыра. Я ловлю взгляд Доусона на моих губах и впадаю в краску.

— Нет, — говорю я, стараясь побороть смущение. — Я просто... всегда так ем, наверное. Особенно утром.

— Это так мило. Ты ешь, будто рогалик вот-вот от тебя сбежит, — он смеется при виде моего смущения. — Не слушай меня. Просто расслабься.

— Расслабиться? — это недостижимая задача.

— Ага, — он забирает у меня кружку, делает глоток и отдает обратно. — Просто... не парься. Проведи сегодняшний день со мной. Мы можем заняться чем угодно. Просто развлечемся.

Я в замешательстве:

— А какой сегодня день?

— Суббота. Двенадцатый час. Мы оба выспались. Обычно я встаю к шести, но сегодня проспал.

Я вдыхаю:

— Двенадцатый? — я не вставала позже семи уже несколько лет. — Быть не может. Мне надо доделать домашнее задание до вечерней смены.

Его глаза темнеют, взгляд становится жестким. Они были светлее, приглушенного орехового, но при нарастающем гневе они моментально становятся из голубых в серые.

— Когда нужно сдать задание?

— Во вторник. Но у меня еще одно задание на среду, и контрольная в понедельник, а я работаю все выходные, поэтому я должна успеть...

Он затыкает меня, засунув оставшийся рогалик мне в рот.

— Ну, уж нет. Ты больше там не работаешь, — это звучит как приказ, и у меня волосы встают дыбом.

— Что? Что это значит, я там не работаю? — я говорю с полным ртом, глотаю рогалик и кладу оставшуюся часть на тарелку. — Мне там не нравится, но у меня нет выбора. Это моя работа. Это мое средство к выживанию. Если с интернатурой все получится, Каз возьмет меня в штат, но до этого я не могу бросить. Мне надо платить за обучение... в среду, кстати, вместе со счетами за общежитие и питание. Я не могу... я не могу просто так уйти.

— Еще как можешь. Что, если это станет условием завершения твоей интернатуры? Так будет проще?

— Нет! — я выпрыгиваю из постели, и нас теперь разделяет огромная кровать. Меня переполняют эмоции, в которых я не могу разобраться, только не в его присутствии, когда он смотрит на меня, такой спокойный, молчаливый, решительный, красивый и мужественный. Он отвлекает меня от моего собственного гнева.

— Ты не можешь просто потребовать, чтобы я бросила работу. Ничего не выйдет. Что, ты оплатишь мои счета, а потом что? Что, если у меня ничего не получится в компании? Мне придется просто... просто зависеть от тебя? Так не пойдет, Доусон. Нет.

— Разве ты не хочешь бросить? — он раздражающе спокоен.

— Да. Больше, чем ты когда-либо сможешь себе представить. Но я не могу, — из-за волнения у меня получается «не могу».

— Разумеется, можешь. Ты можешь мне довериться. Позволь тебе помочь.

— Я не записывалась на благотворительность. Я сама могу о себе позаботиться.

Он встает и отходит. Даже его спина сексуальна, соблазнительна и гипнотизирует.

— Я знаю это, Грей. Черт побери. Я просто пытаюсь...

— Что пытаешься? Привязать меня к себе? Сделать меня одной из своих девушек по вызову?

Он резко поворачивается, и, не успеваю я моргнуть, как он пересекает комнату и прижимает меня к стене своим телом. Его глаза синие и яростные. Его тело тяжелое и огромное, он тяжело дышит, держа меня за плечи, его губы в паре дюймов от меня.

— Я пытаюсь сделать добро, — шипит он, — это называется щедрость. Ты ненавидишь свою работу, а я ненавижу, что тебе приходится ее делать. Я могу избавить тебя от проблем, Грей. Ты просто должна мне позволить.

— Я не могу, — я смотрю в сторону. Я не могу осмелиться посмотреть ему в глаза, я не выдержу напряженности.

Но я смотрю на его губы, розовый кончик языка, касающийся его верхней губы, и я знаю, каковы эти губы на вкус, и я... я снова этого хочу. Даже охваченная вихрем эмоций, я не могу сдержать свою страсть к нему.

— Можешь. Ты просто не позволишь. Большая разница, детка.

— Не... не называй меня «деткой», — говорю я. — Я тебе не детка.

— Могла бы ей быть, — он сбрасывает бомбу.

— Я... что? — мой изумленный взгляд встречается с его.

— Я сказал: ты могла бы ей быть.

— Что это значит? — хотела бы я иметь волю, чтобы отойти от него, вырваться из его объятий, от его прикосновений.

Но я этого не делаю.

Он смотрит на меня, заглядывает внутрь меня:

— Мне по буквам произнести?

— Да.

— Будь моей. Будь со мной, — шепчет он. Его руки тверды, как сталь, но его взгляд мечется, как единственный признак волнения.

— Ты имеешь в виду, заниматься с тобой сексом. Стать любовницей на одну ночь, это ты хочешь сказать.

Он рычит:

— Нет. Блядь. Нет, Грей. Я имею в виду, да, я хочу быть с тобой. Но... полностью. С тобой.

Он пробегает руками вниз по моим рукам, до моей талии, к бедрам, и поднимает меня. Мои ноги инстинктивно оборачиваются вокруг его пояса, его руки держат меня за попу, и я чувствую его близость.

— Я хочу целовать тебя при каждой возможности. Я хочу говорить тебе, когда ты делаешь глупости. Я хочу заниматься с тобой любовью. Я хочу трахаться с тобой. Я хочу обнимать тебя. Я хочу быть твоим. Я не знаю тебя, совсем не знаю, но я хочу все это. Это полное безумие. У меня чувство, будто я должен был сначала спросить разрешения, прежде чем сказать все это. Черт, у меня должны отобрать звание мужчины за то, как эмоционально и по-бабски я рассказываю тебе о своих чувствах. Но... я никто без честности. Вот так.

Я не могу дышать. Я не задыхаюсь, наоборот, как там называется обратный этому процесс. Мои легкие горят, потому что я совершенно не дышу. Я пристально смотрю в его глаза и слушаю его в полной растерянности. Я не могу в это поверить.

— Скажи что-нибудь, Грей. Господи. Я просто препарировал тут перед тобой душу, а ты ничего не говоришь, — говорит он жестким шепотом.

— Ты этого хочешь? — проговариваю я. — Со мной? Но... ты ничего обо мне не знаешь. Ты не... ты не занимаешься таким. У тебя не бывает девушек.

Он хмурится:

— Нет, есть... точнее, были... чертова туча девушек. Пруд пруди. Я мог щелкнуть пальцами, и у меня было шесть девушек сразу, по одной на каждый день недели и выходной в воскресенье. Я не хочу этого. Я прошел через это. Это скучно. Я хочу тебя, — его глаза приобретают грозовой серый, темный, угрожающий оттенок. — Я ничего о тебе не знаю. Но в том и дело: я хочу узнать.

Все, что я могу сделать — поцеловать его. Это необходимее дыхания. Он неуверенно отвечает на поцелуй, будто не в состоянии осознать, что я правда это сделала. Но это так. Я целую его, потому что это единственный ответ, который у меня есть. Мои ноги обвиваются вокруг его талии, руки зарываются в его шевелюру, притягивая его ко мне, и я схожу с ума.

Этот мужчина хочет меня.

Он поворачивается на месте, и внезапно я оказываюсь на кровати с Доусоном сверху. Мне так комфортно. Он восхитительный на вкус. У него привкус кофе, рогалика и немного зубной пасты. Его язык проскальзывает меж моих губ и касается моего языка. Я крепко держусь за него и целую его с полнейшей отдачей, позволяя ему ловить своим ртом мой, позволяя овладеть моим языком. Он мягко отстраняется, и я теряюсь в отчаянной жажде его поцелуя, и тут же его зубы хватают мою нижнюю губу, закусывая ее. Он убирает рукой волосы с моего лица, и его глаза переливаются тысячей оттенков серого, голубого, зеленого и коричневого, необъяснимые, неопишуемые, и он смотрит на меня, будто у меня есть ответ на все вопросы. Его рука гладит мою шею, его палец пробегает по моему подбородку, затем вниз по моей руке к талии. Его рубашка связана в узел под моей грудью, оголяя мой живот; он касается моего бедра, я чувствую его горячую, сильную, мозолистую ладонь своей нежной кожей. Я

резко вдыхаю, когда он дотрагивается до моих ребер. Он костяшками задевает нижнюю часть моей правой груди, и я закрываю глаза, но он не трогает моей груди. Он просто чуть поднимает рубашку и смотрит на меня. Мои глаза закрыты, но я чувствую его взгляд. Я позволяю ему смотреть. Но это не так, как на сцене — его взгляд нежен. Это слишком, и мне необходимо поцеловать его еще раз, прежде чем потеряться в нем.

Он целует меня, отстраняется и опускается, чтобы покрыть поцелуями мою грудь. Я в ужасе, мое сердце колотится. Его рот жаркий и влажный, и теперь он опускается ниже по моей груди, и мое сердце готово вырваться из грудной клетки — разумеется, он чувствует его удары — но не подает вида, что замечает мой ужас, он просто продолжает медленно и осторожно целовать мою правую грудь, пока не окружает мой сосок поцелуями. Сосок затвердевает, словно умоляя покрыть его поцелуями.

И он продолжает, и я издаю громкий, страстный, эротический стон. Я чувствую, как краснею, но я могу думать только о том, как жадно он облизывает мой сосок. Я снова издаю стон, извиваясь под ним всем телом. Я никогда, никогда не ощущала ничего похожего. Это ошеломляет, выбивает почву из-под ног. Я вцепляюсь в его затылок, когда он отпускает мой сосок с тихим щелчком, а затем снова касается его языком, задевая зубами. Во мне нарастает жар, сосредотачиваясь в моем животе. Меня охватывает отчаянное напряжение, неистовая жажда, и я не знаю, что делать.

* * *

Пока его рот занят моим правым соском, левой рукой он проделывает то же самое с моей правой грудью, издавая всевозможные неловкие звуки. Где-то глубоко в душе я знаю, что не должна заниматься этим. Чувство вины пасторской дочери прорывается наружу, напоминая мне, что я предаюсь греху с мужчиной. Я изо всех сил стараюсь игнорировать этот тонкий голосок, это зерно стыда.

Он переносит губы к левому соску, а правой рукой проводит по моим ребрам, по животу, по бедру, и его пальцы проскальзывают за пояс моих леггинсов, и вдруг он останавливается, смотрит мне в глаза, и вступаю я, стягивая штаны.

Я ничего не могу поделать. У меня не осталось силы воли, никакой возможности сопротивляться его прикосновениям, никакой способности остановить это. Я знаю, что должна бы, но не могу. Я так слаба. Так слаба. Он надо мной, целует меня в губы, в шею, щиплет мои соски, отнимая у меня дыхание, и я извиваюсь, во мне накапливается напряжение. Я моментально намокаю там, внизу. В тщетной попытке остановить это я сжимаю бедра, но ничего не выходит.

Мои штаны опущены достаточно низко, чтобы показалось мое белье, линия красного хлопка. Я закрываю и открываю глаза, глядя на Доусона, в его глаза, на его рот, когда он облизывает мой сосок и растягивает его, заставляя меня стонать и доводя напряжение внутри меня до предела. Он хватает пальцами эластичный край моих трусиков и останавливается. Я полностью в его власти. Я знаю, что не должна позволить этому произойти, и я перехожу черту, которую не должна переступать, но я не могу остановить это. Он дотрагивается до меня, он обладает мной. Он точно знает, что мне нужно, чего я хочу, даже если этого не знаю я сама.

И сейчас, о Боже. Его пальцы, средний и указательный, скользят под ткань, касаясь эпилированной воском кожи, и я вся дрожу. Я хочу этого. Я хочу, чтобы он трогал меня.

Я даже сама не трогала себя там. Никогда. Это был негласный грех, постыдный и отвратительный. А потом, будучи взрослой, у меня не было для этого ни причин, ни

времени. Я никогда не знала, что такое вожделение, никогда не трогала себя так, как он трогает меня.

Его глаза теперь зеленоватого цвета, какой я никогда не видела в его глазах. Он смотрит на меня, двигаясь — так медленно и осторожно — все ниже. Мои бедра плотно сжаты, но слегка расслабились, чтобы впустить его прикосновение, словно мое тело хочет этого, несмотря на то, что моя душа и ум борются друг с другом. Мое тело отвечает. Его длинный средний палец продолжает движение, и кончик его пальца проникает внутрь меня. Я вскрикиваю от желания и страха.

— Скажи мне остановиться, — бормочет он. Его глаза прикованы ко мне, и я знаю, что он читает мои эмоции.

Я открываю рот, но не могу произнести ни слова. Я просто встречаюсь с ним взглядом, и моя спина выгибается, бедра приподнимаются, и мое тело снова принимает решение за меня. Его средний палец погружается глубже внутрь меня, и, наконец, с моих губ срывается слово.

Его имя.

— Доусон...

Умоляющий шепот, но я не знаю, прошу ли я его остановиться или продолжать.

Я дрожу. Мои колени, мои руки трясутся. Губы дрожат, взгляд не может сфокусироваться. Я чувствую его палец, незнакомое ощущение, полнота чувства, и он погружается все глубже. Он поворачивает руку, и его палец проникает еще глубже.

И вдруг его палец трогает меня как-то по-особенному, и меня будто ударяет молнией. Из моего горла вырывается стон, как только грубое наслаждение бьет через все мое тело. Он смотрит на меня, и я смотрю на него. Он отчасти лежит на боку, моя рубашка задрана над моими грудями, которые из-за своего веса свисают по бокам, и я выгибаюсь в спине от его прикосновения. Я не могу удержаться от стоны, когда он проникает в меня еще раз, жар и напряжение внутри меня нарастают в нечто невыносимое, нечто яростное, и я в мгновении от того, чтобы взорваться.

— О Господи, Доусон! — я слышу, как слова срываются с моих губ, и мой голос никогда не звучал так страстно, хрипло и женственно.

— Грей... Боже, Грей. Ты такая потрясающая. Ты идеальна, — мурлычет он над моим ухом.

И тут его прикосновение становится движением, делая нежные круги вокруг того самого места, и я приподнимаю бедра в такт его прикосновению и краснею оттого, как отвечает мое тело, но я не могу сдержаться. Ничто никогда не приносило таких ощущений, и я не могу это остановить и не хочу, даже если все это неправильно.

Его рот опускается облизнуть мой левый сосок, и на меня накатывает наслаждение, превращаясь в рассеянную череду пульсирующих взрывов в моей груди и внизу живота, и сердце бешено бьется, а дыхание превратилось в стоны и шепот его имени.

Его пальцы движутся быстро, взрывы внутри меня нарастают, и я не знаю, что делать. Я распадусь на части, я потеряюсь в урагане чувств, но он не уступает. Он покусывает мой сосок, и я слышу, что издаю практически крик, и его пальцы внутри меня находят то самое, идеальное место, он держит мой сосок меж губ, и я пьянею...

Все внутри меня распадается. Я кричу, визжу от стрел грубого экстаза, пронзающих меня. Я разбиваюсь вдребезги, бьюсь в конвульсиях, совершенно не в состоянии остановить бедра, приподнимающиеся на кровати, я ищу его прикосновения, я нуждаюсь в большем, и

он дает мне большее, намного большее. Он целует меня в губы, пока я рассыпаюсь под его прикосновениями, его язык у меня во рту, его губы владеют моими. Я хватаюсь за него, впиваюсь в него, мои мышцы сокращаются и расслабляются. Голова кружится и прерывается дыхание. Я слышу собственные стоны чистого сладострастия и эротического безумия.

Он убирает руку и целует мою щеку, прижимая меня к себе, пока меня пробивает безудержная дрожь.

Когда ко мне возвращается способность говорить, я поднимаю голову и смотрю в его глаза.

— Что... что ты сделал со мной?

Он не понимает, что я серьезно:

— Я дал тебе попробовать на вкус, малыш.

Ни от кого из нас не ускользнуло, что я не протестую против этого определения.

— Вкус чего? — я гадаю, стоит ли сказать ему, что я никогда и приблизительно не занималась ничем таким. Если бы его пальцы проникли чуть глубже, он бы ощутил свидетельство моей невинности.

— Нас.

Я не знаю, что сказать. Часть меня ждет, что он попросит сделать что-то для него, потому что даже будучи такой невинной, я кое-что знаю о том, как все это происходит. Но он этого не делает. Он просто держит меня, пока не унимается дрожь. И тогда на меня накатывает чувство вины и стыда.

Фактически, я до сих пор девственница, но я отдалась ему больше, чем кому-либо в своей жизни. И я до сих пор не знаю, что происходит и к чему это ведет. Я знаю, что он сказал, что он хочет меня, но... не говорил ли он это остальным? До меня их было десятки. Десятки женщин, и они знали, что ему дать, как его трогать, как его ублажить, и они знали, чего ожидать. Шептал ли он им те же слова, что и мне?

Одно я знаю наверняка: я хочу больше. Что он только что со мной сделал... мне нужно больше. Теперь я вижу, насколько это масштабно, и это было только начало. Мне никогда не будет достаточно, но я не могу взять больше. Я не могу. Потому что мне нужно большее от него. Я знаю, что мои чувства к нему выходят из-под контроля. Я знаю, потому что они берут верх надо мной.

И я не могу позволить себе в него влюбиться. Как я могу допустить такое? Как я могу ему доверять? Как я могу отдаться ему, зная его всего несколько дней, и если я влюблюсь, что потом? Я перееду к нему? Он на мне женится?

Хочу ли я вступить в брак? А он? К этому все идет?

Не для него, разумеется. А что насчет его фильмов? В них есть постельные сцены. То есть, он занимается сексом с актрисами на экране, и это видят миллионы людей. И он будет приходить домой, я его поцелую, дотронусь до него, зная, что до меня это только что делала другая женщина, даже притом, что это было для фильма и без настоящих чувств? Даже без чувств это все равно будут настоящие поцелуи, настоящий секс.

Я с трудом дышу, пока все эти мысли пробегают у меня в голове с бешеной скоростью.

Я позволяю ему дотрагиваться до меня. Я позволяю ему вызвать у меня оргазм. Его пальцы были внутри меня. Его губы касались моих сосков. Мы, по сути, занимались сексом, и я едва с ним знакома. Он может меня уволить и сделать так, чтобы я никогда не смогла работать в Голливуде. Он может сделать все, что захочет, и ему ничего за это не будет.

Он трогал меня. Целовал меня. Он заставил меня почувствовать так много, так много.

Проливаются слезы, слезы смущения, отчаяния и страха.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он замечает их:

— Грей? Что... что такое?

— Я... прости. Я не... я не могу... — я отстраняюсь от него, встаю с кровати и иду в ванную.

В животе все бурлит, сумбурные эмоции превращаются в тошноту, как и всегда. Правда, меня не рвет. Я чувствую, как тошнота подступает к горлу, и подавляю ее. Доусон по ту сторону закрытой двери; я чувствую, что он там. Я знаю, что должна поговорить с ним. Я открываю дверь, и он стоит там, огромный и великолепный, и явно расстроенный.

— Грей, что не так? Я думал, мы...

Я качаю головой.

— Доусон, я... Боже, я запуталась.

Я хочу, чтобы эти руки обхватили меня, потому что даже когда он расстраивает меня, он может меня успокоить. Я не могу этого допустить, потому что я снова потеряю себя в его объятиях.

— Я так запуталась, и я не знаю, что между нами, что мы... я ничего не знаю.

— Ты... ты не хочешь быть со мной?

— Я не знаю! С тобой все так сложно! Ты трогаешь меня, и я ничего не могу понять. Ты можешь иметь любую, многих, и я не смогу я этим тягаться. И ты кинозвезда. Ты снимешься в «Унесенных ветром», будешь целовать Роуз. И, учитывая то, что режиссер Джереми, у вас будет постельная сцена. А как же мы? Я должна с этим смириться? К чему все это идет? И то, чем мы сейчас занимались... это было... потрясающе, но я не могла остановить все это. Это было слишком, так быстро, я не знала, что это...

— Ты хочешь сказать, ты чувствовала себя так, будто я тебя принуждаю? — в его голосе звучит что-то острое.

— Нет! Я говорю про себя... я хотела этого, но я не должна... это не было... — я не хочу признавать, что я девственница. Я не знаю, как он отреагирует, что скажет или сделает. Что это будет значить для наших отношений, или что там между Доусоном и мной. Я прохожу мимо него, собирая свою одежду.

— Просто... мне надо домой. Мне надо подумать. Все происходит так быстро, и я растерялась...

— Ты опять сбегаешь, — он в равной степени злой, покорный и печальный.

— Нет!

— А как это еще назвать? — его глаза серо-голубые, и он отходит от меня в сторону.

— Я не знаю. Я просто говорю, что мне нужно время.

— Время на что? Либо ты хочешь меня, либо нет.

— Все не так просто, Доусон...

— Тогда объясни мне, — он поворачивается ко мне, встает надо мной и пристально смотрит на меня, в мою душу. — Хотя бы раз скажи мне правду.

— Я хочу тебя так сильно, что это меня пугает, — я не могу смотреть на него.

— Почему это тебя пугает?

— Потому что так много навалилось, и я не знаю, что с этим делать. Я не знаю, что происходит между нами.

— Романтические отношения, Грей. НЕ так уж все и сложно. Ты нравишься мне, я

направляюсь тебе, мы проводим время вместе. Мы занимаемся любовью. Мы говорим друг другу правду о себе.

— Тогда ты скажи о себе правду.

Он проводит рукой по лицу и волосам.

— Ладно, хорошо. Ты до сих пор не сказала мне ничего правдивого, ничего искреннего. Я знаю, что ты боишься, это не секрет. Но я покажу тебе, что я имею в виду под правдой. Я — сын Джимми Келлора. Моя мать — Эми Липманн. Ты занимаешься кино, так что знаешь, кто они.

Я знала. Разумеется. То, что Доусон — сын Джимми, открытая информация. Но каким-то образом я никогда не думала, какие это влияние оказало на Доусона. Джимми Келлор был — и до сих пор является — одним из самых обожаемых режиссеров все времен. Он известен тем, что с ним трудно работать, требовательный, педантичный и ушлый, но он был блестящ. Сейчас он практически на пенсии и известен своим отшельничеством. Никто не знает, где он живет, но иногда он консультирует по съемкам прямо из дома, по почте или телефону. Эми Липманн была актрисой в романтических фильмах 70-80-х. У нее была репутация дикой штучки, и ее отношения с Джимми Келлором стали огромным скандалом того времени, так как он был 40-летним женатым мужчиной с детьми. Эми едва исполнился 21. Джимми бросил жену и детей ради Эми, и они прожили вместе почти 20 бурных лет. Таблоиды фиксировали каждое обвинение Джимми в измене и каждый срок, который Эми проводила в реабилитационных клиниках. В конце концов, с Эми случилась передозировка кокаина в середине 90-х. Последний фильм Джимми вышел в год ее смерти, и с тех пор он ничего не снимал.

* * *

Доусон вздыхает:

— Так что да. Я вырос в Голливуде. Играл второстепенные роли в папиных фильмах с четырех лет. Настоящую роль он мне дал, когда мне было шесть. «Гора на Луне». После этого я сам находил себе роли. Мама с папой были моими менеджерами, — его глаза темнеют, становясь карими с оттенком боли. — Хочешь еще одну правду? Я нашел маму. То есть, когда она приняла смертельную дозу. Она была в ванной. Лежала в ней без одежды. Ванна была пустая, без воды. Она просто растянулась в ней, покрытая рвотой. Я был просто ребенком. Это случилось в 96-ом, так что мне было... восемь, наверно. Рвота была кровавой. После этого я не разговаривал полгода. Как раз шли съемки фильма со мной, и, когда я замкнулся, им пришлось искать нового актера и переснимать.

Я закрываю рот рукой, пытаюсь представить, что это значило для маленького мальчика. Я не могу.

— Моя мама умерла от рака. Когда я училась в старшей школе, — я едва шепчу. — Она была моим лучшим другом. Всем для меня. Она была единственной, кто понимал меня и поддерживал. Мой отец... мы никогда с ним не ладили. Мы просто закрывали на это глаза. Когда она умирала, я видела все собственными глазами. День за днем я смотрела, как она борется и борется, но она сдалась и умерла и... она... она оставила меня! Она умерла и бросила меня одну, и Бог не помешал этому.

Доусон обхватывает меня руками, и я тону в нем, вдыхаю его запах, прикасаюсь к его коже щекой. Я понемногу начинаю теряться в нем.

Я отстраняюсь:

— Мне надо домой, — говорю я, стирая слезы. — Я не могу сейчас разобраться в этом.

— Грей...

— Я не сбегаяю от тебя, Доусон. Я просто... раздавлена, — правда, я сбегаяю, и он это знает.

— Ясно. Ладно. Как хочешь, — Доусон потирает подбородок костяшками. — Грег подогнал твой «ровер». Он на стоянке. Кстати, погоди.

Он исчезает, я сажусь на кровать и пью остывший кофе. Он возвращается спустя пару минут с бумажкой, ручкой и моей сумочкой.

— Что это? — спрашиваю я.

— У тебя есть деньги? — спрашивает он.

— Эм, да. А что? — я беру сумку и вытаскиваю пачку счетов.

— Дай мне пять.

Я даю ему счет на пять долларов, и он показывает мне бумажку. Это документ на «рендж ровер».

— Подпиши здесь и поставь дату, — показывает он на строчку.

— Доусон...

— Просто сделай. Пожалуйста, — он не смотрит на меня.

Я вздыхаю.

— Я не возьму твою машину. Она стоит где-то 140 тысяч.

— Грей, деньги для меня ничего не значат. Никогда не значили. Ты хочешь мой «бугатти»? Я отдам тебе «бугатти». Хрен с ним. Я могу купить еще один.

— Я не хочу никакую из твоих машин. Я не хочу твоей благотворительности.

Он бросает ручку и документ на кровать рядом со мной.

— Черт побери, Грей. Это не какая-то чертова благотворительность.

— Необязательно материться на меня.

Он ссутулился, потирая затылок.

— Прости, я просто... Господи, Грей. Просто подпиши документ. Возьми машину. Сделай это для меня.

Я смотрю на него и сдаюсь. Я подписываю там, где он указал, и ставлю дату.

— Спасибо. Привези ее в инспекцию в понедельник. Я запишу тебя в свою страховку.

— Доусон, не надо...

— Ты хоть один из этих споров выиграла? — он смотрит на меня, приподняв бровь. Я качаю головой и вздыхаю, сворачиваю документ, убираю его в сумку и выхожу из спальни. Я чувствую, как рука Доусона обхватывает меня за талию.

— Я не хочу, чтобы ты уходила.

— Я просто ненадолго поеду домой. Мне нужен душ. Нужна одежда. Мне надо сделать задание.

— Но ты не пойдешь на работу, — это не просьба, судя по его тону.

— Я должна.

— Нет. Ты. Не должна.

— У меня долг за обучение. У меня...

— Сколько ты заработала бы за выходные? Сегодня и в субботу? В среднем.

— Ты не...

Он пристально смотрит на меня, перебивая:

— Так сколько?

— Тысяча, наверно?

Доусон разворачивается, идет к шкафу и открывает сейф, встроенный в стену. Он достает конверт и извлекает несколько купюр, возвращает конверт на место и закрывает сейф. Выражение на его лице непреклонное и жесткое.

— Вот. Пять тысяч долларов. Возьми выходной.

— Ты не можешь выкупить меня, Доусон, — я одновременно тронута и оскорблена.

— Черт, какая ты упертая, — рычит он. — Я не выкупаю тебя. Я даю тебе возможность отдохнуть.

— Если я возьму выходной, я никогда не вернусь.

— Отлично.

— Нет! Ничего не отлично! Ты не можешь стать моим папиком, Доусон. Я стриптизерша, а не шлюха.

— Я и не хочу, чтобы ты ей была! Я не прошу тебя делать что-то за деньги, черт побери! — он кричит, и я шарахаюсь. Он содрогается при виде моего страха и тут же понижает голос.

— Прости. Боже, прости меня. Ты просто сводишь меня с ума. Я не... я понимаю, что ты могла так подумать. Правда. Но... это подарок. «ровер» — подарок. Ты не будешь со мной, и это нормально. Или нет. Ненормально. Это ужасно. Но дай мне хотя бы помочь тебе. Это немного, но я буду чувствовать себя лучше.

— Лучше? В честь чего?

— Ты не понимаешь? Серьезно? Ты не видишь, что я чувствую? Что ты делаешь со мной? Как это все тяжело для меня?

Я не отвечаю, и он бросает пачку купюр на кровать рядом со мной. Он стоит надо мной, глядя вдаль.

— Тогда просто уходи. Можешь забрать, можешь не забирать. Плевал я на это, — он проходит мимо меня, обходит кровать и раскрывает дверь на балкон.

Я смотрю, как он стоит, положив руки на каменные перила, смотря на Лос-Анджелес. Его поза выражает противоречие, поражение, накапливающийся гнев. Он ссутулился, опустил голову и едва дышит. Он выглядит, будто пытается раскрошить перила в каменную пыль одними руками. Выглядит, будто способен на это.

Я хочу что-нибудь сказать, чтобы успокоить его, но не могу. У меня для самой себя нет ответов. Я медленно встаю и смотрю на пачку денег. И думаю. В конце концов, я не могу ее взять. Я хочу. Я хочу, чтобы мне не нужно было работать, не приходилось раздеваться. Но я не могу взять у Доусона что-то еще. Это делает меня его, и я уже теряю себя в нем, забывая, кем я была и кем являюсь, и где это заканчивается и начинается он.

Я добираюсь до дома, принимаю душ и надеваю чистую одежду. Я пытаюсь наскрести на эссе об освещении в «Списке Шиндлера». Эссе выходит жалким, так как мои мысли спутаны. В итоге я сдаюсь и закрываю свой дешевый переброшенный ноутбук. Мне стоило взять деньги. Я откровенно боюсь идти обратно в клуб. Я буду подпрыгивать от каждой тени, видеть насильника в каждом посетителе. Ужас того, что я испытала, был утоплен и затаил грубой энергией Доусона, но теперь я одна, и оно возвращается.

Я включаю фильм и пытаюсь его смотреть, чтобы отвлечься, но даже такая нелепо блистательная комедия, как «Паршивая овца» не избавляет меня от мыслей о шипении этого ужасного голоса, коварной стали раздевающих меня рук. Паника превращается в истерику, которая, в свою очередь, приводит к нехватке воздуха. Я опускаю голову между колен и стараюсь делать долгие глубокие вдохи. Я лежу на полу, сотрясаемая рыданиями.

Лиззи находит меня в таком виде.

— Ты в порядке, Грей?

Какой же тупой вопрос. Очевидно же, что я не в порядке. Но это Лиззи, а она звезд с неба не хватает.

Но ее присутствие немного успокаивает меня, и я забираюсь обратно на диван, вытирая лицо и шмыгая.

— Да. Я в порядке.

Она недолго хмурится, потом замечает фильм по телевизору, небольшому с плоским экраном, который она получила на Рождество в этом году:

— О, круто. Люблю этот фильм. Крис Фарли уморительный, — она хлопается рядом со мной, заливаясь смехом.

Мы досматриваем фильм в неловком молчании. Ну, в неловком для меня. Лиззи большую его часть переписывается с кем-то по телефону. Мне нужно собираться на работу. Но я не делаю этого. Я никогда не опаздывала, никогда не пропускала ни дня, даже по болезни, даже когда у меня был грипп. Когда фильм заканчивается, Лиззи начинает неохотно делать какое-то домашнее задание, а я заканчиваю эссе. Лиззи не замечает, что я не иду на работу. У меня чувство, будто Тимоти в любую секунду ворвется в дверь и потребует объяснений. Или кто-нибудь из университета постучится в дверь и прикажет возвращаться в Джорджию.

Медленно наступает ночь, и я в растерянности. Я ерзаю на месте, голодная и озадаченная. Я скучаю по Доусону. Я переживаю, что отпугнула его навсегда. Я беспокоюсь, что он никогда не бросит попыток завязать со мной отношения, и произойдет что-то, чего я уже не смогу исправить.

В конце концов, я иду спать раньше, чем ложилась когда-либо в детстве. Я лежу в кровати в длинной футболке и трусиках и не могу заснуть. Не могу, потому что думаю о Доусоне. Я не думаю о его страдальческих глазах, когда я отказалась от его помощи, или о его гневной позе на балконе. Я не думаю о его яростной манере вождения. Я не думаю о его обнаженном теле.

Я думаю о его руках, исследующих мое тело. Я думаю о его пальцах внутри меня, приносящих удовольствие, о каком я и не подозревала. Под тонким одеялом я скольжу рукой меж бедер, под белье, и трогаю себя. Впервые в жизни я трогаю себя ради удовольствия.

Но мое прикосновение холодное и безжизненное, по сравнению с воспоминанием о его горячих, сильных руках на мне, во мне. Я сдаюсь и пытаюсь вспомнить эти ощущения.

Я мечтаю о Доусоне, наконец, засыпая. Сны уносят меня в места, от которых меня бросает в пот. Я просыпаюсь с пульсацией между бедер и учащенным сердцебиением, с видом обнаженного Доусона, крадущегося ко мне по кровати, перед глазами.

Тени закрывают те части его тела, который я не видела, но во сне я слишком хорошо могу представить его губы на моей груди и его руки на моих бедрах.

Как бы это ни было неправильно, сон оставляет меня с отчаянными мечтами, чтобы это стало реальным.

• Глава 12 •

— Что? — мой голос на грани истерики. Несколько студентов в центре финансовых услуг поднимают головы от телефонов и блокнотов и с любопытством смотрят на меня.

— Что значит, все оплачено?

Женщина по ту сторону стола таращится на меня, будто я недоразвитая.

— Я имею в виду... что ваши счета оплачены, — она что-то печатает и снова смотрит на меня. — Фактически, за обучение, проживание и питание были внесены деньги. У Вас нулевая задолженность. Также был открыт условно-депозитный счет, по-видимому, — проговорила маленькая кудрявая женщина за тридцать, изможденная на вид.

— Что было открыто?

Она хмурится:

— Условно-депозитный счет. Это значит, что есть доступные средства, которые автоматически будут списываться. За комнату и за питание в том числе, кажется. Я не знала, что так можно делать, честно говоря, — она бросает мне маленькую неохотную улыбку. — Вы кому-то нравитесь, мисс Амундсен.

— Я не... я не понимаю.

— Все проще простого. Кто-то полностью оплатил Ваше обучение.

— Простите, если кажусь глупой, просто... я не понимаю, кто бы... кто мог... — я останавливаюсь, потому что я знаю. Я медленно закрываю глаза, чтобы не заплакать или закричать. — Благодарю вас, — шепчу я эти слова и поворачиваюсь на каблуках, выходя из офиса. Я сажусь в «ровер».

Кожа холодит мои колени, холодный воздух дует мне в лицо. Снаружи страшная жара, что в «ровере» иногда настоящий мороз. В нем спутниковое радио, и я пристрастилась слушать его. В плане музыки мне нравится что угодно, даже поп и хип-хоп, но благодаря южным корням по-настоящему я люблю кантри. Начинает играть «More than Miles» Брэнтли Гилберта. Боже, эта песня, ее мелодия напоминает о доме, о месте, которое когда-то им было. Я вспоминаю, как ехала на переднем сиденье маминого «БМВ» с открытыми окнами и ветер спутывал наши волосы, пока из колонок звучал Тим Макгроу. Мама обожала Тима. Папа не одобрял, так как это был не, скажем, Стив Грин, Майкл Смит или Стивен Кертис Чепмен, но это всегда было нашим секретом, по дороге домой с занятий танцами или во время поездок по городу.

Песня заканчивается, и вступает девушка-диджей, быстро что-то говоря, и тут мое сердце разбивается.

— Послушаем как всегда прекрасного Тима Макгроу с его вечным хитом «Don't Take the Girl».

Любимая песня мамы. Я неуправляемо кричу, предавшись тоске по ней, настоящей тоске, впервые за многие месяцы.

Когда я заканчиваю реветь, мне необходимо чем-то себя занять, иначе я совсем раскисну.

Если после неявки на работу в субботу и вчера у меня еще осталась работа, моя смена начнется минут через двадцать. Если я не пойду, Доусон победит. Он оплатил мое обучение, проживание и питание, фактически оставив меня без причины выходить на работу.

Но я всегда говорила, что я упрямая.

Я не перестаю думать об этом. Я просто еду на этом шикарном автомобиле в «Экзотические ночи», изумляясь, как быстро я к нему привыкла. Однако, заехав на парковку, я не могу поверить своим глазам. Естественно, днем в понедельник здесь не бывает много людей, только Тимоти и самые отчаянные завсегдатаи, но обычно хоть кто-то есть. Парковка пуста.

Я паркую «ровер» и подхожу к входной двери. Мое сердце падает.

К двери приклеен лист бумаги с кратким сообщением, напечатанным огромным шрифтом.

ЗАКРЫТО НАВСЕГДА. СКОРО ЗДЕСЬ ОТКРОЕТСЯ АЛКОМАРКЕТ «У БОБА».

Это шутка?

Я тяну ручку двери, но она заперта. Я обхожу здание, но дверь, ведущая за сцену и к примеркам, тоже закрыта. Хотя она всегда заперта изнутри.

Клуб продан? Что?

Я стою на парковке, жарясь на полуденном солнце, и у меня голова идет кругом. Как его могли продать магазину с алкоголем? Может, это не было таким процветающим местом, как «Дежавю», «Шкура» или «Мятный носорог», но оно, тем не менее, приносило прибыль. Мы подавали дерьмовое пойло рабочим из скатывающегося среднего или низшего класса. Но... алкогольный ларек? «У Боба»? Seriously?

У меня сейчас голова взорвется.

Затем... до меня доходит.

Нет.

Нет.

Черт возьми, нет.

Он не посмел.

Я поворачиваюсь и мчусь к машине. Я падаю на кожаное сиденье «ровера»... который я уже начала считать своим... и пытаюсь понять, собираюсь ли я закричать, заплакать, засмеяться, или же все одновременно.

Он это сделал. Я знаю, что это все он. У него полно денег, и он сам сказал, что деньги для него ничего не значат. Но растратил бы он... я даже не знаю, сколько... несколько миллионов долларов? Просто чтобы я не вернулась к стриптизу?

Он мог.

Фактически... я знаю, что он так поступил бы.

Я мчусь на «ровере» по улицам Лос-Анджелеса напрямик к Беверли-Хиллс на отчаянной скорости, которой бы и Доусон гордился. Спустя полчаса я подъезжаю к его воротам, и охранник пропускает меня. Откуда он меня знает? Знает ли он эту машину? Доусон сказал всем охранникам обо мне? Я подавляю порыв заскрипеть шинами перед его домом. Все-таки это приличный район. Я еду по дорожке на умеренной скорости и паркуюсь под аркой. Его «бугатти» стоит в единственном открытом гараже. Побитый красный пикап стоит на дорожке, огромный железный зверь с толстыми бугристыми черными шинами. Он покрыт грязью, и я, проходя мимо него, слышу, что двигатель работает. Не похоже, что это Доусон, в этом до абсурдного мужицком пикапе. Я стучу по входной двери кулаком, сжимая сумочку другой рукой. Я вся трясусь, хотя получасовая поездка сюда меня успокоила.

Доусон открывает дверь, обернутый в слишком маленькое белое полотенце, у него влажные волосы, прилипшие к его голове, и капли воды стекают по его скульптурному торсу. Во рту у него зубная паста. Он раскрывает дверь, придерживая ее, и я прохожу мимо него. Он пахнет потрясающе, какой-то смесью цитрусов, шампуня и дезодоранта.

Моя рука сама тянется стереть зубную пасту с его подбородка. Я стою рядом с ним, чувствуя его тепло.

Я моментально забыла, что зла на него.

Между его зубов застряла зубная паста, и он опирается спиной о дверь. Его полотенце

так и грозит упасть, но он придерживает его одной рукой, стирая пасту другой.

— А я гадал, нанесешь ли ты мне визит, — его голос спокойный и удивленный, но глаза шпормового серого цвета, цвета меланхолического смятения и подавляемых эмоций.

— Ты... ты... — я не могу произнести эти слова.

Он максимально обнажен, и это ужасно отвлекает, потому что могу думать только о том, как бы слизать капли, стекающие по его груди. Я физически останавливаю себя от этого, опираясь на дверной косяк.

— Я был в душе, — он заканчивает за меня. — А ты такая потная, что он и тебе бы не помешал. — Он наклоняется ко мне. — Но ты приятно пахнешь. Ты пахла бы еще приятнее, если бы по тебе стекал мой пот, — его голос звенит в моем ухе, интимный и завлекающий.

Что это за новая игра? Что он делает со мной? Я в ловушке. Он позволяет полотенцу чуть спуститься. Я вижу его паховые мышцы и тень черных волос. Он собирается спустить его прямо здесь, в холле. Он пытается отвлечь меня от злости на него. Это определенно работает.

Я отворачиваюсь и смотрю на дверь.

— Черт побери, Доусон...

— Ты только что выругалась? Не знал, что ты умеешь, — его голос прямо у меня над ухом.

Почему он не может просто оставить меня в покое? И почему я не хочу, чтобы он это сделал?

— Ты заплатил за мое обучение.

— А также за жилье и еду. Не забывай.

— И за клуб? — шепчу я. Еще одна манера, выработавшаяся у меня при разговоре с Доусоном.

— Ах, это? — кажется, он очень доволен собой. Я не осмеливаюсь взглянуть на его самодовольное лицо. Я и представить его могу.

— Мой приятель Ави искал себе новую собственность, так что я сделал этому слизняку Тиму предложение, от которого он не смог отказаться, — он произносит это голосом Марлона Брандо, но я в таком шоке и гневе, что даже цитата из «Крестного отца» не производит на меня впечатления.

— Тим? Тимоти ван Даттон?

— Ага, этот мелкий ху**ос. Он не хотел продавать, но у всего есть своя цена. Как оказалось, цена твоего дружка Тима — два миллиона, — он говорит это, как ни в чем не бывало.

Я не могу не подумать, что же станет с Кэнди и остальными, когда клуба больше нет.

— Ты потратил два миллиона, чтобы закрыть клуб просто для того, чтобы я больше в нем не работала? — я бросаю на Доусона взгляд, что является большой ошибкой, так как он едва удерживает полотенце, дразня меня намеком на то, что скрывается под ним.

Он просто пожимает плечами:

— Угу. Это все равно была грязная дыра, а Тим — жалкий таракан. Ты же не по-настоящему расстроена из-за этого, не так ли?

Я отхожу от него, выдавливая из себя слова.

— Ты... но мое обучение и все остальное. Это же...

— И полсотни тысяч не стоило, — он машет рукой. — Ерунда. Но дело не в деньгах. Дело в тебе.

Пятьдесят тысяч. Ерунда. У меня голова идет кругом.

— Я не понима...

Он останавливает меня, положив руку мне на плечо и прижавшись грудью к моей спине. Он еще мокрый, и моя рубашка прилипает к его груди.

— Все просто, Грей. Я испорченный нахал. Я всегда получал то, чего хочу. Всегда. И я хочу, чтобы ты была только моей. Я не хочу, чтобы ты там работала, и я знал, что ты будешь сопротивляться, поэтому я сделал так, что бороться тебе больше не за что. Мне плевать, сколько это стоило, ты должна быть только моей.

— Это нечестно.

— В каких правилах это написано? Как там говорят? *«В любви и войне все средства хороши»*?

— И что это? Любовь? Или война?

— Все вместе. И ничто из этого. Все зависит от тебя, малыш, — его голос гудит в его груди, вибрируя по моему позвоночнику. Его рука на моем плече, клин между нами, удерживающий его полотенце на месте.

О Боже. Ох, Господи, помоги мне. Я чувствую его, как он прижимается к моим ягодицам.

— Доусон, зачем ты делаешь все это?

— А зачем ты этому сопротивляешься?

— Потому что... это слишком. Ты... ты подавляешь меня.

— Я обычный парень.

Я качаю головой. Мои волосы прилипают к его влажной груди. Я чувствую, как качается моя грудь. Он заставляет меня осознавать себя, мое собственное тело.

— Нет, ты нечто большее. Ты намного большее. Ты... все это... меня куда-то уносит, когда я рядом с тобой, я теряю себя.

Это трогает его. Я чувствую, как он напрягся от моих слов.

— Ты представляешь, какой эффект производишь на меня? — он мягко смеется. — Ты выворачиваешь меня наизнанку. Я никогда... я никогда ни о ком не беспокоился. Не так сильно. Ни о ком другом. После того, как мама умерла, я замкнулся и так никому и не открылся. Папа всегда вел себя странно, как отшельник, но, когда она умерла, он просто... пропал. Фактически, я сам себя воспитал... ну, наш дворецкий Уикерс очень мне помог. И Бэтти, домоправительница.

Я не могу не рассмеяться:

— У вас был дворецкий по имени Уикерс?

— Прекрати, — смеется он. — Не я же ему имя придумал. И «дворецкий» просто было самым подходящим названием для его должности. Вспомни Альфреда из «Бэтмена». Он делал для Брюса все, помнишь? Так и Уикерс. Управлял домом, все контролировал. Следил, чтобы я ходил в школу и все такое. Он не то чтобы укладывал меня спать, например, но он залечил многие мои раны за все эти годы.

Он умолкает, вдыхая, и выдыхает. Он прогоняет воспоминания. Мне это знакомо.

— Короче говоря. Ты и я. Что ты со мной делаешь. Ты не можешь меня отвлечь. Ты должна знать, — он наклоняется ближе, и от его близости по моей коже пробегают мурашки, и твердеют соски. Предатели. Я чувствую знакомый жар в низу живота.

— Ты заставляешь меня чувствовать. И ты должна знать, что это многое для меня значит. Я начал играть... по-настоящему играть, понимаешь? Относиться к этому серьезно и

играть роли, которые выбрал, — потому что хотел чувствовать. Мне приходилось показывать это на экране, потому что я не чувствовал ничего, пока был просто Доусоном. Ничего, кроме блеклого чувства одиночества. Я привык к нему, потому что рос один. Уикерс был сториком из Англии, а Бэтти — занятой женщиной с собственными детьми. Так что я перестал чувствовать, потому что так было проще. Живя в Голливуде, ты вырастаешь в подобный образ жизни. Наркотики и алкоголь становятся нормой. Я впервые употребил кокаин в... двенадцать? Я рано научился веселиться на вечеринках. Это отчасти заполнило пустоту. Затем, когда я стал подростком, я увлекся девушками. Я всегда жил шикарно, понимаешь? Всегда. Это было легко. А девушки? Они заполняли пустоту во мне. Но... все это было преходяще. Такова была моя жизнь. Девушки, наркотики, выпивка, вечеринки, съемки по всему миру. Жизнь знаменитости. Все было великолепно — это была жизнь, о которой каждый мечтает. Но я всегда был один. После того, как вечеринки заканчивались, и девушки расходились по домам. Бессмыслица. Ни одна из этих девушек ничего не значила. Целый локомотив прилипчивых шлюх, которыми я пользовался, чтобы отвлечься. Они не могли мне ничем помочь, когда я в чем-то нуждался.

* * *

Я пытаюсь повернуться в его объятиях, но он мне не дает. Он говорит мне в затылок, обжигая дыханием мои волосы. Я спокойно стою, позволяя ему выговориться, впасть в эти откровения. С каждым словом Доусон становится все реальнее, и это обволакивает, затягивает, держит в напряжении.

— Я работал над последней частью про Каина Райли. Мы снимались в... Праге? Да, в Праге. Последние недели съемок. Я веселился, как долбаная рок-звезда, целыми днями являясь на съемки невменяемым. Но сцены мне удавались. Каин был таким мрачным и загадочным персонажем, плохим парнем. Так что этот обдолбанный вид и взгляд, говорящий «мне по**й», в фильмах — настоящие. Мне действительно было по**й, но это сработало для персонажа. И вот однажды я проснулся где-то за сценой в клубе на окраине Праги. Меня вырубил, и они закрыли заведение из-за одного меня, просто чтобы я мог там повалиться. Мне вообще было насрать, что там с вечеринкой, идет она или нет. Так вот, я очнулся, у меня на лице была кровь, под носом и на подбородке. Всюду была рвота. Они просто... бросили меня там. Хотя меня тошнило. Меня так часто вырубало, что все уже забили и не проверяли, что со мной, потому что со мной все всегда было в порядке. Я выпивал еще, делал дубль, пил кофе. Шел сниматься дальше.

Доусон запрокидывает голову, предаваясь воспоминаниями.

— И потом до меня дошло, понимаешь, что им плевать. Пока я мог держаться в кадре, им было все равно. И я бы кончил, как моя мама. Мне просто повезло, что я не помер той ночью в клубе от передозировки, как она. Так, я постарался оставаться трезвым и снимать остальные сцены, стараясь не закончить, как моя мать. И так... я закончил съемки и отправился в клинику. И тогда я и исчез. Там мне, правда, не особо помогли. Я хочу сказать, да, у меня были проблемы, но не наркотическая зависимость. У меня была зависимость от чувств. Я чувствовал, когда играл, когда был в кадре. Приятные ощущения, но пустые. Понимаешь? Может, нет. Может, ты чувствуешь слишком многое, чувствуешь так сильно, что это не имеет для тебя никакого смысла. Вот в чем, как мне кажется, твоя проблема. Ты слишком чувствительная.

Я внимательно слушаю, а он кладет подбородок мне на голову, продолжая говорить, обняв меня одной рукой, удерживая меня на месте.

— А я чувствую недостаточно. Никогда не чувствовал. А потом я встретил тебя. В том паршивом клубе. А ты была таким... божественным созданием. Ты была подобно ангелу, попавшему в ад. Хуже места для тебя невозможно найти. Я видел тебя на сцене, знаешь. И тот танец на ней. Ты... притягивала их внимание. Всех этих бедных, жалких, скользких ничтожеств. Ты так отличалась от остальных апатичных стриптизерш, которые работают в таких клубах. Они не улыбаются глазами. Их сексуальность такая... искусственная. Фальшивая. А ты? Ты... источаешь чувственность, и ты даже не знаешь об этом, и это как наркотик для мужчин вроде меня. Может, я богаче и умнее тех парней, но я точно такой же. Ищу дешевых развлечений, побега от реальности. А ты? Ты так высоко, что нам до тебя не добраться. Смотреть на твой танец? Как ты двигаешься? То, как ты до последнего тянешь, прежде чем раздеться? Это сводит с ума. Ты даже не знаешь. Ты и не можешь знать. Внутри тебя есть нечто, нечто невинное. Я это вижу. Это... черт. Это ярко, как чертово солнце, но оно скрыто, потому что ты несчастна.

Меня разрывает от его жара и от того, что он обо мне говорит, но я не могу вырваться из его объятий, и мне приходится слушать его. Мне приходится слушать. Он вырывает слова прямо из души и отдает их мне. Это бесценный дар, и я храню его в своем сердце.

— И я встретил тебя, — продолжает он, — и ты заставила меня почувствовать нечто. Я не был пьян. Я могу выпить, но я не алкоголик. Я просто... залечивал раны. Я увидел тебя, а потом ты вошла в VIP-комнату, и ты была... такой ослепительной. И испуганной. И во мне что-то изменилось. Словно меня крестили, понимаешь? Я будто знал, что должен узнать тебя ближе, должен был обнять до тебя, дотронуться и рассказать тебе обо всем. Но ты все сбегала. Ты целовала меня, возбуждала, а потом снова сбегала, оставляя меня в мучениях. Ты знаешь, я набрал пятнадцать фунтов мышечной массы с тех пор, как мы познакомились. Потому что ты так меня заводишь, и я остаюсь сам с собой, и мне надо выпустить пар, и я качаюсь. Ты заводишь меня одним своим дыханием. Ты заставляешь меня чувствовать себя кем-то, а не просто каким-то чертовым Доусоном Келлором.

Он отпускает меня, и я кладу руки на его широкие плечи. Мои ладони прилипают к его горячей коже. Он стоит спокойно, смотрит на меня и продолжает говорить:

— Но для тебя все это не имеет значения. Ты все равно убегаешь, может быть, как раз из-за этого. Ты меня пугаешь, а это уже чувство. Я разбираюсь в женщинах, ясно? Правда. Я думал, что знал, о чем думают женщины, но ты? Я не могу тебя понять. Ты никогда не ведешь себя так, как я рассчитываю. В одно мгновение ты будто не можешь оторваться от меня, а в следующее твои нервы на пределе, потому что ты не выносишь меня, или нас вдвоем, или что-то еще.

Он никогда так много мне не рассказывал. Слова просто льются из него рекой.

— Ты заставляешь меня хотеть тебя. Не просто... переспать с тобой. Это даже звучит дешево. Ты не из тех женщин, которых просто трахают. Ты нечто большее. Но я умею только трахаться, а ты достойна большего. И это чуждое мне чувство. Я всегда ощущал себя вправе иметь что угодно, знаешь. Я из тех ужасно наглых людей, у которых всегда все было и которые владеют всем миром. Но у меня нет прав на тебя. Я должен тебя заслужить. И я даже не заслуживаю знать правду о том, откуда ты, или почему ты такая, или что-то еще. Ты ничего мне не даешь, и это сводит с ума. Но это тоже чувство. Хотеть тебя, нуждаться в тебе, запутываться, сходить с ума, расстраиваться, искать выхода эмоциям, хотеть просто держать тебя за руку, как плаксивый подросток... все это чувства. И это... это делает меня таким живым, каким я никогда не был.

Он, наконец, прекращает свой поток слов. Он поворачивает меня к себе и подносит руки к моему лицу. Я придерживаю его полотенце, пока он убирает мои волосы с лица, вытаскивая светлую прядь из губ. Его глаза всех цветов, бесцветные, идеально карие — настоящий оттенок Доусона.

И, когда он говорит снова, в его голосе какое-то волшебство. И его слова... возвращают меня на землю.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя живым, Грей. И... мне нравится это чувство.

— Ты это чувствуешь? Из-за меня?

Он просто кивает.

— Я не... я... я хочу сказать — я просто Грей. Я дочь пастора из Джорджии. Моя мама умерла, я говорила тебе об этом. Она была всем, что у меня было, и моей мечтой было находиться здесь, и я приехала сюда. Мне пришлось зарабатывать деньги, когда кончилась стипендия, и я не смогла найти другой работы.

— В тебе есть нечто большее, Грей.

— Что же? — я, честно, представления не имею.

— Грация. Красота. Ум. Талант. Потенциал. Нежность. Чувственность, — он забирается прямо мне под кожу, и я не могу оторвать от него взгляд. — Скажу мне правду.

— Я танцовщица, — я не возражаю. — Не... не как на сцене, совсем нет. Настоящие танцы. Джаз, современные, балет.

— Станцуешь для меня?

— Что, прямо сейчас?

Он кивает, целует меня в скулы и отворачивается от меня, оставив полотенце в моих руках. Я в ступоре, не в силах оторвать взгляда от его ягодиц, пока он поднимается по лестнице, обнаженный, как статуя. Я хочу, чтобы он обернулся, но в то же самое время рада, что он этого не делает. Он возвращается в шортах и берет меня за руку. Он ведет меня через свой дом, подобный дворцу, в котором живет один, в спортзал. Там находятся все виды тренажеров, а также свободное пространство.

Он показывает на площадку:

— Я занимаюсь тай-чи. Это очень круто, и в то же время успокаивает. Помогает сконцентрироваться, так, что я просто могу... предаться движению.

Я выхожу на середину свободного пространства. Начав разминаться, я осознаю, как давно не танцевала для себя.

— Можешь включить музыку? — я убираю сумочку и расстегиваю блузку.

На мне надета блузка на пуговицах поверх спортивного топа и капри. Как раз подходит для танцев. Я рада этому, но нервничаю. Доусон достает из кармана телефон и подключает его к какому-то устройству в стене. Я никогда не слышала этой музыки, но она — сам Доусон. Симфоническая, оркестровая, но с суровыми готическими нотками, с гитарой и ударными, утяжеляющими ее. Слова задумчивые, мрачные и слегка религиозные. Я не могу удержаться на месте.

В этом нет никакой техники; чистое движение. Мое тело двигается, растягивается, крутится, становясь продолжением музыки. Я подпрыгиваю, изгибаюсь, делаю пируэты, и не существует ничего, кроме музыки и моего танца. Чистота экспрессии заставляет мои эмоции выплескиваться наружу.

Я забыла о танцах. Я позволила им отойти на задний план из-за работы и учебы. Потеряла эту часть себя, а теперь... Доусон вернул мне ее. Я танцую и танцую. Начинается

другая песня этой группы, и я продолжаю танцевать. Я чувствую, что он наблюдает, но мне все равно.

Нет, это неправда. Мне не все равно. Это так важно. Я чувствую его взгляд и выкладываюсь еще сильнее. Я хочу, чтобы он увидел *настоящую* меня. Несколько раз он просил меня сказать правду, и вот я говорю ему эту самую правду, не словами, а чем-то более осязаемым, чем-то, что исходит из глубины моей души. Слова могут лгать. Слова могут обманывать и скрывать. Но то, что ты делаешь, как ты двигаешься, твои прикосновения не могут обманывать.

Когда музыка заканчивается, я остаиваюсь, тяжело дыша. Доусон стоит, скрестив руки на груди, на его лице выражение, которое я не могу разгадать. Я восстанавливаю дыхание и жду. Он подходит ко мне, его глаза ярко-зеленого цвета, цвета желания. Он касается меня, стирая пот с моих рук, убирая волосы с моего лица, бесконечно нежно трогая меня своей страстью.

Он немного колеблется, и затем целует меня.

И я снова теряюсь. Боже, его поцелуй захватывает меня. Засасывает меня своим теплом, мощью, сексуальностью и решительностью. Даже легкий привкус зубной пасты на его губах притягивает. Я вдыхаю запах шампуня в его волосах и налет цитрусового лосьона, или что было на его коже. Его руки гладят меня, обнимают и возбуждают во мне желание. Он целует, целует, целует меня.

И я целую его в ответ.

Я свободна. Я полностью отдаю себя.

• Глава 13 •

Есть только он. Как раньше уже не будет. Его прикосновения уносят меня в вечность. Наш поцелуй длится бесконечность. Эти мысли абсурдны даже для меня, но каким-то странным образом я знаю, что они правильные.

Его руки, как тюремные решетки, но из этой клетки мне не хочется убегать. Он весь — сплошное противоречие: жесткий и нежный, сладкий и соленый, совершенный и полный недостатков.

Мои руки лежат на его голой твердой груди, ногти царапают кожу, я могу думать только о том, как наши губы сливаются в поцелуе. Мои соски трутся о его грудь через жесткий материал лифчика и тонкую хлопковую майку. Его шорты едва могут скрыть возбуждение, я чувствую его жесткую, твердую, горячую длину напротив моего живота, очевидное доказательство того, какие чувства он ко мне испытывает. Я чувствую его эрекцию, когда он упирается мне в живот, и это пугает. Он огромный и твердый, как скала, и... я хочу увидеть его. Прикоснуться. Хочу почувствовать... и попробовать. Я знаю, даже думать так греховно и неправильно, но, да поможет мне Бог, это правда. Я хочу попробовать все, что он может мне предложить. Чувствовать его всего.

Я готова отдать ему все, что у меня есть.

Но он должен знать, что будет первым и единственным. Пытаюсь выдавить хоть слово из себя, но вместо этого целую его.

Он подхватывает меня на руки, крепко прижимает к себе, и, не прерывая поцелуй, несет через весь дом. Мои руки гладят его плечи и шею, я начинаю задыхаться, но, прикрыв глаза, стараюсь сохранить ясность мыслей, правда, это выше моих сил.

Я не помню, как мы оказались в комнате. Лежа на спине в кровати, я тянусь к его губам

своим жадным ртом. Сильные, настойчивые пальцы расстегивают мою рубашку и отбрасывают ее в сторону. Я приподнимаюсь, предоставляя ему доступ к застегке бюстгалтера. Он быстро и эффективно разделяется с тремя крючками, избавляя меня от ненужного предмета гардероба.

Доусон позволяет мне прикрыться руками. Устраиваясь рядом со мной, смотрит в глаза.
— Позволь мне увидеть тебя, детка.

Зажмурив глаза, я качаю головой.

Он смеется, выводя незамысловатые рисунки указательным пальцем на моем животе: ленивые движения, спускающиеся вниз. Его глаза наблюдают за мной, и я заставляю свои веки открыться и встречаюсь с ним взглядом по-прежнему лежа словно камень. Он сжимает края моего пояса вместе и освобождает застегку. Я не двигаюсь, пока он медленно расстегивает молнию, обнажая кусочек черного кружева такого же, как и на лифчике. Я даю молчаливое согласие, когда он берется за пояс штанов, его рука стягивает их вниз по моим бедрам. Я не помогаю, но и не сопротивляюсь. Вскоре я остаюсь без нижнего белья абсолютно голой.

Знакомое состояние, но я никогда не чувствовала себя более уязвимой.

Его глаза горят зелено-коричнево-серым светом с намеком на синеву по краям. Неудержимое желание в них сжигает меня. Проведя рукой по моему животу, он проникает пальцем под черную эластичную ткань с выведенным розовым «Victoria's Secret». Я моргаю, дважды, сглатываю пульсирующий узел страха. Указательный палец его правой руки, скользит по изгибу упругих бедер. Я не поднимаю их, не свожу с него взгляда и позволяю ему раздевать меня.

Он уже раздевал меня. Осталось завершить задачу. Он видел все остальное, а теперь увидит меня полностью обнаженной.

Но он останавливается, когда белье едва покрывают верхнюю часть моей киски.

— Сними их. Если действительно этого хочешь.

Это мой последний шанс. Я вижу это. Если откажусь, он узнает, что я слишком боюсь.

Я?

Меня не мучило, дыхание оставалось размеренным, не было никаких ощущений, которые, как правило, сопровождали меня во время сильных эмоций. Я в ужасе от того, что, правда, готова сорваться с кончика языка.

Ну, есть две правды борющихся за право быть произнесенными, они обе складываются в предложение из двух слов.

Я выбираю простой путь.

— Я девственница.

Он не реагирует, вообще. Просто смотрит на меня в течение нескольких долгих секунд. Ни один из нас даже не дышит.

Затем приподнимает бровь.

— Это многое объясняет, — он облизывает губы, выдавая волнение. — Как? Я хочу сказать, как ты можешь быть девственницей и стриптизершей? Это не... в этом нет никакого гребаного смысла.

Я тяжело сглатываю, стараясь игнорировать увеличивающуюся между нами дистанцию.

— Так получилось. Я говорила тебе, что мой отец был пастором. Я выросла в очень консервативной семье. До тебя, я целовалась всего раз, и то, это было инициативой мальчика и длилось всего полсекунды так что, наверное, не считается. Никто не... никто

никогда не прикасался ко мне, как ты, не смотрел, не целовал. Никто никогда не желал меня, и... и, что важнее, я никого не хотела до встречи с тобой. Я... не знаю, что творю. Боюсь. Тебя. Себя.

Мои руки все еще прикрывают грудь, и я пытаюсь не впасть в панику. Я обнажила перед ним душу, рассказала все без утаек и боюсь позволить себе так доверять.

— Я хочу этого. Хочу тебя. Но... но наследие моей семьи, моего отца, то во что я привыкла верить, должно что-то значить. Быть настоящим. Может, это не продлится вечно, но... это должно быть что-то большее, чем сейчас. Я ждала слишком долго. Была одинока и напугана, в бесконечном отчаянье, чтобы это было на один раз.

Доусон открывает рот, собираясь возразить, но я затыкаю его поцелуем, успокаивая. Я с трудом разрываю поцелуй, прежде чем растворяюсь в нем.

— Ты можешь открыть мне новый мир, Доусон. Мне это нужно. Ты мне нужен. Ты... мое избавление от всех принципов, по которым я жила, чтобы сохранить себя, настоящую, и я... твоя. Не знаю, как это произошло, но это так. Но... если для тебя это ничего не значит, это уничтожит меня. Есть ли в этом какой-то смысл? Если я отдамся тебе, у меня ничего не остается, но если ты остановишься... — я замолчала, не желая использовать слово из четырех букв, повисшее между нами.

Он касается пальцем моих губ, призывая молчать, но я уже сказала все, что хотела.

— Грей, малышка, я не собираюсь останавливаться. Я, правда, хочу сказать тебе, как много ты для меня значишь, но боюсь, ты не поверишь, подумаешь, что я вру, чтобы добиться желаемого, — он зажмурился на секунду. — Не могу поверить, что ты девственница. Но и не верить не могу.

В комнате холодно, а я абсолютно голая. Доусон замечает, что я дрожу. Он наклоняется, чтобы дотянуться до лоскутного одеяла, сложенного в ногах на краю кровати, и укрывает меня им.

— Объясни мне, почему ты думаешь, что я избавление от твоих принципов?

— Я думала, ты будешь говорить о другом.

— Это мое время. Мне нужно понять. Потому что я хочу, чтобы ты оставалась собой. Не хочу уничтожать тебя.

— Ты не уничтожаешь. Это трудно объяснить, — я закутываюсь в одеяло до подбородка. Доусон кладет подушку под мою голову, я сжимаю рукой ее уголок, собираясь выплеснуть все, что меня тревожит. — всю свою жизнь я была дочерью пастора, а еще я была маминой малышкой. Но когда мама умерла, я сбежала из Макона в ОСК, чтобы поступить в школу кинематографии, и отец отрекся от меня. Ни звонков, ни почтовых или электронных писем, мы с ним не общались с моего отъезда, который был два года назад. Думаю, что никогда и не будем. Я выбрала свой путь. Выбрала грех. Так он решил. Не осталось дочери пастора, маминой малышки — я осталась в Лос-Анжелесе одна, в университете Южной Калифорнии. У меня не получилось завести друзей. Я была... слишком занята в школе, а потом меня лишили стипендии, и пришлось искать работу, чтобы остаться, мне ведь некуда было возвращаться, нечего делать со своей жизнью. Так что неудача была не моим вариантом. Мне было слишком стыдно просить помощи у отца.

— Почему? — Доусон хмурится.

— Из-за того, как я поступила, — объясняю я. — Просто... мне никогда не удавалось с легкостью заводить друзей. У меня был всего один настоящий друг еще в Маконе, Девин — танцовщица в студии, где я занималась. Но я поехала сюда, а она отправилась в Аубурн, и мы

потеряли связь. Конечно, мы общаемся по электронной почте, но... это не то же самое. Я не могу... рассказать ей некоторых вещей. Так что... я осталась без друзей. Все, что у меня было, и все, что есть сейчас, — это школа. И стриптиз. Но сейчас его нет, а школы... школы не достаточно. Но есть ты. Я проживала день за днем, просто стараясь выжить. Я не танцевала, а ведь именно тогда я чувствовала себя кем-то. А сейчас ты мне это вернул. И когда я с тобой, мне кажется, что я снова личность, а не оболочка,двигающаяся от класса к классу, от эссе к эссе, от теста к тесту, от танца на сцене до танца на коленях в VIP комнате. А теперь... быть сейчас с тобой, это как быть... дома, — я шепчу последнее слово, и мой голос надламывается.

Доусон тяжело дышит, будто только что поднял тысячу фунтов. Он весь дрожит. Я вытягиваю шею к его плечу, чтобы посмотреть на него. Его глаза закрыты, как будто он пытается вызвать что-то из глубины себя. Или побороть эмоции.

— Дом, — он произносит слово так же, как и я, почти как проклятие, формируя слог, который не имеет никакого смысла самостоятельно.

Его глаза открываются, и он встречается со мной взглядом. Слеза грозит скатиться из уголка моего глаза, и Доусон наклоняется, чтобы поцелуем высушить ее.

— Так что... — Я борюсь за смелость, чтобы произнести следующую часть. — Так что, если это, если я и ты, если это нереально, тогда не играй со мной в игры, Доусон. Если для тебя это не по-настоящему, скажи мне, и я уйду.

— Я люблю тебя, Грей, — прерывает он меня, врезаясь в мою душу тремя острыми, как бритва, словами.

Я думала, что заплачу, когда, наконец, услышу, как мне снова говорят эти слова, но я этого не делаю. Я зарываюсь носом во впадинку у его шеи и вдыхаю его запах, чувствуя, что мое напряжение исчезает. Я держу его за затылок и просто дышу им. И он позволяет мне. Он ничего не требует от меня, просто держит меня, глубоко вдыхая аромат моих волос, и гладит мою спину поверх одеяла.

— Это одеяло связала моя мать, — произносит он ни с того, ни с сего. — Находясь в реабилитационном центре. Это действительно все, что у меня от нее осталось. Знаешь, она никогда не говорила мне, что любит меня. Да и отец тоже. Нечто приблизительное к этим словам я слышал от Виккерса, и то - один раз. Он только вызволил меня из тюрьмы — куда я угодил за превышение скорости, тем самым попав в опасную ситуацию, гоня на отцовском Феррари —глянул на меня, Виккерс, я имею в виду, —затем изрек своим идеальным, исконно британским акцентом: *«Господь любит тебя, милый мальчик. Но твое шило в одном месте когда-нибудь убьет тебя»*.

— Никто? Никогда?

Он качает головой, затем пожимает плечами, странным вращающимся движением.

— Ну, я слышал их раньше. Но не от тех, кто на самом деле был важен для меня. Слова, сказанные в пылу страсти на одну ночь, не в счет.

Я выросла, зная, что любима. Мама любила меня. Всецело. Папа тоже любил, по-своему, просто не безоговорочно. Не достаточно. Но я знала, глубоко внутри, мама любила меня внутри и снаружи. Если бы она была жива, она все еще любила бы меня, стриптизершу или кого-то еще. А Доусон... у него никогда этого не было. Никогда.

Я призываю все свое мужество и перекачиваюсь так, что оказываюсь на нем верхом. Моя грудь прижимается к его груди, и одеяло — бывшее единственным доказательством Доусона, что мама любила его — скользит вниз по моим бедрам. Я извиваюсь и изгибаюсь

рядом с ним, перемещаясь, пока полностью не прижимаюсь к нему, каждый мой дюйм прикасается к нему. Моя нога перекинута через его бедро, и я чувствую, как что-то твердеет и растёт у моего бедра.

— Я люблю тебя, — я не украшаю признание его именем, или чем-то еще.

Я просто позволяю этому вытечь из меня и повиснуть между нами. Я знаю, что мои слова правда, потому что он нуждается в них, отчаяннее, чем я. Я задерживаю дыхание, ожидая его реакции.

Его глаза закрыты, руки сжали в тиски мои бедра, держа меня рядом с собой.

— Скажи, скажи это снова. Пожалуйста.

Я никогда не слышала такой уязвимости в мужчине. Ни в ком. Он полностью открыт, обнажен передо мной. Я вижу каждый нерв, каждую эмоцию, которая наполняет его сердце, вижу обнаженную свободу желаний, жестокая оболочка под которой скрыта его душа постепенно обнажается, чтобы показать, сколько нежности таится в нем. Я изгибаюсь, вжимаясь в него, хватаясь за него. Я провожу губами по его челюсти, а затем прикусываю мочку уха, снова произнося слова, шепотом, таким тихим, что его едва можно считать речью. Но я знаю, он слышит так, будто я кричу в рупор. Он вздрагивает при каждой фонеме, каждой букве произнесенной на выдохе.

— Я люблю тебя.

Доусон дрожит подо мной, и я знаю, он пронизан и сбит этим моментом так же, как и я. Весь мир замер и молчит. Солнце не перемещается по дуге по небу. Пылинки висят в солнечном свете, замороженные, как бусины из янтаря. Существует только он, его сердце, бьющееся напротив моего, и медленное переплетение его со мной, и меня с ним.

Его глаза распахиваются, они окрашены всеми цветами, страстно жаркими цветами. Он не должен просить меня сделать это. Я тянусь вниз по собственной воле, откидываю одеяло, перекатываюсь на спину и снимаю нижнее белье. Я обнаженная, но больше не уязвимая. Я укутана в кокон Доусона, в его любовь, в его потребности. Его глаза впиваются в меня, берут меня в план. Накрывают меня. Лицо, скулы, губы, глаза, нос; изящный изгиб и впадинку моего горла. Он охватывает большую выпуклость моих грудей, возбужденные пики сосков, мои ребра и подтянутый живот; бедра, разведенные и крепкие; мои сильные ноги, внутреннюю часть бедер, колени, икры и стопы; затем задницу, к моему лону, гладко эпилированному, аккуратному местечку между ног, к которому прикасалась лишь его рука. И моя, однажды, недолго. Мои волосы — спутанный беспорядок на чисто белом покрывале. Естественный загар моей кожи контрастирует с белоснежными простынями.

И вот он. Совершенный мужчина. Доказательство прекрасной работы Бога. Я верю в Него, когда смотрю на Доусона. Темные волосы, которые ни каштановые, ни черные и ни светлые. Такого же цвета, как и его глаза, почти угольные, когда мокрые, но сейчас они высыхают и становятся светлее, переходя в коричневатый. Запутанные волосы, растрепанные, без геля, не уложенные и прекрасно несовершенны. Подстриженные, ближе к коже головы сзади и вокруг ушей, но достаточно длинные сверху, чтобы можно было искусно растрепать их и уложить в одну сторону в классическом, утонченном стиле. Изменчивая красота его глаз, технически карих: коричневатых, когда он чувствует доброту и мягкость, почти синие, когда он сердится, а еще выцветшие зеленые, когда он наполнен вожделием, - всегда где-то посередине, никогда не останавливаясь на одном оттенке. Высокие скулы, челюсть, как зазубренный гранит, губы, которые могут искривиться в улыбке или ухмылке, и все еще будут заставлять женщин падать в обморок. Его грудь — это

массивные бицепсы с глубокой впадиной на его брюшных мышцах, плоских, как стиральная доска, которые спускаются вниз к его подтянутой талии. Сильные мускулистые руки обвивают меня. У него почти смуглая, темная кожа, тонкая поросль волос в центре груди и дорожка волос, утолщающаяся на его животе.

Мне нужно увидеть его. Я облизываю губы и провожу руками по его груди, и он напрягается, выгибаясь. Мои ладони на его животе, и затем мои пальцы переходят к его ногам. Я скольжу ладонями вниз, к его тазовым костям. Я не смею отвести свой взгляд от его, когда нервно глотаю комок страха и закипаю в океане желаний. Шорты свободно держатся на его талии; не завязанный шнурок висит поверх эластичного пояса. Я медленно и слишком аккуратно опускаю ткань вниз. У него перехватывает дыхание, и мои глаза теперь неумолимо обращены на его эрегированный член, в то время как я обнажаю его, сантиметр за сантиметром.

Широкая розовая головка, под ней находится борозда, там, где он был обрезан. Вены и натянутая кожа, коричневатая и тонкая на вид, растянутая на его мужественности. Я не дышу. Мои губы болят, я понимаю, что прикусываю их, и затем перестаю. Но я не останавливаю своих движений, руки стягивают шорты; он освобождает одну ногу, потом другую, и теперь мы оба обнажены. Я в постели голая с мужчиной.

Но я люблю его, и он любит меня.

Так что это нормально.

Верно?

Я не могу и не хочу останавливаться, даже если это не так.

Он переворачивается со мной, упирается руками по обе стороны от моего лица, стоя на коленях рядом со мной, но не захватывает меня. Его губы опускаются к моим, и теперь я не только теряю себя в его поцелуе, но и пылко набрасываюсь на него. Я погружаюсь глубоко, утопаю. Я сосу его губу между зубами и облизываю ее языком, удерживаю его лицо двумя руками, а затем ласкаю его шею и плечи одной рукой, пока другая ищет жесткий выступ его челюсти. Затем мои руки исследуют больше. О, Боже, Боже. Есть столько всего, что можно изучить, узнать в этом мужчине. Он целует меня неторопливо и позволяет мне постичь его.

Мои ладони прослеживают его грудь, его ребра под подмышками и спину. Я колеблюсь, а затем мои ладони двигаются ниже, обхватывая его задницу. Прохладная и сильная, твердая. Я исследую твердость его зада, а затем бедра. Я поглаживаю руками его квадрицепсы, низ его бедра, а затем он перекачивается на бок и на спину.

Теперь моя очередь оседлать его, вес перенесен на одну руку возле его плеча. Мои груди качаются свободно тяжелыми маятниками, а затем его руки ловят их, и я задыхаюсь от жара и силы его прикосновения. Его большие пальцы парят над моими чувствительными сосками, и они становятся твердыми, как бриллианты.

Время пришло.

Я наблюдаю за своей рукой, когда она движется рядом с его эрекцией. Доусон затаил дыхание, его глаза сузились, и он также наблюдает за моей рукой. Мои пальцы осторожно сжимаются в кулак вокруг него. Он выдыхает долгим, медленным, уравновешенным вздохом. Сначала я просто держу его, восхищаясь, как выглядит моя маленькая рука, обернутой вокруг его мужественности. Я люблю чувствовать его в своей руке. Это совсем не так, как мне представлялось. Он твердый и горячий, но при этом мягкий и упругий, головка похожа на железо. Я стараюсь дышать, частично мне это удастся, скольжу рукой вниз, чувствуя неровности и вены под своей ладонью, и удерживаю его... я в растерянности от того, какое

слово использовать, когда думаю об этой его части... Но они даже мягче, чем его эрекция, сильно натянуты, подстриженные волосы покалывают. Я беру их в руку, удерживаю, прикасаюсь к ним, а затем моя рука возобновляет свой движущийся захват на его длине и скользит вверх. Кончик очаровывает меня. Там есть крошечное отверстие на самом верш, и сразу под ней он расходится в стороны, как грибная шапочка. Она выглядит мягкой и пружинистой, когда я тру эту область своим большим пальцем.

Доусон напрягается всем телом, плечи превращаются в глыбы, а руки ослабевают на моей груди. Я смотрю на него, на взгляд концентрации в его суженных глазах. Я не могу понять его мысли.

— Могу ли я... это нормально? — спросила я. — Я просто... я хочу видеть тебя, чувствовать тебя.

— Конечно, малышка. Все что угодно. Настолько медленно, насколько ты хочешь, — он улыбается мне, на его лице нежное выражение.

Но я вижу, что он борется. С чем, против чего, я не могу знать.

Я глажу его одной рукой, а затем передвигаюсь так, что стою на коленях рядом с ним, вне его досягаемости. Он скрещивает руки под головой и наблюдает за мной, когда я прикасаюсь к нему. Не только к его эрекции, но и к груди, животу и бедрам.

Я все еще хочу попробовать его. Я знаю, женщины делают это с мужчинами, потому что парни в клубе спрашивали меня, сделаю ли я это, иногда предлагая непомерные суммы денег, если я ублажу их. Однако я никогда не думала, что на самом деле сделаю это. Сегодня я сделаю.

Я держу его в одной руке, затем двумя, рука над рукой, охватывая большую часть его длины. Его кончик и длина возвышаются над моей верхней рукой, и я склоняюсь над ним, опустив к нему свой рот. Сначала я целую кончик. Фактический поцелуй, но кажется не совсем правильным, так что я вытягиваю язык и пробую выемку. Она соленая и мягкая. Я обхватываю его своими губами и пробую нечто копченое и соленое на моем языке, а затем убираю верхнюю руку и скольжу своим ртом ниже по нему.

Доусон стонет, и его спина выгибается. Я вбираю больше, думая, что это то, что я должна делать. И, по правде говоря, мне нравится то, как он ощущается, нравится его вкус. Мои губы растягиваются и моя челюсть вынуждена раскрыться шире, когда я беру всю его длину, и теперь его кончик трется о нёбо моего рта и нажимает на заднюю часть моего горла.

— Грей ... Господи, Грей, — он берет руками мое лицо. — Ты должна сейчас прекратить это. Я не готов к этому, и я не думаю, что ты готова.

— Готова к чему? — Но потом, да, я знаю процесс секса, конечно, я понимаю, что произойдет, если я продолжу ласкать его, проводить по нему ртом.

И нет, я не готова к этому. Когда-нибудь я попробую это, но он прав. Не сейчас.

— Да, ты прав, — произношу я и опускаюсь на него, прижимаясь своей грудью к его. Мои губы на его губах, и его эрекция твердая между нами рядом с моим бедром.

Должно быть, он увидел в моих глазах вопрос, потому что отвечает, прежде чем я могу сформулировать слова.

— То, что ты делаешь со мной, Грей. Боже. Это все, что я могу сделать, чтобы прямо сейчас сдержаться. Ты совершенна. То, как ты трогаешь меня ... — он запутывается пальцами в моих волосах, сильно сжимая голову, и прерывается страстным поцелуем. — Ты заставляешь меня чувствовать себя... так хорошо. Раньше, я никогда не ощущал ничего

подобного.

Я снова на спине, и он надо мной. Я обнимаю его руками за шею и тяну вниз для поцелуя, и мы теряемся в бесконечном моменте. Но ненадолго, потому что он отстраняется. Я запускаю пальцы в его волосах, когда он целует мою впадинку на шее. Округлость моей правой груди, вокруг ареола, сморщенную плоть, а потом мой сосок у него во рту, и между моих бедер резкое, тянущее ощущение, горящее давление. Его рука поглаживает мой живот, мои бедра. Я охотно раздвигаю ноги для его прикосновений, греховно и безудержно разводя бедра широко, когда его пальцы погружаются глубоко в меня. От его ласковых прикосновений к моей киске, напряжение заставляет жар дергаться внутри меня, канаты нервов закручиваются, дергаясь и переплетаясь от ритмичных, ищущих движений его пальцев внутри меня. Мои бедра поднимаются высоко над кроватью, когда он подводит меня к грани, а затем замедляет свои прикосновения и позволяет мне мучительно успокоиться, но давление не ослабляется, лишь перерастает в вес, который я не могу удержать. Он не предлагает мне облегчение, и я не могу попросить у него, потому что я потеряла дар речи.

У меня есть собственные желания в этот момент, в это время: его прикосновения. Мой оргазм — это то, кто я есть. Его рот на моих грудях, пальцы внутри меня — это тоже та, кто я есть.

Его поцелуи опускаются вниз по моей грудной клетке и еще ниже, через мой живот, затем язык углубляется в мой пупок. Я качаю головой, нет, нет, но конечно, на самом деле я не имею в виду «нет», я просто хочу спросить, действительно ли он собирается сделать это... и он делает. Его губы касаются моей киски, и я содрогаюсь. Это поцелуй нерешительного исследования. Я поднимаю свои бедра в молчаливом поощрении. Я потерялась в этом опыте, и я хочу все, что он может мне дать.

Он смотрит на меня, в его глазах вопрос. Он не хочет, чтобы я чувствовала спешку. У меня не осталось стыда.

— Пожалуйста... пожалуйста, да, — слабо шепчу я слова, но он их слышит.

Он хватается меня за лодыжки, закидывает мои колени себе на плечи, поднимает мою задницу, и, без какого-либо предупреждения, врывается в меня языком. Я цепляюсь за постель со звуком — это что-то между хныканьем, криком, визгом и стоном. Вместо постели, я решаю схватиться за него. Мои руки запутываются в его волосах и тянут, сжимаясь в его темных локонах и удерживая, пока он использует большие пальцы, чтобы развести в стороны мои губы и целует меня глубоко внутри. Это тоже поцелуй. Его губы шевелятся поверх моих скользких внутренних складок, а его язык исследует меня, именно так, как он целует меня в рот.

Еще никогда в жизни у меня не было такого приятного напряжения. Никогда. Только сейчас я понимаю смысл истинного райского блаженства.

Я не пытаюсь скрыть или заглушить неловкие звуки, которые вырываются из моего горла. На самом деле, когда его губы сосут меня, я нахожу собственные звуки пробуждения. Я полностью отказываюсь от этого. У меня нет причин больше это контролировать, и я полностью в его власти. Я позволяю себе стонать так громко, насколько способен мой голос, и столько, сколько я смогу, Доусон удваивает интенсивность своих ласк. Чем эротичней мои стоны, тем более дико его язык врывается в меня; чем больше я позволяю себе выкрикивать его имя, тем быстрее он сосет и кружит своим языком.

Я сцепляю ноги за его головой и удерживаю его рядом с собой. Теперь его пальцы тоже

скользят в меня — два пальца в моей киске — проникая внутрь и выскальзывая наружу. И эти движение то опустошают, то наполняют, то снова опустошают меня, заставляя всхлипывать. И он повторяет это, но не полностью, я откидываю свою голову назад, выгибаю спину и распадаюсь под ним, кричу, задыхаюсь, и снова кричу, когда оргазм волна за волной ударяет меня. Я никак не могу остановить свои движения около его рта, и двигаю бедрами к его проникающему языку. Его руки побуждают меня передвигаться вперед и вверх, не смягчившись, когда наступил оргазм, но подталкивая меня за ним в беспомощном, задыхающемся, застывшем экстазе огненного освобождения.

Я опускаюсь, испытывая головокружение, и в отчаянии стону, когда он отодвигается от меня. Слышу, как что-то трещит. Мои глаза распахиваются, и я вижу, как он раскатывает что-то тонкое и прозрачное по своей эрекции. Я знаю, что будет дальше. В горле застревает комочек страха, но потом у меня нет времени, чтобы осознать это, потому что Доусон возвращается ко мне, целуя.

Я пробую свой вкус на его губах и языке, на вкус неопределенно солоно-острое, и женский привкус мускуса. Его поцелуй отчаянный, и я знаю, он настраивает себя под мое состояние. Это там, внутри меня, паника, но я отрицаю это. Я целую его и наслаждаюсь весом его тела и силой его рук, я знаю, что хочу этого. Я целую его со всей силой, что есть во мне, и обвиваю его за шею одной рукой.

— Грей, ты не... мы не должны, если ты не готова.

— Я никогда не буду готова. Но я никогда не хотела большего, — я должна сказать ему всю правду, которая у меня внутри. — Скоро я сойду с ума. Я знаю, так и будет. Я потерялась в тебе, потерялась в этом, в нас, но я собираюсь выйти из себя. Ты должен это знать. Но ты также должен знать, что я хочу этого. Так сильно. Пожалуйста, сделай это со мной.

Его живот твердый и теплый рядом с моим, и я чувствую его кончик на внутренней стороне моего бедра — огромный и твердый. Его сильные руки по обеим сторонам от моего лица. Его глаза ищут меня.

— Я люблю тебя, Доусон, — я приближаюсь губами к его губам и позволяю ему вкусить слова, когда произношу их.

Я вижу, как его глаза наполняются эмоциями, чувствую, как его грудь расширяется, и даже его эрекция становится все тверже и толще рядом со мной.

— Грей ... Я люблю тебя. Боже, я люблю тебя.

Я должна спросить его. Я должна произнести слова.

— Займись со мной любовью, Доусон. Пожалуйста, займись со мной любовью.

— Да, я желаю этого всем сердцем.

Но он не толкается в меня.

Вместо этого, он тянется вниз между нами и находит мое сладкое местечко своими пальцами, находит мою грудь ртом и терпеливо, медленно подводит меня к судорогам, задыхающемуся возбуждению. Когда я достигаю грани оргазма, он целует меня, и я открываю глаза, чтобы смотреть в его многоцветные глаза. Он не замедляет свои пальцы на моей плоти; он толкается в мою киску лишь головкой. Сначала, это лишь небольшое давление, просто очень маленькая его часть внутри меня, и я позволяю своим ногам раскинуться в стороны, потому что в противном случае я буду зажимать их. Я немного паникую. Мое сердце колотится с таким же страхом, как и с удовольствием, и он это знает, потому что позволяет мне упасть с края оргазма и скользит немного дальше, позволяя мне

чувствовать растяжение от того, что он заполняет меня. Я задыхаюсь, слезы собираются в уголках моих глаз, потому что он настолько огромен внутри меня, заполняет меня, несмотря на мою неспособность принять его.

Но я принимаю его, он застывает, и я начинаю нуждаться в наполненности, начинаю понимать, как сильно я люблю это, но присутствует и боль, но я стерплю ее. Доусон ускоряет движение своих пальцев, резко прикусывает мою грудь зубами и подводит меня к яростному оргазму. На этот раз он продолжает двигаться, скользя немного глубже с каждым вращением его пальцев, а затем я разрываюсь на части, задыхаюсь и стону, а глаза Доусона не отрываются от меня, молча умоляя меня смотреть в его глаза, удерживать взгляд. Я так и делаю, он толкается один раз, сильно, и наступает мгновение ослепляющей боли, но она пропадает под цунами вспышки звезд, удовольствие, пронизанное болью. Он остается глубоко внутри, пальцы и рот доставляют мне удовольствие, когда стихает пульсирующая боль. И тогда я полностью заполнена им. Он во мне. Бедро к бедрам, рот ко рту. Наши пальцы переплетены у моего лица. Наши языки пробуют друг друга, и он огромен внутри меня, растягивая меня до сдавливающей боли, которая кровоточит в удовольствие.

А потом... он двигается. Доусон медленно выскальзывает из меня, я опустошена и потеряна без этой полноты. Я зарываюсь лицом в изгиб его шеи, чувствуя его пульс на моих ресницах. Он скользит обратно в меня, бесконечно медленное движение, и я цепляюсь и царапаю его спину, потому что блаженство, которое наполняет меня — это рай, за небом, это чистое чудо, все, что есть хорошее во Вселенной, взрывается внутри меня. Это любовь вскипает внутри меня.

Я плачу, но улыбаюсь, Доусон целует мои слезы, мои скулы и веки, мой подбородок, рот и шею и все остальное, одновременно толкаясь внутрь. Но медленно. Так медленно. Так нежно. С любовью. Мягкое, ласковое скольжение внутрь, нарушает все представления о полноте с каждым толчком. И затем он выходит, и я скулю от потери, на что Доусона снова входит в меня.

Я выгибаю позвоночник, поднимаю свою попу и бедра, навстречу к нему. Одной рукой провожу ногтями вниз по его спине и хватаю его за зад, когда он скользит внутрь. Я издаю звук, в котором нет ни единого слова. Это задыхающийся, эротический стон его имени.

— Доусон ...

Я повторяю его с каждым толчком его члена в меня. Я хочу, сказать ему, что чувствую, как сильно мне нравится это, но в тот момент я не могу вымолвить ни одного слова из себя. Все, что я могу сделать — это хныкать и стонать, шепча его имя.

Он продолжает свой медленный темп, приподнимается на локте и откидывает прядь волос с моих глаз.

— Обьезди меня, — говорит он.

— Что? — я едва могу говорить, даже односложными словами.

— Я хочу, чтобы ты была сверху. Трахни меня. Получи свое удовольствие. Давай же.

Я открываю рот, чтобы ответить, мне нужна минутка, чтобы подумать об этом. Мне нравится, что все под его контролем. Мне нравится погружаться в него, и не думать или не делать что-либо, лишь чувствовать. Но он перекачивается со мной, проникая в меня глубоко. Теперь я наверху, цепляясь за его грудь, лицо рядом с его шеей, удерживая его со страхом, будто боясь падения с большой высоты. Он не двигается, и я заполнена им, но мне нужно двигаться. Я встречаюсь с ним взглядом.

— Найди свой ритм, — произносит он. — Я преодолел самую страшную часть, не так

ли? А теперь я хочу, чтобы ты брала, а не давала.

Доусон убирает мои локоны в сторону, зарываясь пальцами в корни моих волос, позади левого уха, другая рука лежит на моем бедре. Я сажусь постепенно, медленно, пока мои ноги не сгибаются в коленях, так что мои икры почти параллельны бедрам. Я нахожу свой темп, покачиваюсь и удерживаю себя ладонями на его груди. Наши глаза встречаются, и его руки ласкают линию моих ребер, большой палец под моей грудью, на моем соске, на моем бедре, затем он начинает эту цепочку снова и снова.

Сначала я пробую простые покачивания бедрами. Я задыхаюсь и закрываю глаза, затем делаю это снова. И снова, мой вздох превращается в стон во весь рот. Доусон не двигается, лишь поддерживает за бедра и не отрывает глаз от меня. Я наклоняюсь вперед и поднимаюсь бедрами, он почти выходит из меня, останавливаясь, его кончик удерживается в складках моей киски, а затем впускаю его глубоко внутрь, длинным, быстрым толчком. Я громко стону, глаза закрыты, рот открыт, задыхаясь. Я снова выхожу из него, почти полностью, пауза, и насаживаю себя на него.

Я хочу попробовать кое-что еще. Я хочу чувствовать все. Я поднимаюсь бедрами, так что он частично выскальзывает из моих складок, а потом чуть-чуть опускаюсь, и немного приподнимаюсь, неглубокие толчки. Он не наполняет меня полностью и не выходит. Эти толчки сводят меня с ума. Каждый раз, когда я хныкаю и скулю, и отказываю себе позволить ему скользнуть глубже, он начинает стонать со мной. Я не хочу оргазм, я просто изучаю его, себя, нас. Я исследую этот акт, называемый сексом.

Это так далеко за пределами удивительного, что не могу этого понять. Я прижимаю свой открытый, дрожащий рот к его потной груди, и продолжаю делать маленькие толчки. Я чувствую, что Доусон напрягается подо мной. Его грудные мышцы становятся твердыми, как скала, его руки превращаются в камень, и его лицо застывает, челюсти сжимаются.

— Доусон? Что случилось? — спрашиваю я.

— Я сдерживаюсь.

— Тогда сделай это, — я понимаю, что он на краю оргазма.

— Нет. Я хочу кончить вместе с тобой.

Он наклоняется и целует меня, намереваясь сделать это быстрым поцелуем, прежде чем упасть обратно, но я следую за ним вниз и пожираю его рот своим.

— Тогда кончай со мной, — отвечаю я.

Он стонет, когда скользит в меня полностью, и мне нравится, чуть ли не больше, чем что-либо другое, слышать, как он издает эти произвольные звуки. Я делаю так, чтобы он вышел из меня, а затем быстро насаживаюсь на него. Наши стоны сливаются, присоединяясь к нашим телам. Я начинаю ритм глубоких толчков, держась за его шею, двигаясь только бедрами. Он приподнимает меня и берет мой сосок в рот, и я хныкаю громче, чем когда-либо, чувствуя приближающуюся волну оргазма. Он весь как скала, каждый мускул напрягся, когда мои движения становятся более беспорядочными, а мои бессловесные стоны удовольствия становятся его именем, он начинает двигаться со мной, и у меня нет никакого контроля вообще, никакого ритма. Я просто отчаянно погружаюсь на него, заполняя себя им.

— О, Боже, — стону я, когда чувствую, что он также теряет контроль.

— Ругайся, — ворчит он. Он видит мгновенное замешательство на моем лице, и он разрабатывает. — Кончай, детка. Я хочу слышать, как ты ругаешься. Кончай на меня, Грей. Кончай сильно, и не сдерживайся.

Я обвиваю руки вокруг его шеи и перекалдываю весь мой вес на него, вдавливаю свои

бедра в его и даю себе волю. Крики заглушаются его плотью, и теперь я извергаюсь, его имя единственный звук на моих губах, скандируемый снова и снова, когда рай взрывается внутри меня. Я распадаюсь, бедра безумно двигаются и руки царапают его кожу.

— Доусон, — выдыхаю я и тогда вспоминаю, что он сказал, я теряю последнюю оболочку контроля, и все, что я могу делать, это цепляться за него, когда из меня вырываются слова. — Ох, бл*ть, Доусон! Боже, о, Боже, о, бл*ть... кончай со мной, кончай сейчас...

Мир заканчивается в этот момент. Огни мерцают, и все мое существование сдвигается, а затем я перемещаюсь. Он надо мной, слава Богу, и он дикий, неконтролируемый погружается в меня, я люблю каждое прикосновение, каждый удар, каждый шлепок, слышу, как он стонет, я ожидаю услышать, что он ругается, как и я, но он удивляет меня.

— Грей, — этот шепот, — сумасшедший контраст с его дикими толчками. — О, Грей, сладкая, Грей... моя Грей...

Наконец, он кончает, бессловесно, только слышно его дыхание на моей коже. Наши тела, настолько близко, насколько это возможно, и я, буквально, чувствую его душу рядом с моей, в моей, вокруг меня, переплетающуюся с моей.

Мы оба не двигаемся, тихо дышим. Он собирается переместиться, но я его останавливаю.

— Останься. Мне нравится, когда ты надо мной. Мне нравится, как это чувствуется.

— Грей?

— Хм?

— Я люблю тебя.

Его голос мягкий, как шелк, как ласка. Ничто не может быть таким же сладким, как его голос в этот момент.

Я немного передвигаюсь, и он движется вместе со мной, теперь его лицо покоится на моей груди, между моими грудями, мои руки в его волосах, обводят его ухо и небольшое местечко, где его челюсть соединяется с ухом.

— Я тоже тебя люблю, — выдыхаю я, и он улыбается напротив моей кожи.

Так мы и засыпаем, когда вечер перетекает в ночь.

Я просыпаюсь от прикосновения его губ к моей груди и пальцев к бедру, и, не успев открыть глаза, я развожу ноги, давая дорогу его прикосновениям и резко вдыхая от удовольствия и счастья. Я еще раз кончаю через несколько минут.

Но я хочу чего-то, хочу что-то почувствовать. Я попробовала это, когда мы занимались любовью, но я хочу большего. Я толкаю его на спину и беру рукой его член, оценивая его длину и толщину. Я двигаюсь по его груди и животу, чтобы поцеловать головку.

— Грей? — в его вопросе слышится сомнение.

— Я хочу этого. Я хочу попробовать.

Он убирает мои волосы в сторону знакомым жестом, и я беру его в рот. Сначала совсем немного. Он издает стон, я знаю, что ему нравится. Именно такого стога я и хочу. Хотя бы отчасти. Я обвиваю его пальцами и заставляю его бедра двигаться в моем ритме, он стонет, поэтому я двигаю свой рот в том же ритме.

Потом я вспоминаю клиента из клуба, который просил отсосать у него, и задумываюсь над этой фразой. Я начинаю сосать, беря его все глубже, стараясь изо всех сил. Он поднимает бедра и громко стонет, а его руки играют с моими волосами, словно стараясь не притягивать к себе, он дрожит, словно он сдерживает движения.

Я выпускаю его изо рта, и он стонет от разочарования.

— Расслабься, — говорю я ему.

Он приподнимается и смотрит на меня, а я наклоняюсь ниже, касаясь его грудями, он снова откидывается, но потом поднимает голову, когда я обхватываю его губами и засасываю глубже в рот. Я ритмично двигаю рукой по всей его длине, усиливая нажим, подстраиваюсь под его движения, чтобы он не доставлял мне неудобств, и сосу еще усерднее, вбирая его все глубже с каждым толчком, теперь он стонет без остановки.

— Грей, Грей... о, Боже... — Его пальцы сжимаются на моих волосах, и он осторожно тянет меня вниз.

Я не сопротивляюсь, и следую за его желанием, беря его еще глубже. Я заглатываю не настолько глубоко, чтобы меня стошнило, но насколько могу. Он изгибается и поднимает бедра, но я не тороплюсь.

— Черт, Грей... я кончаю... — это предупреждение, но я не успеваю подумать о том, что буду делать, и он кончает мне в рот.

Я чувствую густую, горячую и соленую жидкость, совсем не то, что я ожидала. Я сглатываю и продолжаю, потому что он все еще стонет и двигается, и я подстраиваюсь под его ритм рукой и ртом, и пульсирующая струя все ударяет мне в рот. Его стоны неконтролируемы и судорожны, глаза закрыты и он сходит с ума от удовольствия, и это именно то, чего я хотела — доставить ему такое удовольствие, чтобы он потерял контроль, как и я.

Когда я уверена, что он закончил, я выпускаю его изо рта, но он все еще твердый, и мне нравится чувствовать его эрекцию рукой, поэтому я продолжаю его держать, нежно поглаживая. Он содрогается от каждого прикосновения, словно его чувствительность повысилась. Моя щека лежит на его животе, я могу поближе рассмотреть его мужское достоинство. Оно красивое. Я подслушивала разговор девочек, включая мою соседку по комнате Лизи, о том, как ужасно выглядят интимные места мужчин — даже несмотря на то, какие они приятные на ощупь. Хотя они пользовались словом «хрен», при одной мысли о котором я морщусь, я не знаю, как еще его назвать. И они не правы. Доусон весь прекрасен, каждая часть его.

Он подтягивает меня к груди, к себе на плечо, и мы снова засыпаем.

Следующий раз я просыпаюсь медленно и постепенно. Еще или рано, или уже поздно. Темнота как ночью или утром. Горизонт сереет, наводя на мысль об утренних часах. Понятно, что раньше я никогда не спала с мужчиной обнаженной. Его рука лежит на моем бедре, а лицо прижимается к моей спине, он дышит глубоко и ровно. Мы оба без одежды, прикрыты лишь одеялом и простыней. Мне нравится это ощущение. Я защищена, словно нахожусь в убежище. Он любит меня, прижимает меня к себе даже во сне.

А потом я замечаю кое-что. Его достоинство... его член... упирается в меня. Он твердый, полностью эрегированный и толстый. После того, как мы занимались любовью в первый раз, он встал, чтобы снять презерватив, и сейчас я вижу еще одну упаковку на столике возле меня в тусклом предвечернем свете.

Я чувствую его... в мыслях это слово произносить легче, но все же не совсем просто... я чувствую член своей попкой и хочу его. Я хочу снова быть заполненной им. Мне нужно это. Я так отчаянно этого хочу, что не могу ни о чем другом думать.

Я достаю презерватив, он громко шуршит в тихой комнате. Я осматриваю этот серый квадрат, на котором белыми буквами написано «Троян». Я открываю упаковку и достаю

содержимое. Это кружок скользкой резины или латекса, более плотные края окружают прозрачный материал, настолько тонкий, что практически невидимый. В этом вся суть, как я думаю. Я слегка раскатываю его, а потом понимаю, что дыхание Доусона изменилось.

Он не спит.

Я переворачиваюсь и встречаю его сонный взгляд. Он улыбается мне, поднимает тяжелую руку и проводит большим пальцем по моей щеке. Я смотрю вниз между нами и прикладываю презерватив к его головке, затем берусь за основание и раскатываю латекс по всей длине сначала одной рукой, потом двумя, пока он не закрыт полностью. Доусон слегка подтягивает его вверх, оставляя небольшое пространство на самом конце. Он тянется ко мне, но я лишь качаю головой. Я снова переворачиваюсь и прижимаюсь к нему спиной. Я трюсь об него и снова принимаю то же положение, что и раньше. Доусон берет меня за бедра и нежно целует в плечо. Я жду, но потом нетерпение становится невыносимым, и я тянусь к нему рукой и направляю его внутрь себя. У меня там все влажно, горячо и скользко. Он проскальзывает внутрь. Он внутри меня. Никто из нас не двигается, но через секунду Доусон начинает двигаться бедрами и стонет в унисон со мной.

А потом, о, Боже, его пальцы проникают между моими бедрами, я развожу их, чтобы облегчить ему доступ, он надавливает средним пальцем, и мы двигаемся вместе. Сначала неуклюже, но потом мы находим общий ритм, и его пальцы... о, Боже, то, как он трогает меня, заставляет меня кончить меньше, чем за дюжину движений. Я содрогаюсь и хватаю воздух открытым в безмолвном крике ртом, а через несколько мгновений все повторяется, и я не могу дышать, а он страстно двигается, словно это его главная цель.

Доусон переворачивается, я лежу на нем, на спине. О, да... Одна его рука лежит у меня на лобке, заставляя меня испытывать оргазм за оргазмом, а вторая на моей груди. Он берет мою руку, и мы вместе ласкаем мои соски, он входит в меня настолько глубоко, что я едва могу это выносить, но я принимаю его. И мне это нравится, мне это нужно.

Доусон снова бросает мне вызов, кладет мою руку на клитор, и мы ласкаем меня вместе. Это самая эротичное, что я могу представить, пока он не убирает свою руку и не смотрит на меня. Обими руками он ласкает мои соски, и я не могу сдерживать стоны, теперь я сама себя ласкаю так, как даже он не может. Я чувствую свой внутренний ритм, от медленного к быстрому, из-за которого мне не хватает дыхания на крик. Я издаю хриплый стон и изгибаюсь. Я чувствую, что Доусон смотрит, как я себя ласкаю, знаю, это сводит его с ума, и поэтому я двигаю рукой энергичнее.

Я не узнаю себя.

Я лежу на мужчине, которого знаю считанные недели. Я люблю его, а он любит меня. Его член глубоко внутри меня, и я ласкаю себя, пока он теребит мои розовые соски пальцами. Я выкрикиваю его имя, а он шепчет мое, и мы теряемся друг в друге.

Это — рай.

... но я не узнаю себя.

Он взрывается. Доусон кричит мое имя, а я выкрикиваю его, и он кончает. И я кончаю еще раз. Его руки сжимают мою грудь, одна рука перемещается мне на бедра, прижимая к нему с каждым толчком, а наши голоса сливаются в мелодию, наши тела танцуют с красивой синхронностью в прекрасно совпадающих движениях.

Что за женщина делает это? Занимается любовью с такой дикой и отчаянной чувственностью?

Я почти вижу нас, вижу себя сверху. Мои груди вздрагивают от каждого толчка

мужчины подо мной. Его руки сжимают меня, и я подставляю свою грудь для его прикосновений, потому что они мне нравятся. И я... моя собственная рука между бедрами, касается самых сокровенных частей. Моя вторая рука закинута назад и цепляется за лицо и шею Доусона. Его глаза следят за мной, за движениями моей руки, за моими грудями.

— Боже, я люблю тебя, — шепчет он, кончая.

Кто я? Кто я такая, чтобы этот мужчина любил меня?

Я не студентка. Я не стриптизерша. Я не танцовщица, я никто. Я просто Грей Амундсен. Но этот шикарный человек, этот полубог... он любит меня.

Почему?

Что во мне такого, что он так ко мне относится? Что я могу предложить?

Я не знаю ответа на этот вопрос, но он знает.

Так почему я не спрашиваю?

Потому что мое горло перехватывает. Он мог бы увидеть панику на моем лице, но он позади, перекачивается на бок, все еще не выходя из меня, все еще твердый, все еще пульсирующий отголосками удовольствия. Я тоже еще содрогаюсь, дрожа от накатывающего оргазма. Часть меня дрожит из-за паники. Он этого не замечает. Выскальзывает из меня, встает с кровати и идет в ванну. Я слышу, как он моет руки, потом возвращается, проскальзывает в постель и прижимается ко мне. Его достоинство все еще слегка приподнято, и он прижимается им к моей попке. Несмотря на панику, мне нравится это ощущение.

И то, что мне это нравится, порождает еще большую панику. Я только что согрешила. У меня был секс с мужчиной. Три раза. Ну ладно, два. Я не уверена, что доведение его до оргазма ртом можно считать за секс, но грехом это определенно является. А то, что он делал то же самое столько раз, что я сбилась со счета? Он довел меня до оргазма так много раз. Я даже не возьмусь посчитать.

Это умножает мой грех?

Я не замужем за ним. Даже не помолвлена. Я даже не знаю его второе имя. Я не знаю, в какую школу он ходил.

В предрассветной темноте легко обвинять себя. Я не думала о своем отце, не думала по-настоящему, уже много месяцев. Но теперь я вспоминаю, как он говорил, что я проживу греховную жизнь. И это так. Посмотрите, на мою жизнь. Он был прав. О боже. Боже, прости меня. Он был прав.

Я чувствую, что Доусон снова уснул, поэтому он не слышит единственный вскрик, который я не смогла удержать. Я вздрагиваю, и его рука прижимает меня сильнее, располагаясь как раз между моих грудей. Я не могу дышать. Не могу... дышать.

Что я наделала? Что я допустила?

Именно то, что я предвидела с того момента, как увидела его. Я знала, что я паду перед ним, так и случилось. Знала, что потеряю себя, и это произошло. Я влюбилась, я согрешила.

Я попыталась найти выход в рационализации. Это не грех. Я люблю его. Он любит меня. Я не верю в это больше, ведь так? Нет, не верю. Я не просто занималась сексом, не просто трахалась. Я занималась любовью, взаимной любовью с хорошим человеком. С чудесным человеком, который всегда только и делал, что заботился обо мне и защищал меня. Поэтому я не согрешила.

Разве не так? И имеет ли значение, во что я верю?

Я как-то слышала, как отец говорил мужчине, которого поймали на измене, что не

важно, верит он в бога или в грех. Он верит в тебя, и будет судить, независимо от того, веришь ты или нет.

Моя голова кружится, вертится, пульсирует.

Другие части тела тоже пульсируют.

Я выбираюсь из объятий Доусона, оставляя его в постели обнимать пустоту. Он такой умиротворенный, такой красивый. Я не могу ничего поделаться, и просто смотрю на него, на короткий миг мои волнения отступают под напором его чистой мужской красоты и бурного, горячего шторма эмоций внутри меня.

Затем они возвращаются с новой силой.

Я иду в ванную, хотя ковыляю - будет более подходящим словом. Интимные части моего тела пульсируют и болят. Мои бедра дрожат и болят. Все внизу тянет, но воспоминания о том, как эта боль появилась, удивительно сладкие. И все же, несмотря на чувство вины, я не могу жалеть о содеянном. Я жалею о своем чувстве вины, жалею о своем воспитании, которое мешает мне просто наслаждаться любовью Доусона.

О, Боже, я совсем запуталась. Я переполнена до боли виной и стыдом от того, что только что сделала, но в то же время часть меня удовлетворена, спокойна, довольна и благословенна. Вина, баптистская вина говорит мне, что удовлетворение — это семя греха.

Сходив в туалет, я мою руки и нахожу в темноте одежду. Я тихо одеваюсь, отвернувшись от Доусона. Даже касание моего бюстгалтера к соскам теперь кажется чувственным, возбуждающим, потому что напоминает о том, как их касались пальцы и губы Доусона. И мои трусики тоже напоминают о нем, о том, как его язык проник в меня. Я почти поддаюсь этому пронзительному воспоминанию, но Доусон двигается, и я тороплюсь.

Я замираю, глядя, как он снова засыпает, а затем крадусь по ступенькам и выхожу за дверь с сумкой на плече и ключами от «ровера» в руке. Я не знаю, куда направляюсь, главное уйти. Я слишком запуталась и не могу думать рядом с Доусоном, потому что хочу его снова и снова — я уже хочу его. Даже несмотря на боль при каждом шаге, я все равно хочу его. Я хочу больше всего на свете.

Я покидаю район, осторожно лавируя по роскошному Беверли Хилз. Я понимаю, что остановилась на долгосрочной парковке перед ЛАКС у стойки Дельты. Я не знаю, куда меня приведет только что купленный билет, и мне все равно. Я ничего не замечаю. Я на автопилоте, борюсь с потоком вины, с бурей беспокойных мыслей, потребностей, страхов, вины, желаний.

Я не должна его любить.

Но я люблю. А почему нет?

Это был грех.

Это было величайшее удовольствие из тех, какие я знала, и каждую секунду оставшейся жизни я буду хотеть большего.

Он любит меня.

Но он едва знает меня, и что если он найдет кого-то еще? Кого-то симпатичнее? Более опытного? Что если ему придется сниматься в постельной сцене, и я этого не переживу? Тут не может быть никаких «если». Я не переживу этого. Это убьет меня.

Но я уже разрушена. Я больше не девственница.

Это не разрушение, это красота. Боль между бедрами, как напоминание о любви. О силе его желания.

Моя внутренняя борьба продолжается по замкнутому кругу, и мне становится дурно. Я

слепо бреду через ворота куда-то вглубь ЛАКС. Я ничего не вижу и не слышу. Я слышу объявления, предупреждения. А потом люди в моей зоне ожидания встают и собираются возле посадочного коридора. Мне кажется, я вижу темные волосы и широкие плечи Доусона, но это не он. Он дома, у себя дома, спит. Он даже не знает, что я ушла.

Я нахожу свое место у окна в самом хвосте самолета. Я ненавижу летать, и должна испытывать страх, но у меня не остается места ни на что, кроме вины, и стыда и любви.

Я снова бегу от Доусона. В этот раз он, наверно, не пойдет за мной.

Я потеряла его.

Я никогда не должна была обладать им.

Через некоторое время из громкоговорителей звучит голос пилота. Что-то из сказанного им пробивается сквозь туман: *«Взлетаем с третьей полосы, так что все пройдет быстро. У нас хороший попутный ветер, поэтому мы приземлимся в Атланте всего через несколько часов. Спасибо».*

Атланта? Я купила билет обратно в Джорджию?

О боже, о боже, помоги мне, что я делаю? Почему я возвращаюсь в Джорджию?

Возможный ответ поражает меня, когда мы взлетаем: я возвращаюсь в Макон, чтобы найти себя. Я потеряла себя в Лос-Анджелесе. А может быть, я никогда не знала, кто я есть, а Лос-Анджелес только усугубил это.

Теперь уже поздно отступать.

• Глава 14 •

Я приземлилась в Атланте в 10.40 утра, после остановки в Хьюстоне. Мои живот делает сальто, когда шасси приземляются с мягким отскоком, и после долгой таможни, мы идем к телетрапу. Люди вокруг меня собирают свою ручную клад, сумочки и ноутбуки; у меня нет ничего, кроме сумочки.

Я воняю сексом и потом. Мои волосы собраны в беспорядочный пучок, который я собрала в уборной самолета за час до посадки, понимая, что выгляжу так, будто убегаю от кого-то, с моими спутанными и не расчесанными волосами.

Я пахну Доусоном. Его мускусом, его сущностью, его прикосновением.

Я ощущала его вокруг меня, во мне. Что было пустяком, но я не могла стряхнуть это чувство. Я прошла по проходу к телетрапу вместе с другими путешественниками, и я ненавидела себя с каждым шагом. Доусон любил меня, и я убежала от него. Я оставила его в серых предрассветных часах, и убежала в то место, куда поклялась не возвращаться. Я могу лишь представить его убитое горем выражение, когда он просыпается, сейчас, может быть, потянувшись ко мне, ища меня в этом роскошном доме, и не находя меня.

Я даже не оставила записку.

Я следую за толпой в аэропорт, шум болтовни и суматохи омывает меня. Я делаю несколько шагов от ворот, сердце сжимается от боли, томящаяся от любви душа разрывается на тысячу кусочков. У меня был секс вне брака с мужчиной, которого я едва знала, и оставила его без всего, даже без прощальной записки. У меня нет мобильного телефона. Я не взяла свой планшет или Fourth Dimension - издание iPad. Он никогда не узнает, где я, даже если он склонен преследовать меня.

Я спотыкаюсь неравномерно в сторону от ворот, услышав знакомый, протяжный звук акцентов Джорджии. Я чувствую, что мой собственный акцент возвращается, и я не сказала

ни слова.

У меня было четыре с половиной часа, чтобы беспокоиться и думать, но я не приблизилась к осознанию того, что правильно или почему я вернулась в Джорджию. Все, что я знаю, что хочу вернуться домой — поехать в дом отца, принять душ и спать вечно.

И затем... я чувствую слишком знакомое покалывание кожи и чувств, и ёканье в животе. Горячие, сильные, неумолимые руки обвились вокруг моих бедер и потянули назад. Я почувствовала его грудь своей спиной. Я не повернулась, чтобы узнать его; я привалилась к нему спиной и заглушила рыдания руками.

— Ты не можешь убежать от меня, Грэй, — его голос мягкий, мощный и интимный.

— Как... как ты узнал?

Он смеется.

— Я почувствовал, как ты встала. Слышал, что ты плачешь. Я знал, у тебя паника, и я знал, ты должна это сделать. Я позволил тебе уйти, и последовал за тобой. Я был прямо позади каждого твоего шага. Я сел в первом классе, и ты не видела меня. Но я наблюдал, как ты плачешь, одна. Я видел, как ты мучаешься.

— Доусон, я... мне жаль. — Мой акцент, который я так упорно пыталась устранить, вернулся со всей силой, такой же сильный, как когда я была невежественной, в основном счастливой пятнадцатилетней девчонкой. Я подавила возражающий смех.

— Боже. Послушай меня. Я снова звучу как деревенщина, и я вернулась лишь пять минут назад.

— Я люблю твой акцент. Отпусти его. Просто будь собой. Будь Грэй Амундсен.

Мы не двигались, и люди вертятся вокруг нас, как грязная вода реки завихряется вокруг скалы.

— Я не знаю, кто это, — сказала я, позволяя голове откинуться на его твердую грудь.

Он убирает прядь медово-светлых волос за мое ухо.

— Да, ты знаешь. Знаешь. Ты Грэй. Студентка смешанной экранизации. Дочь пастора из Мейкон, Джорджия. Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо встречал, и ты самая опасно чувственная женщина, которую я когда-либо встречал. Ты безнадежно невинна, немного наивна, очень упряма, и нелепо мила, когда злишься. Ты заставляешь мой член твердеть одним взглядом, и ты понятия не имеешь, что делаешь. Ты подарила мне лучший день за всю мою жизнь, и потом ты убежала от меня, и я знал, что ты это сделаешь, — шепчет он в мое ухо; Я не дышу, пока он говорит. — Ты любишь меня. И я люблю тебя. Это не грех. Или если это так, мне не важно. И ты скучаешь по отцу. Вот почему ты вернулась.

— Я - что?

Он берет мою руку и уводит меня.

— Мы собираемся увидеться с твоим отцом. Ты скучаешь по нему, и хочешь, чтобы он вернулся в твою жизнь. И ты собираешься познакомить его с твоим парнем, знаменитым актером.

— Собираюсь? Я? — Я быстро иду рядом с ним, пока он делает длинные, целенаправленные шаги.

— Ага.

— Ох. Я обдумываю все, что он сказал, пока он оформляет аренду машины.

Он искусно игнорирует взгляды и шепот людей, которые узнают его, и я пытаюсь делать то же самое.

Мы нашли нашу арендованную машину, однолетний красный кабриолет Корвет. Он скользит на водительское место и поворачивается ко мне.

— Адрес?

Я не задумываясь, говорю.

— 16543 Мэпл Гров Авеню. — Я в замешательстве моргаю. — Погоди. Мы на самом деле едем в дом моего отца?

Он отступает и выезжает с парковки гаража, прежде чем ответить, вбивая адрес, который я дала ему, в свой телефон, приложение GPS, скорее всего. Когда мы направляемся к родительским — моего отца — окрестностям, он лишь улыбается мне.

— Грэй, просто дыши. Я люблю тебя. Если ты не скажешь мне, без вранья, что не любишь меня, тогда все будет в порядке.

— Я люблю тебя. Правда, — шепчу я, и слова теряются в шуме ветра, когда Доусон опускает крышу.

Он все равно слышит, или читает по губам, или он просто знает правду.

— Хорошо. Тогда все будет в порядке. Ты любишь меня. Я люблю тебя. С остальным мы справимся. — Он посылает мне острый взгляд. — Ты жалеешь о том, что мы сделали? Что у нас есть?

Я яростно качаю головой.

— Нет! Я не... я не жалею. Это было... это было из ряда вон выходящее. Я просто... все перемешалось. Я не знаю, во что верить.

— Верь в меня. Верь в то, что я люблю тебя. — Он улыбается мне. — И верь в то, что однажды, когда все немного устаканится, я заставлю тебя кончить так много раз, что ты не сможешь ходить после этого несколько дней.

— Я уже едва могу ходить, — признаюсь я. — Я воспалена.

Он просто улыбается.

— Это был лишь разогрев, малыш. Я не начал раскачивать твой мир. Ты можешь в это поверить.

Я дрожу от горячего, голодного блеска в его глазах, и я верю ему. Я все еще запутана, но Доусон здесь, рядом со мной, любит меня, даже, если я убежала.

Я пытаюсь дышать, и стараюсь представить, что скажу папочке. Я даже не знаю, с чего начать.

После полуторачасовой нервной поездки из Атланты в Мейкон, мы останавливаемся у двухэтажного колониального дома из красного кирпича, в котором я выросла. Там, на лужайке, табличка «ПРОДАЕТСЯ», а поверх нее большим красным маркером написано «ПРОДАНО». Мой желудок сжимается. Папочка всегда парковался на подъездной дорожке, так что члены его паствы всегда знали, что он дома и доступен. Я выбралась из Корвета, Доусон позади меня, и подошла ко входной двери. Она заперта. Я нацупала кольцо от ключей в сумочке, так давно не использованных, и попробовала дверной ключ, от которого не избавилась. Он не подошел; замки сменили.

— Он... переехал, — остолбенела я.

— Дерьмо. Что теперь? Ты знаешь его номер? Или где ты можешь найти его? — Доусон рядом со мной, и моя рука в его. Я не помню, чтобы переплетала свои пальцы с его, но это успокаивает меня достаточно, чтобы я смогла дышать.

Я отхожу от двери, спотыкаюсь, падаю вниз, перескакивая по трем ступенькам на тротуар, от падения меня спасает Доусон, и помогает сесть в машину. Я сижу на кожаном

сидении цвета слоновой кости и вдыхаю в свои легкие горячий воздух Джорджии.

— Церковь. Он будет в церкви. Выезжай обратно на главную дорогу и поверни направо.

Двадцать минут спустя мы на самой пустой парковке Современной Мейконской Баптистской Церкви. Это огромное, развалившееся здание, с возвышающейся традиционной колокольной над главным святилищем, все сделано из белокаменных блоков и темных деревянных колонн по бокам. На месте у главного входа стоит старая модель красного Форда Тауруса. Машина принадлежит Луизе, папиному секретарю. Рядом с Таурусом древний F-150, который должен быть зеленым, но сейчас он весь ржавый, с красной слякотью и брызгами грязи, который принадлежит Джиму, дворнику. Там еще одна машина, она принадлежит Дугу, ассистенту пастора, и еще несколько других, которые я узнала не сразу. В нескольких местах от этих машин - папин серебряный трехлетний «BMW». Он здесь. Конечно он здесь.

Я снова не могу дышать. Вдруг мне снова двенадцать и я жду, пока выйдет папа. Воскресный вечер, после второй службы и встречи сотрудников молитвы. Я сидела на стоянке, на заднем сиденье автомобиля, читая книгу, в ожидании, чтобы мама и папа отвезли меня домой.

— Все хорошо, Грэй. Я здесь, — голос Доусона - тихое урчание, прорывающееся сквозь мое искаженное воспоминание.

Я качаю головой, глубоко дышу, возвращаясь с настоящего. Доусон здесь. Он... мой парень. Он мой. Я его. Он поможет мне встретиться с отцом. Я не должна нуждаться в помощи, но нуждаюсь. Я вытираю свои потные, липкие руки о бедра и затем выхожу из машины, закидывая сумочку на плечо. Доусон захлопывает за собой водительскую дверь и идет рядом со мной, беря за руку. Я колеблюсь перед стеклянной дверью, которая ведет в крыло церковного офиса.

Черная металлическая ручка горячая под моей рукой, и через стекло я вижу Луизу, проходящую через дверь, она идет по главному коридору, в ее руках большая коробка. Я открываю дверь, и она это слышит, поворачивается, и видит меня. Ее лицо мгновенно бледнеет. И затем прорывается ее южное гостеприимство, и она светлеет. Луиза опускает коробку на пол и торопится ко мне, руки вытянуты, чтобы обнять меня. Доусон отпускает меня и стоит с руками, засунутыми в карманы, пока я обнимаю Луизу. Она такая же, как и всегда, среднего роста, большая часть ее веса ушла в бедра, сидящие черные волосы уложены в густой начёс, покрытый лаком.

Внезапно я осознаю, как, должно быть, выгляжу, как пахну. Уверена, Луиза может почувствовать на мне запах секса, увидеть его в крысином гнезде моих волос. Я бы хотела, чтобы у меня было время принять душ, но сейчас ничего нельзя сделать.

— Грэй, как ты, милая? Почему я не видела тебя несколько лет? Я думала, ты никогда не вернешься, чтобы повидаться с нами! Разве ты не такая же красавица, какой была и раньше? О мой... кто этот высокий, привлекательный мужчина? — Луиза говорит без перерыва, ее акцент густой, как грязь, и звучит, как порвавшаяся гитарная струна. Потом она действительно рассматривает Доусона, и узнает его. — О-о-о, мой...

Она обмахивает свое лицо рукой, и ее большая грудь поднимается, глаза широко распахнуты. Она смотрит на меня, затем ее глаза еще больше распахиваются, пока Доусон делает шоу из того, как обнимает меня рукой за талию, низко, почти у поясницы. Я прижимаюсь к нему, опускаю голову ему на грудь, и это не показуха. Я нуждаюсь в его близости — должна вытянуть из него силу.

Луиза немного восстанавливает свое состояние.

— Это правда тот, кто я думаю?

Я киваю.

— Луиза Элдритч, это Доусон Келлор. Мой парень. — Я раньше никогда никого не представляла, используя эти два слова. У меня немного кружится голова.

Луиза нервно смеется, пока пожимает протянутую руку Доусона.

— Вот это да, Грэй! Как ты с ним познакомилась? Он еще красивее в жизни, чем в его фильмах!

Я хмурюсь.

— Почему, Луиза, ты хочешь сказать, что видела его фильмы? Я не думала, что ты смотришь такие фильмы.

Луиза краснеет и пренебрежительно машет рукой.

— Ну, ты знаешь, я... моя Айрис хотела посмотреть эти фильмы, которые были так популярны, знаешь те, о магии и что-у-вас-есть. Так что, конечно, я должна была посмотреть их, чтобы убедиться, что они подходят моей дочери. Заметьте, я не отпустила ее посмотреть их. Они были слишком переполнены ненужным насилием и сексуальностью, и... ну, не обижайтесь, мистер Келлор, но мы не поддерживаем такое поведение.

Доусон просто улыбается.

— Никаких обид, миссис Элдритч. Я знаю, некоторые мои фильмы не для всех. Если бы у меня была дочь, я точно не позволил бы ей смотреть мои работы, пока она не стала бы достаточной взрослой, чтобы понимать и быть разборчивой.

Луиза серьезно кивает, и затем поворачивается ко мне.

— И так, Грэй. Что привело тебя обратно в город? У меня сложилось впечатление, что ты переселилась в Лос-Анджелес на более-менее постоянную основу.

Это было способом Луизы сказать, что она знала о моем провале с папой, и хотела докопаться до сути.

— Папа в офисе? Я бы хотела увидеть его.

— Он там, ты знаешь это. Он просто... ну, я позволю ему сказать тебе. — Приветливый, благородный внешний вид исчезает, и я замечаю под этим проблеск внезапно умную, защищающую, и довольно осуждающую женщину. — С тех пор, как ты уехала, Грэй, многое изменилось. Я должна сказать. И твой отец... ну.. он изменился. Смерть твоей бедной мамы изменила его, и не в лучшую сторону. И когда ты уехала... Он не была в порядке, ты знаешь. Но я сказала слишком много. Это его история. Давай, пошли, милая. Я отведу тебя к нему.

Она ведет Доусона и меня через лабиринт коридоров и соединенных офисов к расширенному угловому папиному офису. Его дверь закрыта, и Луиза стучит один раз, небрежно, и затем открывает ее. Она проходит внутрь, я иду следом. То, что я вижу, шокирует меня.

Папа сидит на полу своего офиса, кучи справочников свалены вокруг него между пустыми коробками. Встроенные полки пусты, и аккуратные кучи коробок стоят в одном углу, закрытые и подписанные аккуратным почерком папы. У него на коленях четыре или пять книг, и он просматривает другие, которые потом убирает в сторону в маленькую стопку, берет одну со своих колен, проверяет корешок, перелистывает ее, и убирает в другую стопку. Он не слышал, как мы стучали, чтобы войти. Из маленькой подставки Bose iPod громко играет музыка: «Хиберния» Майкла У. Смита. Отличительный и прекрасный хор пианино с оркестром омывает меня, погружаясь в меня. Это одна из нескольких песен,

которые я действительно любила, особенно потому, что там было мало слов.

Я смотрю, как папа перелистывает другой толстый справочник. Он изменился. Стал худее, намного худее. Его волосы больше серебряные, чем светлые, они стали тоньше, и лысина, в верхней части его головы, значительно расширилась. Он выглядит... старым. И хрупким. Луиза опускается около него и шепчет ему на ухо. Его голова поднимается, и глаза фиксируются на мне.

Я тяжело сглатываю от путаницы эмоций, которые вижу в его взгляде. Я должна была позвонить. Должна проверить его. Между нами так много всего, и я понятия не имею, что он скажет, как он отреагирует на мое неожиданное возвращение.

Он поднимается на колени, затем на ноги. Луиза хватается за локоть и помогает ему, и я вижу нечто в том, как они кратко смотрят друг на друга, в том, как она помогает ему подниматься на ноги. Луиза тоже вдова, ее муж умер от сердечного приступа за три года до смерти мамы. Я замираю на месте, когда складываю вместе два и два. Папа проводит руками по своим брюкам, разглаживая складки, и затем делает три нерешительных шага ко мне. Он двигается медленно, и я застываю.

— Грей? — Его голос не изменился, все еще глубокий, мощный и громоподобный. — Ты вернулась?

Я смотрю на Доусона, который лишь ободряюще мне улыбается. Перевожу взгляд обратно на папу, и делаю шаг в его направлении. Мы все еще разделены несколькими футами, но я могу видеть, как меняются черты его лица, его глаза впитывают меня, исследуют меня.

— Я...я просто, я хотела... я имею в виду, — я понятия не имею, что сказать. Я не собиралась возвращаться.

Лицо папы смягчается, и он быстро приближается ко мне, обнимает меня, и держит. Он громко плачет.

— Мне так жаль, Грей. Мне так жаль. Я был таким упрямым. Я должен был ... Я должен был любить тебя. Я никогда не думал, что увижу тебя снова. Мне так жаль, Грей. — Он делает шаг назад и вытирает лицо рукой. — Прости меня, Грей.

Я никогда не ожидала такого от него.

— Я... конечно, папа.

Он закрывает глаза и оседает, падая в сторону Луизы. Она держит его и гладит по плечу.

— Я никогда... я думал, что навсегда потерял тебя. Я так сильно скучал по тебе.

Я смотрю мимо него на стопки книг, коробки, стол, очищенный от бумаг, ручек, и компьютера.

— Что происходит? Почему ты упаковываешь офис? И — дом. Ты продал его?

Отец выпрямляется, и затем обходит стол, заметно окрепнув и вернувшись к старому авторитету. Он выключает «Bose», прерывая «Хибернию», когда она начинает играть во второй раз, затем вытаскивает ящик, находит связку ключей с круговой маркировкой и одним ключом.

— Да, я на пенсии. Дуг берет на себя полный рабочий день в качестве пастора. Я все еще провожу несколько проповедей тут и там, но... да. Что касается дома... я переехал несколько месяцев назад, в квартиру, в нескольких минутах отсюда. Дом был... там было слишком тяжело жить. Он был слишком большим, слишком пустым. Он смотрит вниз и трет большим пальцем поверхность стола. — Там было слишком много воспоминаний. Хотя, я сохранил все твои вещи. Все, что принадлежит тебе, наряду с тем, что я не отвез в квартиру,

они в хранилище в нескольких милях от квартиры. Вот ключ.

Он протягивает мне ключ, и я беру его.

Луиза все еще в комнате, колеблется у двери.

— Ты в порядке, Эрик?

Он кивает, и нежно улыбается Луизе.

— Да, я в порядке, не... не беспокойся. — Для меня прозвучало так, будто он хотел сказать «дорогая». Должно быть, он увидел мое вопросительное выражение, когда я переводила взгляд с папы на Луизу и обратно, гадая. Он вздрагивает. — Луиза и я... мы... что я хочу сказать, мы...

Я прерываю папу.

— Папа, это твое дело.

— Я просто не хочу, чтобы ты думала...

— Я не готова для этого разговора. Еще нет.

Он кивает.

— Да, я вижу. Возможно, ты права. — Он смотрит мимо меня на Доусона, который прислонился к двери с телефоном в руках, праздно проверяя электронную почту или еще что-то. — Кто этот молодой человек?

Доусон незамедлительно делает шаг вперед, засовывая телефон в карман и протягивая руку. Я вижу, как папа тщательно исследует Доусона, и вижу, когда его поражает узнавание, за секунды до того, как Доусон представляется.

— Доусон Келлор, сэр.

— Эрик Амундсен. — Папа принимает руку Доусона, и они пожимают их. — Откуда вы знаете мою дочь?

— Мы вместе работаем над фильмом. — Мое сердце сбивается, когда Доусон, по видимому, отрицает наши отношения, но потом он продолжает. — Так мы познакомились. Я люблю вашу дочь, сэр. Грей - самый потрясающий человек из всех, кого я знаю.

Папа прочищает горло.

— Приятно с вами познакомиться. — У него миллион вопросов, и ему не нравится ситуация, и, вероятно, мой старый папа все еще там, но он оставляет это при себе.

Это исправление, это начало, и я его принимаю.

• Глава 15 •

— ...и «Оскар» как *«Лучшему Актеру»* достается... Доусону Келлору! — Ченнинг Татум хлопает в ладони, звук слишком громкий, так как хлопки были прямо перед самым микрофоном, его руки хлопают по конверту. Рядом с ним хлопает Эмма Стоун, и улыбается, когда Доусон поднимается на ноги и идет по проходу.

Когда Доусон проходит мимо меня, он наклоняется и шепчет мне в ухо, быстро целуя меня: *«Я люблю тебя»*. Доусон быстро поднимается на сцену, нежно обнимает Эмму, а затем они делают это мужское объятие с Ченнингом, похлопывая друг друга по спине. Мое сердце колотится, и я на ногах, кричу и аплодирую, когда Доусон принимает золотую статуэтку.

Я поражена, но в этом нет ничего нового. Том Хэнкс сидит в нескольких рядах позади нас, Тед Дэнсон в конце моего ряда, и Jay-Z, Бейонсе, и некоторые из их друзей сидят непосредственно передо мной. Я вижу известные лица повсюду, куда смотрю. А потом вот она я.

Фильм «Унесенные ветром» был кассовым разгромом, соперничая с «Аватаром» за самый кассовый фильм всех времен. Меня даже в титрах не было, но меня это мало заботило.

Я работала над ним, помогая создать его. Большую часть фильма я сидела рядом с Джереми Алленом Эрскином и наблюдала, слушала, училась. Я бегала по поручениям Доусона, Каза и Джереми, делала кучу записей. Все это время мы с Доусоном работали над собой. Он еще не сделал предложение. Я пытаюсь и говорю себе, что не тороплюсь. Я люблю его, и важно только это, но глубоко внутри, сомнения собираются во мне. Что, если он не сделает мне предложение? Что, если он передумает жениться на мне?

Он изменил свой контракт, когда мы вернулись в Лос-Анджелес из нашей поездки в Мейкон. Он целовал Роуз, но не делал каких-либо явных любовных сцен, и это также вошло в его райдер. Таким образом, хоть ремейк и был темнее, смелее, более красочным, в том числе секс-сцены, которые чуть не получили рейтинг NC-17, они почти полностью состояли из тел дублеров и компьютерных эффектов, после первоначального поцелуя.

И этот поцелуй между Доусоном и Роуз? Я держалась, несмотря на то, что мой живот думал иначе. Я должна была наблюдать за этим, снова и снова, дубль за дублем, пока Джереми, наконец, не был удовлетворен. Доусон был расстроен из-за этого так же, как и я, и это именно то, что помогло мне пройти через это. Если у него есть другие роли, которые требуют поцелуя, мне, возможно, придется взять длительный отпуск и не смотреть фильм.

Только я, наверное, буду работать над всеми его фильмами.

Все это проносится в моей голове, когда Доусон переносит свой вес перед трибуной, регулирует микрофон, и прочищает горло.

— Боже, это потрясающе. Большое спасибо, всем. Академии, это очевидно. Джереми, ты крут. Роза, Арман, Кэрри: вы лучшие партнеры, о которых я мог бы просить. Папе, за то, что привел меня в кино, когда мне было четыре года. — Он держит награду, и мое сердце поднялось к горлу. Упомянет ли он меня? — Хм, так что ... Я знаю, у меня мало времени, но мне надо еще кое-что сказать, и вы просто должны скорректировать свое расписание, потому что я заполучил микрофон. — Люди смеются над этим, и он облизывает губы, признак того, что он нервничает.

Что он делает?

Он находит меня, его глаза ловят мои.

— Грей? Поднимайся сюда, детка. — Я качаю головой, но не могу отказать ему.

Я встаю, поправляю подол своего платья, и иду к нему. Он подходит к лестнице и поднимает меня за руки, затем занимает свое место у микрофона, моя рука все еще лежит в его. Он засовывает свободную руку в карман, и его взгляд горит, отражаясь в моих глазах.

— Грей, малыш. Ты, вероятно, рассердилась на меня из-за этого, но ... Я в любом случае это сделаю. Я люблю тебя. Так сильно. Ты вернула мне мою жизнь.

Толпа бормочет, шепотом смеется, вздыхает. Я слышу, но не признаю их никак, кроме как фоновый шум. Я понимаю, что приближается. Я не могу двигаться, говорить, дышать. Я могу лишь наблюдать, как Доусон вытаскивает черную коробочку из кармана своих штанов, открывает ее, и показывает мне огромное, сверкающее кольцо с бриллиантом. Там около четырех карат, но даже блеск кольца не может оторвать мой взгляд от Доусона.

— Грей? Ты выйдешь за меня? — он произносит слова, затем опускается на одно колено, протягивая мне коробочку.

Я смотрю на кольцо, затем на Доусона. Есть лишь один ответ, конечно.

— Да, — говорю я тихо, и мой голос надламывается в конце. Я пробую снова, громче, наклоняясь к микрофону. — Да, да! Доусон, малыш.. ты сумасшедший, но да, я выйду за тебя.

Зрители завывают и кричат, и впервые я смотрю на них. Это ошибка.

Там тысячи людей, известных людей, важных людей, все смотрели на меня. Я никогда не была перед такой толпой, и мои колени подогнулись. Доусон ловит меня, когда я спотыкаюсь, он смеется, пока я в шоке и растерянно смотрю на него. Реальность того, что он только что сделал, что только что произошло, накатывает на меня. Он просто сделал мне предложение во время своей речи на церемонии вручения премии «Оскар». Он просто сделал мне предложение. Во время «Оскара». Большая часть мира смотрит это. В живую.

Я начинаю задыхаться.

И затем влажные, сильные губы коснулись моих, и я отдалась поцелую, рту Доусона, который поглощает мой, поцелуй, возвращающий мое дыхание. Я цепляюсь за него, за его широкие плечи, которые были твердыми под его шелковистым пиджаком. Он прерывает поцелуй, скользит кольцом на моем пальце.

Затем рядом с нами появляется Морган Фриман, высокий и внушительный, говоря Доусону своим потрясающим голосом:

— Ну, следующими ведущими должны были быть Джон Траволта и Рэйчел МакАдамс но вы и ваша невеста тоже могут оказать нам честь.

Рука Доусона прижала меня к своему боку, и я прислонилась к нему, стараясь не смотреть на толпу или в камеры. Доусон читает с суфлера, представляя следующую награду, за *«Лучшую Женскую Роль»*. Моя голова кружится и вращается, поэтому я колеблюсь, когда Доусон подталкивает меня рукой. Затем я понимаю, он хочет, чтобы я прочитал список имен. Я прочищаю горло и читаю слова с суфлера, имена актрис и фильмов, в которых они снялись, в который включена Роуз за роль Скарлетт.

Я горжусь собой, что провела награждение не запинаясь, а затем Доусон берет конверт у работника сцены в черном костюме, с гарнитурой. Он разрывает его, откидывает верхнюю часть, и читает.

— Оскар за *«Лучшую Женскую Роль»* получает... Роуз Гаррет! — Он улыбается и указывает своим Оскаром на Роуз, когда она поднимается со своего места. — Роуз, ты потрясающая. Ты это заслужила. И теперь, я, наконец, покидаю сцену. Теперь можете вернуть программу. — Все смеются над ним, затем он уводит меня со сцены в темноту задней сценической площадки. Мы в дальнем углу под красной табличкой **«ВЫХОД»**, и его черты лица купаются в лучах прожекторов. Он безумно счастлив.

Как и я.

— Ты злишься? — шепчет он мне, его голос около моего уха, низкий и интимный.

Я позволяю ему прижать меня к двери, и оставляю нежный поцелуй на его челюсти.

— Нет, я не злюсь, — шепчу я в ответ. — Удивлена. Я начала думать, собираешься ли ты когда-нибудь...

— Я хотел, чтобы это было то, чего ты никогда не забудешь.

— Не думаю, что когда-либо были подобные предложения. — Я захихикала, когда его рот спустился на мою шею, к впадинке моего горла, и затем ниже, к ложбинке. Я остановила его там. — Не здесь.

— Нет? — Он осмотрелся вокруг, шумный подъем на сцену, одетые в черное рабочие сцены, слоняющиеся туда и сюда, тихий шепот в наушниках. Здесь мы изолированы, но все

еще заметны.

Я качаю головой.

— Нет. Слишком публично. — Его рот не покидает мою кожу, и я должна была выпутаться из его захвата, смеясь. — Давай же. Доусон. Не здесь. Отведи меня в более приватное место, и можешь делать со мной все, что хочешь.

— Все что хочу? — в его голосе звучит темная грань.

Я становлюсь смелее.

— Все, что хочешь.

Он целует мою ложбинку еще раз, а затем выпрямляется, одергивая свой пиджак на место и поправляя галстук. Я поправляю платье, сдвигая свои груди и распуская волосы. Когда мы оба выглядим презентабельно, он ведет меня обратно в фойе, которое кишит журналистами, мужчинами и женщинами с камерами и микрофонами. На нас сразу напали потоком, вспышками камер, и вопросами. Я держусь за Доусона и улыбаюсь, не пряча руку, на которой красуется кольцо, и стараюсь не паниковать; пускай видят. Эти ситуации всегда сводят меня с ума, и это, как правило, все, что я могу делать, чтобы оставаться спокойной, и позволяю Доусону вести разговор. Если бы тут была лишь я, я бы испугалась и попробовала убежать, но Доусон всегда спокоен, и уверен в себе.

И потом кто-то задал мне прямой вопрос.

— Грей, сюда, Грей. Ты была удивлена предложением Доусона? Ты чувствовала давление, перед тем, как сказать «да», потому что была перед зрителями?

Доусон начинает отвечать, но останавливается, когда видит, что я отвечаю.

— Была ли я удивлена? Да, конечно. Я имею в виду, вы видели мою реакцию. Чувствовала ли я давление? Нет, совсем нет. Я знала, он собирается сделать мне предложение — я просто не ожидала, что это будет посреди «Оскара». — Я рассмеялась на это, и толпа репортеров сделала это вместе со мной. — Я ответила «да», потому что люблю его, и хочу выйти за него замуж. Давления совсем не было. Кроме того что, я имею в виду, миллионы людей наблюдают за тобой в этой ситуации, это всегда страшно.

И потом Доусон прекращает вопросы и тянет меня на дорожку к ожидающему нас лимузину. Грег за рулем, и я даже не знаю, откуда он узнал, что нас нужно забрать, но он здесь, и я скольжу на сиденье, настолько изящно, насколько это возможно, чтобы попасть в лимузин с низкой посадкой в вечернем платье.

Это была молчаливая поездка по Лос-Анджелесу, рука Доусона на моей ноге, наши пальцы переплетены. Я почти ожидала, что он сделает свой шаг в лимузине, но он этого не сделал. Я напряглась, думаю, что он собирается со мной делать, но это взволнованное напряжение. Я хочу его. Я хотела позволить ему взять меня на заднем сидении, но я недостаточно храбрая для этого вида всеобщего обозрения. Предложение было достаточно публичным.

Доусон роется в консоли, находит какой-то кабель, и подключает его к своему телефону, а затем нажимает несколько кнопок на консоли. Через некоторое время, в динамиках звучит музыка. Я смеюсь, когда слышу песню «*Выходи за меня замуж*» группы «Train».

— Серьезно? Мило, Доусон.

— Изначально, я хотел включить эту песню, пока бы мы ехали, и я собирался сделать предложение в машине. Но потом понял, это было недостаточно хорошо. Ты заслуживаешь всё. Целый мир. Конечно, ты заслуживаешь предложение, останавливающее шоу. — Он

поднимает мою левую руку и рассматривает кольцо. — Это был риск, делать его публично. Я не был уверен, как ты отреагируешь. Я имею в виду, я был на 99,9 процентов уверен, что ты скажешь «да», но...

— Ты публичный человек, — говорю я. — Так что, если бы я не была готова, что весь мир это увидит, я не смогла бы быть с тобой. Это было страшно, но... Я думаю, предложение - клише в ресторане - это был бы не ты.

— Ты имеешь в виду, кольцо на дне бокала с шампанским? — Я смеюсь, и он пожимает плечами, выглядя почти смущенным. — Я почти сделал это, вообще-то. Я потратил так много месяцев, пытаюсь придумать лучший способ спросить тебя, что это превратилось в снежный ком. Я был напуган. Никакой лжи. Потом, когда меня номинировали на «*Лучшую Мужскую Роль*», я знал, вот оно. Я просто не был уверен, что ты, ну, не упадешь в обморок, или еще что.

Я смеюсь, вспоминая слишком ярко, как близка я была к этому.

— Я чуть не упала!

Его взгляд возвращается к моему.

— Я никогда не позволю тебе упасть.

— Я знаю.

Затем он целует меня, и, как и всегда, и теряюсь в нем, охотно падаю в счастье от его рта на моем.

Затем мы оказываемся под аркой дома Доусона, и Грег открывает для нас дверь. Доусон поднимает меня, я в его руках, и Грег бежит вперед, чтобы отпереть дверь и впустить нас, но он не идет за нами. Я слышу, как закрывается дверь и лимузин уезжает. Мое сердце снова грохочет, потому что он смотрит на меня торфяным-и-темным взглядом, горячими и голодными глазами. Он несет меня по дому, к двери, которая ведет к его — нашему — гаражу. Я не двигаюсь и удивляясь, жду.

Он облизывает губы, когда мы проходим автомобиль за автомобилем. Старый, новый, блестящий, с вмятинами, в различных стадиях завершения. Мы подошли к концу, к «бугатти». Зеркальная отделка отражает мягкое свечение огней на потолке, и наши фигуры, когда мы подходим к ней. Он ставит меня на ноги у капота автомобиля. Я смотрю на него, ожидая, и предполагая.

Я изучила его за прошедший год. Он никогда не удовлетворен, никогда не насыщен. Он всегда хочет меня. Он хочет меня в секунду после того, как кончает внутри меня. Он хочет меня во сне, в душе, в своем исследовании, на съемке.

И он брал меня почти во всех этих местах. В том числе на съемках Тары, во время съемок фильма «Унесенные ветром». Он привел меня туда поздно ночью, на крыльцо полноразмерного плантационного дома, построенного в сельской местности, недалеко от Атланты. Он взял меня прямо там, на крыльце, лежа на одеяле, которое он привез с собой, в теплой осенней ночи сияли звезды и пели лягушки.

Я прошла контроль рождаемости, пока мы были в Мейконе, и полюбила то чувство, когда он обнаженный во мне, нас ничто не разделает.

— Что угодно? — спрашивает он снова.

Я не сомневаюсь.

— Что угодно.

Есть лишь одна вещь, которую мы не делали. Я все еще чувствую себя неудобно с нормальными терминами для вещей, и Доусон думает, что моя чистая и приличная речь -

мила. Я готова позволить ему это делать, но не уверена, что он для этого привел меня в гараж.

Он улыбается, хищный, эротический блеск в его глазах. Он откидывает прядь волос с моих глаз, а затем его руки скользят по моим плечам, вокруг моей спины. Я одета в платье от Живанши Кутюр, которым Доусон удивил меня, подарив, для сегодняшнего появления. Оно скромное и чувственное, демонстрирует мои изгибы, и в то же время не открывает слишком много кожи. После того, как я закончила со стриптизом, я нашла свой собственный стиль, собрание сексуальности и вкуса. Я постепенно выясняла, кто я.

Я Грей Амундсен, и я горю желанием.

Его руки передвигаются на молнию между моими лопатками и тянут ее вниз очень медленно, я дрожу, когда костяшки его пальцев касаются моей кожи между увеличивающимся промежутком. Он стягивает тонкие бретельки с моих плеч движением рук, и платье мягкой волной опадает на пол, формируясь в медленную кучу кружева и шифона у моих ног. Мой сюрприз для Доусона раскрывается: под платьем на мне ничего нет. Дыхание покидает его с медленным вздохом, и он грызет свою верхнюю губу, упиваясь моим телом.

Вместо того чтобы прикасаться ко мне, он пятится, поворачиваясь к стене в последнюю секунду, где находится встроенная док станция. Эти доки динамиков находятся в каждой комнате дома, в том числе и в ванной. Он устанавливает свой телефон, прокручивает песни, пока не находит ту, которую хочет. Быстрый электронный бит заполняет гараж, и я сразу узнаю песню. Это «Палладио» в исполнении Silent Nick, одна из любимых песен Доусона для занятий, и одна из моих любимых песен, чтобы танцевать. Он подходит ко мне с вилянием бедер, подскоком в каждом шаге. Конечно, он может танцевать. Он умеет делать почти все.

Он обхватывает мои голые бедра руками, и мое тело движется с его, чувственное извивание наших тел под музыку. В ритме музыки, я достаю до его тонкого черного галстука и развязываю его, обернув вокруг своей шеи, а затем снимаю его пальто. Я расстегиваю пуговицы, одну за одной, освобождая их в такт, пока вместе танцуем, а потом бросаю рубашку на пол поверх пальто. Пока мы двигаемся, его руки скользят по моим бокам, держат мои ребра, прямо под моими качающимися грудями. Его глаза останавливаются там, поэтому я подчеркиваю движение моей верхней части тела, заставляя их еще больше покачиваться и вилять, и его губы растягиваются в улыбку. Я расстегиваю его ремень, вытягиваю из штанов, и отбрасываю в сторону, подальше от автомобиля, а затем медленно расстегиваю его штаны. Его тела движется в такт музыке, его скульптурные абдоминальные мышцы смещаются и напрягаются, когда он танцует со мной, сжимаю руками мой зад, запутываясь пальцами в моих волосах, прослеживая изгиб моего живота к бедрам. Я позволяю его брюкам упасть на пол, и он выходит из них.

Он остается лишь в боксерах-брифах, хлопок темно-бордового цвета обнимает его тугой зад, выпирает там, где его мужественность натягивает хлопок. Там, где его кончик касается ткани, появилась точка влаги. Я провожу пальцами по серой резинке, постепенно спуская ее вниз по его бедрами в такт музыке, покачивая своими бедрами, потираясь о него своей ложбинкой, наклоняясь, чтобы украсть быстрый поцелуй, и тогда я теряю терпение и стягиваю с него нижнее белье, и он выходит из боксеров, откидывая их в сторону.

И теперь мы оба обнажены, в гараже, танцуем, наши тела отражаются в зеркальной отделке его «бугатти», его темная кожа сочетается с моей. Песня сменилась, другое

вступление, быстрая песня. Мы продолжаем покачиваться, танцуя, наши тела сближаются. Моя грудь трется о его, и он опускается на колени, чтобы взять в рот сосок. Я задыхаюсь, и он сосет, пока мои колени не сгибаются, а затем он снова выпрямляется, танцуя со мной, грудью к груди. Его рука крадется между нашими телами, и я развожу ноги в стороны, чтобы позволить ему войти. К концу песни моя щека прижимается к его, и я задыхаюсь, пока мы вместе покачиваемся, теряя ритм, когда я распадаюсь на части под его прикосновением.

Доусон поворачивает меня в своих руках, когда я кончаю. Он по-прежнему движется в такт музыке и все, что я могу делать, это позволить ему держать меня, пока ударные волны проходят сквозь меня. Он наклоняет меня вперед на капот автомобиля, его эрекция твердая рядом с моим задом. Я ожидаю его внутри себя, но все еще не уверена, каков его план.

— Я хотел сделать это с первого дня, как встретил тебя, — рычит он мне в ухо.

— Сделать что?

— Заняться с тобой любовью на капоте этой машины. — Мое тело прижато к холодной поверхности капота. — Открой глаза, — командует он. — Смотри на нас. Наблюдай за нами.

Вблизи, наши отражения не искажаются. От моего дыхание запотевают зеркальная поверхность, где моя щека прижимается к металлу, но я вижу его позади себя, мускулистая масса, плоский живот, массивные плечи и толстые руки, и у меня захватывает дыхание, как это всегда бывает, от того, насколько он совершенен. Я вижу себя, свое лицо, мои щеки покраснели, волосы выпали из поднятой вверх прически Луизы, моего стилиста, которые она укладывала. Густые пряди обрамляли мои щеки и рот. Мои глаза широко раскрыты, шея выгнута, когда я смотрю на нас, и отражение моей груди сливается с моей плотью, пока я согнута над капотом.

Его руки на моих плечах, а глаза встречаются с моими в отражении. Он ласкает мою спину, позвоночник, плечи, ребра, бедра. Укрепляет хватку на моих бедрах и сильно тянет меня к себе, и я не могу ничего поделать, вдавливаюсь в него, нуждаюсь в нем внутри меня. Мне это нужно. Я такая же ненасытная, как и он. Хотя я никогда не брала на себя инициативу, пока мы не находимся вместе в данный момент. Когда я чувствую, что он близок к оргазму, вот когда я перенимаю руководство и привожу его к кульминации. В противном случае, я позволяю ему брать меня, как хочется ему, позволяю решать ему, как он хочет меня. Я люблю загадку, потому что он всегда изобретательный и творческий, и всегда думает сначала о моем удовольствии, чем о своем. Он никогда не кончает раньше меня, если я не использую на нем свой рот. Так что теперь я по-прежнему не двигаюсь, и жду. Но мне это нужно, так сильно, и это маленькое влияние моих бедер - это мой способ сказать ему поторопиться.

Он отпускает мои бедра и берет внушительное полушарие моей задницы в обе руки, и затем его палец, средний палец правой руки, скользит в расщелину и находит мой задний вход. Я покрываюсь мурашками, задыхаюсь и хочу этого, правда, но не уверена, что готова.

Его палец скользит по мне, там, и я вздрагиваю.

— Я хочу тебя здесь.

— Сейчас? — мой вопрос выходит удушливым звуком.

— Нет, малыш. Еще нет. Ты не готова. — Даже если он говорит это, его палец давит, немного, мягкое применение давления.

— Не готова?

— Нет, — он хихикает, но затем быстро успокаивается, и его глаза сужаются. — Ты

звучишь... почти разочарованно. Ты хочешь этого?

Еще немного давления, и я стараюсь не дернуться в сторону, но давление такое мягкое и неустанное, и теперь там появилось небольшое вторжение, и я стала задыхаться.

— Я...о...Боже...я любопытная.

— Ты полюбишь это. Я знаю, так и будет. Ты такая идеальная, такая чувственная. Такая отзывчивая.

— Я громкая. — Даже чересчур, и эти два слова все, что я смогла выдавить. Не могу поверить, что позволяю ему делать это, но потом, да, могу, потому что люблю все, что связано с ним, и я верю ему. И это ощущается так хорошо.

— Я люблю это в тебе. Я люблю то, что могу заставить тебя кричать. Это игра, в которую я играю сам с собой. Чтобы увидеть, как громко могу заставить тебя кричать. Когда я трахну тебя в задницу, я должен сделать это подальше от людей, потому что, малыш, ты будешь кричать.

Я стону, когда вторжение становится присутствием, и мои бедра отодвигаются, немного, по собственному желанию. Мои глаза закрыты, и я чувствую, другой рукой он нашел мою щель и клитор, и я не в состоянии остановить небольшой крик экстаза, когда он снова подводит меня к кульминации. Мое терпение вышло. Я приподнимаюсь на носочках и трусь своими складочками о его твердость, молча умоляя его.

Медленно и мягко он убирает палец.

— Ты готова, малыш? Его голос, словно шелк, скользит по мне, его рот у мое ушка, его грудь прижата к моей спине.

— Да...— выдыхаю я. — Сейчас.

— Это приказ? — его голос изумленный.

Я киваю, моя щека прижата к холодной поверхности «бугатти». Я делаю голос тверже и вкладываю всю команду в произнесение, насколько могу, вытягивая шею, чтобы встретить через плечо его горячий, ореховый взгляд.

— Сейчас, Доусон.

Он буквально рычит, и его зрачки расширяются. Его мужественность дергается и утолщается.

— Б**дь, это горячо. Ты должна приказывать мне чаще.

Я буду, но он держит свою эрекцию в руке и дразнит ею мой клитор. Костяшки его пальцев трутся о внутреннюю часть моих бедер, пока он двигается, и я напрягаюсь для неподвижности, ожидая, что он скользнет в мои складочки.

Он так и делает, но это леденяще м-м-м-е-е-е-д-д-л-л-л-е-е-е-е-н-н-н-о-о-о-о, и ох - постепенное слияние тел.

— Не могу дождаться, чтобы назвать тебя своей женой, — бормочет он, склоняясь надо мной, чтобы шептать на ушко.

Я стону, от его слов и от того, что он вошел в меня.

— Я тоже. Но... ты уже мой муж — мы просто еще не произнесли слова.

Он полностью скользит в меня, бедра рядом с изгибом моей задницы.

— Правда.

Это все, что он говорит, потому что в это мгновение слова не имеют значения. Он выходит, и скользит обратно внутрь. Мой стон - тихое дыхание рядом с капотом. И тогда он берет мои бедра в свои большие руки и притягивает их, поднимая меня. Я толкаюсь вверх на руках и на носочках, позвоночник выгибается, полностью приподнимаясь. Он толкается

глубоко, и я молча кричу, рот широко открыт.

— Наблюдай за нами, малыш.

Я открываю глаза и смотрю вниз на наше отражение. Грудь висит низко, качаясь от нашего быстрого ритма, и его очертание позади меня, загорелый и огромный, вся моя кожа покраснелась, затем я передвигаю свой взгляд вниз, и меня гипнотизирует вид нашего соединения. Я могу видеть все в отражении капота, его твердая длина выскальзывает наружу, мои складки напрягаются и растягиваются, чтобы принять его полностью, затем он двигается, и я наблюдаю, как он входит в меня, и моя кровь дико вскипает, адреналиновая похоть течет через меня, от нашего эротического вида, движущихся вместе тел. Я сжимаю его мускулами своей вагины, и он стонет, а мои стенки сжимаются вокруг его эрекции; я чувствую, что он набухает и увеличивается, и я знаю, он близко, знаю, скоро моя очередь.

Он теряет свой ритм, его движения становятся непредсказуемыми. Он держит мое бедро одной рукой, и грубо дергает меня к себе. Мне нравится грубость. Я люблю это. Это чувственная вещь, обратно-интуитивная. Грубость его пыла, именно тогда я больше всего люблю секс с ним, когда он теряет контроль. Другая его рука держит одну раскачивающуюся грудь и сжимает, мнет, удерживает, дразнит пальцами сосок и зажимает его, и он теряется в этом — его глаза закрываются и пот бисерится на лбу, а он двигается быстрее и быстрее.

Сейчас. Сейчас моя очередь.

Я приподнимаюсь на пальчиках, сжимаю своими стенками, и врезаюсь в него. Он стонет, и я делаю так снова. Я начинаю двигаться под ним, в его толчках. Раньше я двигалась с ним, подстраивалась под него, теперь я встречаю его толчки самостоятельно, сильнее и сильнее.

— Трогай себя, — приказывает он, затаив дыхание.

Он наблюдает. Я упираюсь головой в предплечье на капоте «бугатти», поднятая на носочки. Обе его руки двигаются к моим бедрам, и он поднимает меня, так что я вообще не касаюсь пола ногами, голова и грудь на капоте, и он вбивается в меня, когда я скольжу пальцами к моей гладкой плоти.

Я начинаю кончать, и он двигается жестче, растягивая меня своими толчками, и я кричу, вою, бесконтрольно, и затем чувствую, что он начал дрожать, и я возвращаю свое дыхание, помня что он сказал мне насчет того, чтобы я командовала им.

— Говори мое имя, когда кончаешь, — сказала я ему. Также я знаю, ему нравится, когда я ругаюсь, что я делаю не часто, так что сейчас я даю ему и это. — Выкрикивай мое имя, когда трахаешь меня.

Он ревет, рев грубой чувственности, и глубоко толкается в меня.

— Грей ! О ... Боже ... Грей, любимая. — Затем он кончает, ни ритма, ни структуры, просто движение и отчаяние. — Я люблю тебя, еб*ть, я так сильно тебя люблю.

Он наполняет меня. Я чувствую освобождение, чувствую, как внутри меня бьет струей влажность и тепло. Он продолжает трахать меня. Бесконтрольно и сильно, и я встречаю его собственным ритмом, выдаивая его освобождение, и я кончаю снова, чувствуя еще один его спазм, когда я опадаю на машину и толкаюсь в него бедрами, наши тела замедляются и смягчаются, и снова становятся чуткими.

Я прихрамываю напротив зеркального серебра «бугатти», благословенная прохлада рядом с моей сексуально-разгоряченной плотью. Его мужественность смягчает внутри меня, толчки раскачивают нас обоих, сквозь меня проходит дрожь, его спазматические дрожащие толчки, которые делают отголосок во мне сильнее.

Он задыхается, пыхтит, но выходит из меня, поднимает и прижимает меня к своей груди, и целует в висок, покусывает мочку уха, затем вниз к моей челюсти и плечу. Наша кожа гладкая, горячая и потная, и мы оба тяжело дышим, и я никогда в своей жизни не была счастливее, чем в данный момент. Я чувствую, как меня уносит настоящая радость, проникающая глубоко с кости. Он дарит ее мне, это радость, со своей любовью. Я опускаю голову на его плечо, и он разворачивает нас, чтобы поцеловать мои губы, оставив нас еще более задыхающимися, чем когда-либо.

Он поднимает меня в своих руках, без усилий, и несет в дом, оставив свой телефон, музыкальный проигрыватель, и дверь в гараж открытой. В гостиной он нежно кладет меня на диван, открывает крышку пуфика и достает толстое, мягкое одеяло. Он скользит на диване позади меня, его позвоночник напротив спинки дивана. Мы потные и липкие, и я люблю его. Его мягкая мужественность рядом с моей задницей, и мы дремлем так, мысль о том, чтобы он взял там пролетает в моей голове.

Я хочу этого.

Я позволяю грязной мысли плавать в моей голове: я хочу его член в своей заднице.

Я почти хихикаю в слух от грязной, пошлой, чувственной мысли, но она слишком эротична, чтобы смеяться над ней, и я почти засыпаю, дрейфуя и дремля с его рукой, рассеянно поддерживающей одну мою грудь, другая вклинивается между нами и диваном.

Когда мы проснемся, я заставляю его взять меня таким способом.

Или, может быть, так как его день рождения на следующей неделе, я подожду его дня рождения, и устрою для этого специальное событие.

Он ворочается во сне, двигаясь рядом с моей задницей, и я гадаю, пока сон уносит меня, как это будет ощущаться. Как и все, что он делает, потрясающе, я уверена.

Я собираюсь стать его женой.

• Глава 16 •

Сейчас вторник, четыре часа дня. Доусон читает сценарий; он достиг уровня, когда ему едва нужно прослушивание, но, видимо, у людей с кастинга и у директора на уме еще несколько актеров со знаменитыми именами на эту роль, и им нужно увидеть, кто им подходит. Я на Родео Драйв, занимаюсь шопингом для его сюрприза на день рождения завтра вечером. Конечно, будет большая вечеринка, большая, шикарная, организованная его менеджером, Одри. Это важно, с тех пор как сливки общества, присутствующие в списке приглашенных, как будто из журнала «ОК».

Это должно быть весело, своего рода играть роль. Я еще несколько раз появлялась с Доусоном, - не на таком большом или драматическом событии как Оскар, очевидно, - и каждый раз я чувствовала, что должна быть гламурной, уверенной версией меня, молодой привлекательной спутницей, забавной. Я должна носить дорогие наряды и ювелирные изделия, и пожимать руки с такими людьми, как Кэмерон Кроу и Адам Каролла, Дженнифер Лоуренс. Да, это волнительно, но действует на нервы. Особенно с тех пор, как я в бизнесе, как маленькая-крошечная рыбка в огромном, опасном океане. И эти платья? Я трачу время, беспокоясь о том, что платье, возможно, порвется или я оставлю на нем пятно, а оно стоит столько же, сколько стоят дома большинства людей.

Я уже сделала маникюр и педикюр, и после того, как я закончу с покупками, придет Луиза и займется моей прической и макияжем. Это - иметь личного стилиста - моя любимая часть быть с кем-то столь богатым, как Доусон. Это мелко и ужасно, я знаю, но это чистая

правда. Девочка во мне любит, что есть кто-то, кто прихорашивает и укладывает мои волосы, пока они не становятся идеальными, и делают мне макияж так, как я бы никогда не смогла. У Луизы такая техника, что она делает мои глаза достаточно дымчатыми, чтобы я была сексуальной, но не слишком сильно, чтобы я не выглядела как Шлюха из Джерси, а так бы все и закончилось, если бы я делала это сама. Луиза пыталась показать мне, но у меня никогда не получалось.

Маникюр и педикюр каждую неделю, это тоже здорово.

Я даже не хочу упоминать личного массажиста. Это был бы грубо.

Я делаю шаг в магазин нижнего белья «Agent Provocateur», и мое сердце поднимается к горлу. Я всегда покупала нижнее белье в «Kohl's», или, если получала дополнительные деньги, в «Victoria's Secret». И всегда только обычные трусики и бюстгалтеры. Я никогда даже не пробовала настоящее белье. Самое смелое нижнее белье, что у меня есть, это лифчик без спинки и без бретелек, который я купила для первой большой ночи с Доусоном, где я знала, нас будут фотографировать.

Женщина, которая встречает меня, отполированная и утонченная, картинка совершенства Родео Драйв. Она высокая, стройная, и платиновая блондинка. Она представляется как Вайолет, и это самое уместное, что я могу себе представить.

— Я могу вам помочь что-то найти? — ее голос как шелк.

— Я, — ну... мое горло пересохло, и я понятия не имею, что спросить. Я даже не знаю, с чего начать. Я решаю быть честной; в ином случае я опозорюсь. Вероятно, я больше никогда снова не смогу зайти в этот магазин. — Я никогда не покупала... белье. Это для моего пар... моего жениха. Завтра его день рождения, и я хочу надеть что-то, чтобы удивить его.

Она беспристрастно кивает, ее выражение лица не меняется, хотя я почти чувствую исходящее от нее презрение.

— Вижу. Покупаете что-то особенное, чтобы он мог развернуть, хм?

— Что-то вроде этого. У него уже почти все есть, так что единственное, что я могу дать ему из того, что он чертовски хочет, это... ну, я, — я краснею, когда говорю это, но это правда.

Я замечаю, что ее выражение слегка меняется, и понимаю, что она узнала меня, но не может узнать, откуда. Это странно, когда тебя узнают.

— А, я вижу, — говорит она, осматривая меня сверху вниз, оценивая. — Вы очень высокая, даже без каблуков. Также очень... щедро одарены. У вас, вероятно, размер D, но в окружности не больше 32-34. — Она обходит меня, чтобы рассмотреть мою попу. Это странно, когда женщина так тщательно тебя рассматривает. — Четвертый размер, скорее всего, — произносит она почти неодобрительно.

Я понимаю, несколько запоздало, что она привыкла видеть миниатюрных женщин определенного размера и форм, которые приходят сюда, и я не такая. В ее голосе нет никакой очевидной снисходительности — она слишком профессиональна для этого — но осуждение очевидно. Я притворяюсь, что не заметила. Она измеряет меня, а потом показывает различные виды белья, некоторые из них костюмы для всего тела, которые оставляют меня почти голой, другие нечто большее, чем сложные и кружевные комплекты бюстгалтеров и трусиков. Что привлекает мой интерес, это корсеты. В этом отделе есть все виды интересных и сексуальных комбинаций, бюстье, баска и корсеты, некоторые из них прозрачные, некоторые непрозрачные, все подтягивают и поддерживают фигуру. Не то, что

мне нужно подтягивать и поддерживать. В этом смысл белья, не так ли? Чтобы подчеркнуть и пустить в ход то, что у тебя уже есть?

Я понимаю, когда просматриваю, что здесь странные размеры. В их белье у меня 4 размер, когда обычно, в любом магазине, где я когда-либо делала покупки, у меня 8 или 10. Я примеряю несколько различных вариантов, и останавливаюсь на комплекте, который Вайолет называет «Корсет Лии». Он телесного цвета, складки мягкой ткани обхватывают тело и завязываются на спине, поднимая и сжимая и все вокруг, обеспечивая достаточной физической привлекательности, что даже я могу сказать, что выгляжу хорошо. Доусон воспламенится.

После того, как Вайолет все туго натянула и завязала, я осмотрела себя в зеркале, и представила его реакцию. Он... о, мой бог. У него в глазах будет этот взгляд, туманный, опасный, расширенные зрачки и хищный блеск грубой похоти и кости пожирающей любви.

— Я возьму этот, — говорю я Вайолет.

Я одеваюсь и жду у стойки, пока она упаковывает белье для меня и пробивает ее. Я не смотрела на ценник, так что мое горло закрывается, когда я вижу цифры на экране: 1,709.25 долларов. Я должна была напоминать себе дышать, говорить себе, что это нормально. Я могу себе это позволить.

Я протянула ей банковскую карточку «Чейз банка», которую Доусон открыл для меня. Она на мое имя, снимает с его аккаунта. Прямо здесь любовь и доверие. Давать девушке кредитную карточку с доступом к миллионам долларов? Хорошо для него, я не материальная девушка. Я не пойду и не потрачу кучу денег на бриллианты, одежду и обувь. У меня есть то, что мне нужно, и если и есть то, чего я хочу, намного веселее сказать об этом Доусону и позволить ему купить это для меня. Не поймите меня неправильно — мне нравится шоппинг также, как и любой девушке, но я наслаждаюсь, получая подарки от моего любимого больше, чем покупая их для себя. Это более полезно. Плюс, тогда я поблагодарю его так, что мы оба будем наслаждаться.

Вот почему это белье я покупаю действительно для нас обоих. Я бы никогда не надела корсет для себя. Он жесткий, неудобный, ограничивающий. В нем я чувствую себя сексуальной, как грех, но это для него. Он для того, чтобы он жаждал моего тела больше, чем уже есть, что физически невозможно. И это для меня, с тех пор как он насытится, он снимет его с меня и заставит меня кричать, пока соседи не подумают, что меня убили.

Я дрожу лишь думая о том, что собираюсь попросить его сделать со мной.

Я потеряна в мыслях о его прикосновениях и поцелуях, когда покидаю магазин, и не замечаю папарацци, пока оказывается не слишком поздно.

— Грей, Грей, сюда, Грей! Что ты приобрела в «Agent Provocateur», можешь показать нам?

— Грей, что ты чувствуешь по поводу предложения Доусона?

— Что ты купила Доусону в подарок на день рождения? Оно в этой сумке?

— В вашем будущем с Доусоном есть дети?

Я моргала от вспышек, пытаясь дышать и сохранять спокойствие, и игнорировать шквал вопросов. И тогда прозвучал вопрос, который заставляет меня паниковать.

Он исходит от мужчины лет 30, у него длинные грязно-светлые волосы и высокий, покрытый прыщами лоб, жестокие карие глаза, и висящий пивной живот.

— Грей, это правда, что ты была стриптизершей?

Я не могу не реагировать. Я знаю, что не должна, что реакция придает

правдоподобность вопросу, но я не Доусон. Мои глаза тянутся к репортеру, задающему вопрос.

— Нет ... без комментариев. — У меня слабая паника. Теперь все выйдет наружу, и это разрушит карьеру Доусона. И мою.

— Давай же, Грей, мы оба знаем правду. У нас есть общий друг, видишь. Некий мистер Тимоти Ван Даттон. Он сказал, ты была его лучшей танцовщицей.

— Без комментариев. — Я попыталась протолкнуться мимо, но они не позволяли мне пройти.

Его улыбка похотливая, ликующая.

— Как насчет этого, если это правда, скажи «без комментариев» снова. Я имею в виду, нет смысла это отрицать. Он все мне о тебе рассказал. Ты не ходишь топлес, кроме как на сцене. — Он облизывает губы, и его глаза наполнены очевидным вожделением к моему декольте. — Жаль, что я никогда не видел, как ты танцуешь.

Я не отвечаю. Выхожу на улицу, едва избежав столкновения с серебристым «мерседесом». Они следуют за мной, бомбардируя меня вопросами.

— Грей! Это правда? Ты была стриптизершей?

— Грей, вернись! Где ты танцевала? Как получила работу?

— Можешь показать нам пример своего танца?

— Посмотри на меня, Грей! Как долго ты была стриптизершей? Ты когда-нибудь оказывала сексуальные услуги?

Я еще не плачу, но почти. Я убегая, и знаю, это равносильно подтверждению, но ничего не могу поделать. Наконец я в своем «ровере», почти в квартале от магазина, и они толпятся вокруг меня, повторяя вопросы, сверкают камеры, поднимают руки, чтобы сделать снимок, микрофоны и диктофоны, флип-камеры снимают мое покрасневшее лицо, мокрые глаза и дрожащие руки.

Я знаю, хоть одна камера не засняла одну слезу, которая скатилась из моего глаза, когда я заводила «ровер». И в следующую секунду я дала задний ход, не обращая внимание на тех, кого могла задавить. Впервые, я поняла гнев, на который отвечают знаменитости, оказываясь в таких ситуациях. Я задыхаюсь, каждый вдох хриплый и быстрый. У меня кружится голова, но я не собираюсь останавливаться. Гудки говорят мне, что я веду беспорядочно, и я слышу визг шин и тормозов, но продолжаю движение, позволяя автопилоту отвезти меня домой.

Доусона нет дома. Я хотела, чтобы он был. Он нужен мне.

Я оказываюсь в спортзале, сидя посреди танцпола, рыдая. Я слышу, что в какой-то момент открывается входная дверь, и жесткость мышц говорит мне, что я уже много времени провела на полу, плача.

— Малыш? Что случилось? — Он поднимает меня и садится со мной у него на коленях.

Я зарываюсь лицом в его грудь и пытаюсь дышать. Я снова начинаю плакать.

— Они... они узнали, узнали правду.

— Кто? О чем?

— Репортеры. Папарацци. Они узнала... что я была стриптизершей, — я давлюсь на этом слове.

— Кто узнал? — Я описала репортера, который задал вопрос, и что он сказал. Доусон смачно выругался. — Чертов Ларри Томински. Этот парень чертова пи*да.

— Я старалась придерживаться «без комментариев», как ты говорил мне, но... я была

так расстроена.

— Ты подтвердила это словами? — его голос мягкий, но резкий.

Я в отрицании мотаю головой.

— Нет, конечно нет. Но суть в том, что я была так расстроена... я бежала, и плакала. Это такое же подтверждение, если бы я сказала «да».

Он сжимает меня.

— Ты отлично справилась, малыш. Они стервятники. По-другому ты бы ничего не смогла сделать. Все будет хорошо.

— Нет, Доусон. Не хорошо. — Я встала, и он придвинул меня в свои объятия, его губы на моей челюсти. — Все узнают. Они поверят в это, и никто не будет нанимать меня. Они будут судачить обо мне, о тебе. О нас. Это отразится на твоей карьере. И моей.

Он вздыхает.

— Грей, пожалуйста, послушай меня. Я знал с самого начала, что они узнают. Это было неизбежно. В этом бизнесе нет никаких секретов, ни для кого.

— Ты знал, что они узнают?

Он кивает.

— Конечно. Ты думала, никто никогда не узнает? Ты думаешь, Каз не знает, что ты делала на стороне? — Он звучит почти весело. — Каз знал, детка. Ты никогда об этом не упоминала, так что и он тоже воздерживался от этой темы. И также я. И для наших карьер... это не имеет значение. Ты думаешь, ты единственная, кто занимался стриптизом в колледже? Это ничего. Не в этом дело. Это даже не будет помехой, если ты протрахала себе путь. Девушки трахают свой путь к вершине все время. Так делают и парни. Никто не невинен. Не в жизни, и, конечно, не в Голливуде. Мы будем игнорировать статьи и слухи, и в конечном итоге это затихнет. Не отвечай на любые вопросы, и ты будешь в порядке.

Я ослабеваю около него.

— Я не хочу, чтобы они знали. Мне стыдно. Я не... я хочу претворяться, что этого никогда не было.

Он крепко удерживает меня, поддерживает своими руками за талию.

— Но они знают, детка. — Он касается моего подбородка, и я смотрю на него. — Не стыдись себя, Грей. Ты выживала. Ты заботилась о себе. Я горжусь тобой.

— Я чувствую такое... отвращение. Когда я думаю об этом, я хочу бросить все снова и снова. Я ненавижу знать, что я это делала. Что я была ... что я позволила мужчинам...

— Сейчас все закончилось. Тебе никогда не придется делать это снова. — Его слова - дыхание в моем ухе. — Я всегда позабочусь о тебе. И я никогда не позволю кому-то плохо говорить о тебе, или заставлять тебя плохо себя чувствовать. Ты моя леди, Грей. Моя. И это означает, никто снова не будет говорить и тебе дерьмо, или заставлять тебя чувствовать дерьмом. Никто, никогда. Включая тебя.

— Мне жаль, Доусон, я просто...

— Тебе не о чем сожалеть.

— Но это твой день рождения, и я развалина.

Он смеется, смахивая волосы с моей щеки.

— Мне не важно, детка. Вечеринка не начнется еще несколько часов, и даже если у нас дом полный народа, мне плевать на это. Ты мой приоритет. Если ты расстроена, к черту всех остальных — я снова сделаю тебя счастливой.

— Ты делаешь меня счастливой.

— Тогда улыбнись и поцелуй меня. В таком порядке.

Я пытаюсь улыбаться, и почти удачно. Воспоминания по-прежнему проносятся в моей голове. *Глаза на мне, огни омывают каждый дюйм моего тела, на заднем плане пульсирует музыка, руки тянутся ко мне. Пальцы набивают сальные доллары в ляжки моих стрингов.*

— Эй, малыш. Я дам тебе сто баксов, если ты отсосеешь мой член.

— Я дам тебе тысячу баксов, если ты поедешь со мной домой.

Не-столь-тонкий шепот приятелей.

— Эй, Майк, зацени задницу этой чики. Я могу бороздить это дерьмо часами, бро.

И это абсолютно нормально, ожидаемо. У меня нет права жаловаться. Я просила этого, с тех пор как предоставила им свое тело.

— Ты больше не там. — Голос Доусона возвращает меня обратно в настоящее. — Ты больше не там. Теперь ты моя. Только моя.

— Только твоя. — Правда, это как волна света, уничтожающая свет. Я еще не совсем могу улыбаться, но могу смотреть на него, отвечать на его мягкий ореховый взгляд. — Обещаешь?

— Ты носишь мое кольцо? — спрашивает он, вместо ответа. Я расправляю ладонь на его груди и смотрю на кольцо. Оно поглощает свет и преломляет его, как сверкающее белое солнце. — Вот оно где. Но мне все еще нужно увидеть твою улыбку.

Я выдавила улыбку, и Доусон закатил глаза. Я ударила его ладонью по груди.

— Не то, чтобы я могла просто быть счастливой. Это тяжело. Это расстраивает. Это воспоминания, и они всегда у меня будут, останутся в памяти, даже если я этого не хочу.

Он просто моргает, затем наклоняется и касается небольшим поцелуем уголка моего рта.

— Тогда мне придется найти способ, чтобы порадовать тебя. Заставить тебя забыть.

— Ты слишком далеко. Чуть левее, — выдыхаю я. Он улыбается у моей щеки и целует мою верхнюю губу, всасывая ее в рот. — Ближе. Ниже. Он скользит ртом по вершине выреза моей рубашки, целуя и целуя. — Это далеко. Но ... может сработать. Продолжай.

— Вверх? Или вниз?

— Не важно, это сработает. Он снимает мою рубашку и целует живот прямо под лифчиком.

Он дергает чашечку лифчика вниз, когда дверь в зал открывается и Луиза просовывает голову внутрь.

— О, извините, извините. Я... я ухожу. Сожалею.

Доусон опускает голову к моей груди.

— Остановлены стилистом. — Он поправляет и тянет мою рубашку вниз. — Ты должна идти, приводить себя в порядок, а?

Я качаю головой.

— Нет, я... я нуждаюсь в тебе. — Я обрушиваю свой рот на его, беру его руку в свою, и веду ее вниз.

Он собирает ткань моей свободной хлопковой юбки в руках и прикасается руками к моей интимной части.

Я не хочу говорить это, но он знает. Он всегда пытается заставить меня грязно выражаться, но этого не происходит, пока меня не захватывает жар момента. Хотя, я могу показать ему. Я соединила наши пальцы и подтолкнула их под резинку нижнего белья, и затем его пальцы внутри меня, и мой лоб прижат к его груди, я тяжело дышу. Он спускает

мою юбку, стягивает нижнее белье, и я выхожу из него. Пока он касается меня, подводя меня ближе и ближе к оргазму, я дергаю его ремень и пуговицу, освобождая эрекцию и скользю руками вокруг нее, пока его колени не подкашиваются, и он твердый, огромный и пропускает жидкость на кончике. Я научилась говорить, когда он близко, и я ласкаю его длину медленно и осторожно. Как правило, он поднимает меня, пронзает и уже заставляет кончить, но он придерживается того, что я делаю на этот раз. Когда он у края, я прижимаю губы к его уху и говорю сквозь чувство стыда.

— Сейчас. Возьми меня сейчас.

— Ох, спасибо, мать его, — рычит он.

Он убирает руки из местечка между моими бедрами и поднимает меня за задницу. Я оборачиваю ноги вокруг его талии и целую в висок, когда он делает длинные шаги к стене. Моя спина ударяется о стену, и он внутри меня. Он все это время держал меня на краю оргазма, так что я в отчаянии. И цепляюсь за его плечо и поднимаюсь, опускаюсь, поднимаюсь, опускаюсь, объезжая его твердость, задыхаясь, когда каждый его толчок возносил нас на небеса.

Затем его средний палец путешествует между моими ягодицами, находит горячий, узкий центр, и надавливает. Я кусаю его за плечо и стону, поднимаясь с его длины и затем опускаюсь вниз. Его палец медленно скользит в меня, и я такая узкая, что чувствую выпуклость его первой фаланги, когда она входит в меня, и сейчас я рычу, низкие звуки в глубине моего горла, ошеломляюще дикие шумы.

— Я хочу тебя сюда, — шепчет он. — Когда-нибудь скоро, малыш.

Я улыбаюсь тайной улыбкой в его плечо. Он понятия не имеет, как скоро.

Мысли невозможны, когда мы оба достигаем точки не возврата, и, крича, падаем за край. Он взрывается во мне, стреляя толстой, влажной волной внутри меня, и я сжимаюсь вокруг него каждым мускулом, двигаясь вместе с ним.

Когда мы оба восстановили дыхание, он отстраняется и смотрит на меня. Я улыбаюсь от уха до уха, яркая улыбка насыщенного счастья.

— Вот и улыбка, которую я ищу. И каким способом нужно было добиться ее. — Он целует приподнятые уголки моего рта, и улыбка, которую он посылает мне, такая яркая и красивая, что я задыхаюсь, напоминая, как мне повезло иметь такого мужчину, владеть любовью этого мужчины.

Он спускает меня, и мы оба стонем, когда он выскальзывает из меня. Я сжимаю в руке свое нижнее белье и тянусь за длинным, медленным поцелуем. — Спасибо, — говорю я.

— За что?

— Что любишь меня. Восхищаешь меня. Что ты мой. Что ты тот, кто ты есть.

— Я должен быть тем, кто благодарит тебя.

— Я опередила тебя в этом, — произнесла я, затем развернулась и покинула зал, заставляя свои бедра покачиваться немного сильнее, для его выгоды. Я чувствую, как его взгляд приклеивается к моей заднице, когда я иду. Все негативные мысли изгнаны силой любви Доусона.

Я принимаю быстрый душ и пишу Луизе, чтобы она встретила со мной в ванне. Да, теперь у меня есть телефон. Это было своего рода обязательно для Доусона. Луиза не хотела встречаться со мной глазами, пока занималась моими волосами и макияжем.

Вечеринка долгая, и интенсивная. Армандо здесь, очаровательный, как и всегда, и Каз. Я замечаю Каза около полуночи.

— Ты знал? — Это вылетает тупо, почти сердито.

Он улыбается и делает глоток скотча.

— Конечно, Грей. Это мое дело, знать о своих стажерах и потенциальных сотрудниках.

— Но Нина, ты уволил ее...

— Я уволил ее, потому что она была проституткой и лгала об этом. Она не была стриптизершей, Грей. Она была эскортом. — Он снова делает глоток скотча, и вытаскивает длинную, толстую сигару из внутреннего кармана своей куртки, отрезает кончик, зажигает ее в толстых клубах едкого дыма, и затем смотрит на меня сквозь туман. — Ты делала то, что должна была, чтобы остаться на плову. Ты сдержанно молчала об этом. Нина? Она выпендривалась тем, что делала. Я узнал, что она использовала мою клиентскую базу данных, чтобы связаться с мужчинами. Я узнал об этом, потому что один из них позвонил в мой офис и снова просил воспользоваться ее услугами. Когда я спросил ее об этом, она все отрицала. Я бы оставил все как есть, если бы она не афишировала это, но я не терпел и не буду терпеть лжецов.

Он берет бокал белого вина с подноса, проходящего мимо официанта и протягивает его мне. Я аккуратно потягиваю его, медленно, я до сих пор редко пью, и не достаточно, чтобы напиться.

— Я беспокоилась, что ты уволишь меня, если узнаешь. Я никогда не говорила тебе, и боялась, что ты все выяснишь, или уволишь за то, что я не рассказала тебе.

Каз смеется, подбавленным смехом.

— Ох, Грей, такая наивная. — Он обнимает рукой меня за плечо, его сигара дымится у моего лица, заставляя мои глаза увлажниться, а в горле щекотать. — Я бы не уволил тебя. Я должен сказать, я рад, что ты больше этим не занимаешься. Это тебе не подходит. Ты слишком хороша для этой жизни.

Каза украл нервно-выглядящий молодой сценарист, который работал над «Унесенными ветром», вероятно надеясь продвинуть идею. Я ходила от одной кучки гостей к другой, болтая, улыбаясь, и стараясь вести себя так, будто я знаю, как быть хозяйкой. Иногда я чувствовала себя самозванкой. Будто кто-то сможет увидеть сквозь мою маскировку, указать на меня и смеяться, и говорить: *«Ей здесь не место! Она просто простушка их Джорджиш!»*

Этого никогда не случается, конечно, потому что все это в моей голове.

Я на своем третьем бокале вина, самое большее, что я когда-либо пила... пью? В одно время за всю жизнь. У меня немного кружится голова, немного расслаблена. У меня потрясающие беседы с самыми популярными людьми в мире. Здесь Шакил О'Нил, по какой-то причине, которую я не могу понять. Он милый. Джек Николсон намного симпатичнее, чем я думала, он будет, основываясь на всех ролях, которые он играл.

Я обнаружила себя на заднем дворе, у бассейна, окруженная толпой молодых продюсеров и парнями из звукозаписи, и она говорят о каком-то проекте, над которым все вместе работают, и я в состоянии выяснить, какой фильм на основе контекста, что заставляет меня чувствовать себя довольно умной. Я слушаю и учусь, из-за вина. Мне нравится это ощущение, медленное, легкое, свободное жужжание в голове. Разговор идет легко, и ребята вокруг меня слушают, когда я говорю, и отвечают на мои вопросы без снисхождения. Я чувствую, что я часть бизнеса. Я внутри него, и это ощущается потрясающе.

Рука забирает пустой бокал вина и дает круглый стакан, полный сверкающих квадратных кубиков льда и янтарной жидкости в моей руке. Я беру бокал и смотрю на него, не понимая. Зачем мне это пить? Я не пью спиртное. Я едва пью вино. Я поднимаю голову и

смотрю на человека, который дал его мне. Он высокий и стройный, выглядит хорошо, как хипстер. На нем узкие черные джинсы и белая не заправленная рубашка под безрукавкой в ромбик. Развязанный галстук завершает образ. Его волосы длинные и неопрятные, а глаза остекленели, но направлены на меня. Я думаю, он может быть агентом, или, может быть, техник. Я где-то видела его раньше, но не знаю, где. Это беспокоит меня.

Я протягиваю бокал ему.

— Я бы хотела вино, спасибо.

Он толкает его обратно ко мне.

— Это «Блю Лейбл», детка, это одно из лучших виски здесь. Просто попробуй.

Эти два слова — «Блю Лейбл» — возвращают запутанное воспоминание, которое я отгоняю прочь.

— Нет, правда. Мне такое не нравится. — Но зачем-то я все равно делаю глоток, по какой-то причине. Я кашляю, но то, как после оно жжет, когда я проглатываю его, это не неприятное чувство. Я делаю еще один глоток.

Хипстер счастливо улыбается.

— Видишь? Не так плохо. Я Павел, кстати.

Я пожимаю его руку, и он не дает мне сразу отстраниться.

— Привет, Павел. Я...

— О, я знаю, кто ты, Грейси. — Он удерживает мою руку, не обращая внимания на мои попытки вытянуть ее. Его улыбка меняется. Становится темнее.

Мой кайф умирает. Мне нужно выбраться из этого разговора, сейчас. Но он по-прежнему держит меня за руку. Я тяну, но он не отпускает. Я смотрю вокруг, но группа, с которой я разговаривала, рассеялась, и мы с Павлом одни у бассейна. На другой стороне есть люди, возле дома, но мы на противоположной стороне, скрыты от вида дома огромной стеной пальм.

— Не знаю, что ты думаешь, ты слышал, но мое имя Грей. Я невеста Доусона.

Он отпускает мою руку, но его ладонь оборачивается вокруг моей спины и он прижимает меня к себе. Я сопротивляюсь, он и смеется.

— О, давай же. Мы оба знаем, кто ты на самом деле. Я видел тебя, ты знаешь. Е «Экзотических ночах». Я был постоянным клиентом. Я любил наблюдать, как ты танцуешь. Затем ты исчезла и клуб закрылся, но вот ты где. Станцуй для меня, Грейси.

Я подняла колено и ударила так сильно, как могла в его пах, и он отступил назад, кашляя. Павел уронил бокал, который держал, и он разбился о землю, виски обрызгали мои сандалии.

Он пошатывается, спотыкается, смотрит на меня с ненавистью в глазах.

— Ты сука! Ты стриптизерша. Это все, кто ты есть. Чертово роскошное платье не может это скрыть. — Он делает шаг ко мне.

Я роняю бокал, когда уклоняюсь от него, и он тоже разбивается, и затем огромные руки оборачиваются вокруг моих плеч, отстраняя меня. Я сопротивляюсь, и затем застываю, когда понимаю, что огромные лапы принадлежат Грегу. Вспышка движения, и затем Павел летит. Он врезается в дерево, и потом Доусон поднимает его с земли рукой вокруг его горла. Павел задыхается, издавая сдавленные звуки. Его ноги в трех дюймах от земли, и Доусон держит его в воздухе одной рукой.

— Доусон, — произносит Каз спокойно, шагая со скотчем и сигарой в одной руке. Он опускает свободную руку на плечо Доусона. — Не надо. Грег выведет его, и я занесу его в

черный список. С ним покончено.

Павел качает головой, более напуганный этим утверждением, чем мыслью о жестокой расправе Доусона. Доусон отпускает его и разворачивается. Павел опадает на землю, кашляя, наклоняется дважды, задыхаясь. Я думаю, все кончено, и Павел тоже, открывая рот, вероятно, чтобы умолять о своей карьере, о затем Доусон разворачивается назад и его кулак бьет, врезаясь в лицо Павла. Он падает в сторону, и Доусон собирается снова ударить его, прежде чем я поймала его руку. Я кладу руки на лицо Доусона и его руки оборачиваются вокруг меня.

— Нет. Хватит. Я в порядке. Все кончено. — Я беру его руку и потираю костяшки большими пальцами.

Доусон находится на грани, ярость делает его больше и сильнее, в его глазах насильственный блеск, когда он смотрит на Павла.

— Грей, он...

— Он ничего. Это твой день рождения. Просто пусть он уйдет. — Я встречаюсь с глазами Доусона, и даю увидеть, что я в порядке.

И правда, я в порядке. В одном Павел был прав. Роскошные платья и дорогие украшения не могут спрятать ту, кем я была, что я делала. Но это в прошлом. Я больше не этот человек, и не невинная и наивная дочь пастора, которая уехала в Лос-Анджелес. Но они обе это часть той, кто я есть, кем я должна была быть, но это больше не я.

Всегда приятно, когда бьешь выродка коленом по яйцам.

Я смеюсь над несвойственной мыслью, и выражения Доусона меняет от гневного до запутанного.

— Что смешного?

— Просто, я думала, как хорошо было бы прибить этого придурка по яйцам.

Доусон бормочет, а затем взрывается смехом, и также Каз и Грег.

— Просто не делай этого со мной.

Я тянусь и беру его ладонками между ног.

— Никогда. Я слишком сильно люблю их. Каз и Грег кашляют и отворачиваются, и я понимаю, что все еще немного под кайфом, если я правда только что это сказала и сделала это перед ними.

На мгновение Доусон шокировано молчит.

— Черт, Грей. Ты должна пить чаще, если это делает тебя такой. Ты очень сексуальна, когда ты навеселе.

Я позволяю Доусону увлечь меня внутрь, и мы сидим в гостиной на диване. Я потеряла счет тому, как много бокалом вина я выпила, когда мы разговаривали с нашими друзьями. Комната пустеет, пока там не остается лишь семь или восемь человек, сидящих на диване, двухместном диване, в кожаных креслах, разговаривая всю ночь, и становясь все пьянее и пьянее, пока Доусон не держит меня, и наблюдает за мной, оценивая меня, и позволяя делать мне то, что я хочу. Каз зажигает сигару и передает ее Доусону, который затягивается, и затем, с причудливой улыбкой, подносит ее к моим губам. Я делаю маленькую затяжку и кашляю, задыхаясь. Мужчины смеются, так что я беру ее у Доусона и делаю еще одну попытку, и может быть это просто вино, но я чувствую себя сексуальной, держа ее и куря, как актриса из сороковых, сидящая на пианино в облегающем платье.

Доусон качает головой, но его глаза блестят.

Я, пошатываясь, встаю, и затем снова сажусь. Доусон хихикает.

— Нужна помощь, малыш?

Я киваю.

— Мне надо пописать. — Я звучу как Джорджия больше, чем когда-либо, и понимаю, что медленно поднимала свой акцент всю ночь, с момента инцидента с Павлом, который был много часов назад. На кабельной коробке говорится, что сейчас 3.26 утра. Не могу поверить, что я все еще в вертикальном положении.

Я чувствую, что что-то происходит с моими ногами, и я смотрю вниз, чтобы увидеть, что Доусон расстегивает сандалии на каблуках, которые я ношу, снимая одну, затем другую. Я наблюдаю за ним, и позволяю делать это, и затем он полу-несет меня в ванную. Ну, не полу-несет. Я прижимаюсь к нему, мои руки вокруг его талии. Я бы определенно упала, если бы его здесь не было, но он тут, и я в порядке. Он заводит меня в ванную, но не отпускает. Удерживает меня за плечи, когда я неуклюже сосредотачиваюсь на том, чтобы задрать платё, спустить бельё, и сесть пописать. Теперь его двое, по какой-то причине. Больше сексуальности, на которую можно смотреть, так что все в порядке. На его лице веселая улыбка, на обоих лицах.

— Что? — спрашиваю я.

— Ты мурлычешь.

Я небрежно киваю.

— Определенно пьяна. Это забавно?

Он смеется и помогает мне встать прямо, пока я одеваюсь и мою руки.

— Да, любимая, это так. Очень забавно.

Мысль приходит мне в голову, и я поворачиваюсь, чтобы нахмуриться на него, или какой из них двоих настоящий. Я закрываю один глаз, и остается лишь он один. Я аккуратно произношу слова. — Я не смутила тебе перед твоими друзьями? — Ну, это было очень невнятно.

Выражение лица Доусона бесценно, смешное и нежное одновременно.

— Нет, малыш. Нисколько. Мы все были раньше немного небрежны. Ты прекрасна, и ты идеальна. Просто веселись и расслабься. Я позабочусь о тебе.

— Но... это твой день рождения. Ты должен веселиться и напиваться, не я.

Он убирает мои волосы пальцем.

— Это лучшая вечеринка в честь дня рождения, которая у меня была, не смотря на мудака Павла. И я довольно пьян, малыш. Сейчас почти четыре часа утра, и я пью с семи.

Я благоговейно смотрю на него.

— Но... ты даже не кажешься пьяным.

Он смеется над этим.

— У меня очень много практики.

Я киваю. В этом есть идеальный смысл. Я думаю о чем-то еще, чтобы сказать ему.

— Я знаю... знаю, остальные дарили тебе сегодня подарки, но не я. Но у меня есть для тебя подарок. Я просто не могу отдать тебе его до завтра. Или сегодня. Неважно. Это сюрприз.

Доусон снова одаривает меня этим веселым, но любящим взглядом.

— Ты - подарок, малыш. Ты все, что мне от тебя нужно.

Я улыбаюсь.

— О, я уверена, тебе он понравится. Но это сюрприз. Я думаю, что уже говорила это, но не могу вспомнить. — Вдруг, я почувствовала себя очень пьяной, и очень уставшей.

Доусон видит, и без труда поднимает меня.

— Ты готова отправиться в кровать, не так ли? — Я киваю, и он мягко целует меня. —

Тогда отдыхай.

Я дремлю, и чувствую, как он опускает меня на нашу кровать, укрывает меня. Он трясет меня за плечо, и я просыпаюсь. Он дает мне в руку стакан воды и в другую кладет пару таблеток.

— Это поможет тебе не испытывать сильное похмелье с утра. Спи, малыш. Я люблю тебя.

После того, как я проглотила аспирин, я смотрю на него одним глазом.

— Ты лучшее, что со мной когда-либо случилось, Доусон Келлор. — Это последняя ясная мысль, которую я могу выразить.

— У тебя запоздалые мысли, любимая. — Он целует меня, и я хочу поцеловать его в ответ, но я уплываю. — Думаю, мы лучшее, что случилось друг с другом.

Это правда, такая правда. Но я полностью онемела, приятно расслабляясь. Комната вращается, кровать наклоняется и опрокидывается подо мной. Я открыла глаза, но комната не двигается, и я понимаю, это все в моей голове. Я расслабляюсь, и ускользаю под волны сна. Я чувствую, как рука обвивает мою талию, и он позади меня. Время проходит, птицы щебечут в сером небе, и затем я проваливаюсь вместе с ним.

• Глава 17 •

Луиза пришла ко мне, чтобы сделать прическу, макияж и затянуть корсет. Она уже некоторое время была моим стилистом, и стала другом, и в любом случае, она единственная, кого мне было удобно попросить затянуть на мне корсет. Она завязывает узел и обходит меня, чтобы окинуть оценивающим взглядом.

— Черт, Грей. Это... ты выглядишь довольно хорошо, девочка. — Она улыбается мне. — Это должно быть сюрприз на день рождения для Доусона, м-м-м?

Я киваю, нервно улыбаясь.

— Ага. Я не была уверена, что купить ему, с тех пор как он, ты знаешь, имеет все, о чем только можно подумать. Это хорошо выглядит? Раньше я никогда ничего такого не носила.

— Не думаю, что «хорошо» правильное слово, сладкая. — Она с намеком поднимает брови. — Думаю, твоему мужчине будет очень тяжело решать, хочет ли он тебя в этом костюме или без него. Он будет в беспорядке, знаешь, что это значит?

Я смеюсь с ней, удовлетворенная, но все еще нервная. Я надела халат, который купила по этому случаю, легкий, шелковый, который едва прикрывал мои бедра. Я свободно завязала его, так что у него будет хороший вид на мою ложбинку, не раскрывая, что под ним. Луиза ушла, после того как обняла меня, аккуратно, чтобы не запутать волосы. Они аккуратно заколоты вокруг шеи, но она вставила шпильки, чтобы Доусон легко мог их освободить. Он любит мои волосы распущенными.

Пожилой человек, который смутно напоминает Майкла Кейна, встречает меня наверху лестницы.

— Внизу все готово.

Я поблагодарила его, и компания, обслуживающая ужина уходит. Я думала о том, чтобы приготовить весь ужин сама, но у меня было мало опыта в приготовлении роскошных ужинов. Я иду в столовую, и я ошеломлена. Они не просто привезли еду, они превратили в столовую в романтический ужин на двоих, со свечами и букетами роз. Эффект элегантный,

но не слишком женственный. В конце концов, это его день рождения. Он играет в гольф с Армандо и еще несколькими друзьями, что было моим предложением. Мне нужно было, чтобы он ушел из дома, чтобы я могла приготовить все это и себя.

Как раз вовремя, я слышу, как он заходит из гаража. Я сажусь на стул сбоку от стола, оставляя место во главе стола для него. Я жду, мое сердце, как говорится, грохочет. Я никогда не делала ничего подобного, и я отчаянно надеюсь, это сделает его счастливым.

— Грей? — Я слышу, что он кладет ключи и сигнализацию, когда ставит телефон на зарядку.

— Я в столовой, — кричу я.

Он останавливается в дверном проеме, и его глаза расширяются при виде цветов и свечей, слабое освещение люстры, разнообразие его любимых блюд, и я. По большей части, он смотрит на меня.

— Святое дерьмо, малыш. Что это?

Я встаю и иду к нему, чувствуя себя страстной.

— С днем рождения, любимый. — Я не часто использую выражения нежности, не как он, так что когда я использовала одно, он это замечает.

— Что под халатом? — спрашивает он с ухмылкой, потянувшись к поясу.

Я останавливаю его руки.

— Твой подарок. Но ты не сможешь увидеть его до того, пока мы не поедем.

Его глаза темнеют от похоти.

— Боже, малыш. Ты убиваешь меня. Ты выглядишь так хорошо, что лучше бы я съел тебя.

— Очень скоро, — обещаю я. — Но сначала, садись.

Он выдвигает стул и садится. Дорогая бутылка его любимого белого вина открыта и дышит в ведерке со льдом. Я наливаю ему бокал, ставлю перед ним. Он наблюдает за мной, любопытный. Обычно, он делает эти вещи для меня. На мой день рождения несколько месяцев назад, он арендовал целый ресторан, заказал еду, но сам подавал. Даже в повседневности, он делает вещи для меня. Делает мне закуски, наливает вино, заботится обо мне. Так что теперь моя очередь заботится о нем.

Он потягивает вино, и я скольжу телом между его колен и столом. Он удерживает бокал вина в руке и смотрит на меня.

— Что ты делаешь, малыш?

Я не нервничаю, не совсем. Я делаю это не очень часто, но это то, что я хочу дать ему. Я скольжу на колени, опускаю руки ему на бедра, и улыбаюсь ему.

— Это.

Он одет в глупую одежду, которую мужчины носят на гольф, но он выглядит горячо даже в почти белых штанах и пастельно-оранжевой рубашке с воротником. Я расстегиваю его штаны, и его глаза расширяются в понимании.

— Грей, милая...

Я даю ему еще одну вещь из того, что он любит: меня, веду себя доминирующе.

— Заткнись и пей свое вино.

Он улыбается и потягивает вино, затем приподнимает бедра, когда я стягиваю его штаны достаточно, чтобы обнажить его для того, что собираюсь делать дальше. Он уже тверд, и я захватываю его обеими руками, лаская кулаками вверх и вниз его значительную длину, обхватывая рукой голову, и затем потираю кончик большим пальцем. Он на

мгновение закрывает глаза, затем снова делает глоток вина, встречаясь с моими глазами. Я удерживаю его взгляд и опускаю свой рот к его эрекции и оборачиваю губы вокруг его толщины. Он громко вздыхает, когда я беру его, пока он не оказывается в моем горле, и затем отстраняюсь.

Он ласкает изгиб моей шеи свободной рукой, пока я сосу его в заманчивом безумии, и затем отстраняюсь и позволяю ему немного опасть. Я облизываю его кончик, провожу ртом сбоку снизу вверх, прежде чем снова обвить его губами. Я ласкаю его яйца одной рукой, и другой сжимаю его у основания, пока он не стонет. Когда я чувствую, что он начинает терять контроль, я скольжу рукой вверх и вниз по нему быстрее и быстрее, медленно двигая своим ртом, в контрасте со скоростью своей руки.

— Боже, я... — Но у него нет времени сделать что-то еще, чтобы предупредить, прежде чем он потерялся в стоне блаженства.

Я знала, что это приближается, так что предупреждать не было необходимости. Я не остановилась, пока он изливался мне в рот. Я продолжала, двигала и сосала, и его стоны такие отчаянные наполненные удовольствием, что я тоже стону или мой звук, или ощущение вибрации заставляет его кончить снова, еще сильнее, и я продолжаю, пока он не задыхается и поднимает меня.

Он натягивает свои штаны, пока я встаю, и затем притягивает меня к себе, и я дарю ему поцелуй.

— Первая часть твоего подарка, — произношу я.

Его глаза находят мои.

— Детка, это было... Боже, это было так чертовски хорошо. Спасибо.

Он наливает мне бокал вина, и я сажусь и пью. Он накладывает еду нам обоим, прежде чем я смогла это сделать, и я позволяю ему, потому что думаю, это просто в его природе делать такие вещи для меня. Мы разговариваем, пока едим длинный, роскошный ужин. Он получил роль, которую читал, современная драма о мужчине, который справляется с медленной смертью отца в то же время, когда он обнаруживает, что его жена изменяет ему. Это разворот от экшена и секса, и романтики, и я думаю, это будет хорошая роль для него. Когда мы закончили с десертом, я веду его за руку в нашу спальню. Он несет наши бокалы вина и вторую охлажденную бутылку, наливает каждому новый бокал.

Я делаю глоток своего, и затем убираю его в сторону, мысленно готовясь для следующей части сюрпризу для Доусона.

— Садись на кровать, — говорю я ему. Он садится на край кровати, и я стою перед ним, лицом к нему. Я колеблюсь над узлом моего халата. — Часть вторая, — произношу я.

— Как много частей в этом подарке?

— Три.

Я расслабляю узел, позволяя концам пояса упасть, и затем медленно опускаю халат. Его глаза расширяются, когда халат раскрывается, и затем он двигается на месте, когда я позволяю ему упасть с моих плеч. Он делает случайный глоток вина, но его взгляд не беспечный. Он ничего не говорит, но и не отводит взгляд от меня, ни на секунду. Его дыхание глубокое, и его глаза предают его. Я стою смиренно, когда он встает, ставит бокал на прикроватный столик, и затем идет, чтобы встать в футе от меня.

— Господи, малыш. — Его руки обводят изгиб моей талии, опускаются к моим бедрам. — Я не знаю, сорвать эту вещь с тебя так быстро, как могу, или оставить его на тебе, чтобы я мог смотреть на тебя.

Я смеюсь.

— Это именно то, что Луиза сказала, будет твоей реакцией, когда она позволяла мне завязать его.

— Умная женщина.

— Тебе правда нравится?

Его руки проходят по задней части моих бедер, обхватывая мою попку. Пожар согревает мою сердцевину от его прикосновения.

— Боже, черт, Грей. Нравится? Ты так чертовски прекрасна, что я буквально не могу стоять. Я должен напомнить себе продолжать дышать, потому что ты отнимаешь мое дыхание. Он целует мою шею сбоку, мое плечо, выступ моей груди. — Господи. У меня даже нет слов. Ты заслуживаешь эпическую поэму или еще что-то. Оду. Или нет, это не правильно. Я, мать его, не знаю... ты моя богиня, Грей Амундсен, и я собираюсь поклоняться тебе.

— Ты хочешь знать, что за третья часть? — спрашиваю я.

Он качает головой.

— Еще нет, я все еще оцениваю вторую часть. Он трогает меня везде, хваля меня своими руками.

Доусон касается каждого дюйма меня от головы до кончиков пальцев, и затем начинает снова своим ртом, воздавая почтение своими горячими, влажными поцелуями.

Никогда в своей жизни я не ощущала себя такой могущественной, такой любимой. Когда он целует меня по своему усмотрению, стоя позади меня. Он развязывает узел, затем ох-так-медленно ослабляет завязки, пока корсет не готов был разойтись. Он разошелся, и на мне не было ничего, кроме телесных трусиков с бантиком сверху, и они были следующими. Сейчас я в его руках, под его милостью. Он все еще полностью одет, но в какой-то момент я позабочусь об этом.

Сначала, я позволю ему сделать то, что он хочет.

Что включает в себя то, что он на коленях передо мной, разводит мои ноги мягкими подталкиваниями руками, и оставляя нежные поцелуи на внутренней стороне моих бедер и выше, облизывая и посасывая меня до стонущих конвульсий. Когда я вернулась с дрожащей высоты, я поднимаю его с ног, стягиваю его рубашку, лаская его живот, грудь и плечи, целуя его всего, как делал он, затем помогаю ему спустить штаны и нижнее белье.

Когда мы оба обнажены, я забираюсь на постель, тянусь к ящичку ночного столика, и вытаскивая бутылку смазки. Глаза Доусона фиксируются на ней, затем передвигаются на меня.

— Часть три, — говорю я.

Он движется на кровати со мной и берет смазку, смотря на нее. Его выражение нерешительно и в тоже время наполнено надеждой.

— Какая третья часть?

Я забираюсь к нему на колени, потираясь о него влажными складками, и шепчу ему в ухо.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня в задницу.

Он делает глубокий вздох, опуская голову мне на плечо.

— Грей, малыш. Не говори так только потому, что думаешь, это то, чего я хочу...

— Это то, чего я хочу, — говорю я ему, потираясь об него, готовая к большему от него, нуждаясь в большем. — Я сказала это так, потому что тебе нравится, когда я так говорю,

но... я хочу, чтобы ты это сделал. Когда ты вот так вставляешь в меня палец, это хорошо ощущается, и я хочу больше.

Он ласкает меня, его ладони вырисовывают круги на моих плечах и вниз по спине, к моим бедрам, ягодицам.

— Ты уверена?

— Полностью. Я доверяю тебе, и я хочу тебя.

— Тогда я должен заставить тебя снова кончить.

— Ну, черт, — говорю я, улыбаясь в его рот.

Он смеется, и затем мы теряемся в поцелуе. Доусон тянется и вытаскивает шпильку из моих волос, освобождая несколько из них, и затем другую шпильку, и другую, и затем мои волосы опускаются вокруг моих плеч каскадом золотых волн. Он наклоняется вперед и опускает меня на спину, не разрывая поцелуй, и его рука находит мою ложбинку, ласкает меня, зарывается в мою сердцевину и кружит вокруг моего клитора. Его поцелуй отодвигается от моего рта к моему соску, и затем он снова спускается ниже, и два пальца внутри моих складок и средний палец другой его руки ищет мой узкий вход. Он замедляется, подводя меня к оргазму, на этот раз, и его палец скользит внутрь и наружу. Я задыхаюсь и дергаюсь, нуждаясь в освобождении, которое он не позволяет найти мне. Он подводит меня к краю и затем замедляется, и я схожу с ума от желания.

Я чувствую себя лишенной, когда его пальцы покидают меня, и затем я чувствую что-то влажное и холодное, смазывающее меня. И затем снова, и он толкается в меня пальцем, внутрь и наружу, и потом я испытываю чувство растягивания, и я понимаю, он добавил два пальца, и о, Боже, это слишком сильные слова, и я гадаю, как выживу с остальным, но это так интенсивно, так хорошо, так потрясающе, и я даже не могу составить слова.

Я позволяю коленям разойтись в сторону и молча поощряю его, и затем его пальцы покидают меня и он толкается на одном бедре. Я знаю, что это означает, чего он хочет. Я переворачиваюсь на живот, и он мягко приподнимает мои бедра, берет подушку и подкладывает ее под меня, и затем добавляет больше лубриката и я слышу, как он шуршит упаковкой презерватива; я поворачиваю голову, чтобы через плечо наблюдать за ним, его движениями, и завожусь еще больше от вида его рук вокруг его толстой длины.

О... О Боже.

Он касается кончиком члена моей задницы, и даже в муках нервного возбуждения я нелепо горжусь собой, что использую эти слова в моих мыслях. Он использует другую руку, касается ею моих складок, подводит меня к оргазму, наклоняется ко мне и тянется между моими ногами, лаская меня, находя мой клитор пальцами и потирая его, пока я качаюсь на руках и коленях в его прикосновениях, и он использует это движение, прижимая головку его эрекции к моей заднице, и затем я чувствую растягивание и сильную, сильную, сильную наполненность, такую сильную, и от этого немного больно, но он ждет, не двигается, и я медленно привыкаю к нему.

И затем он двигается, лишь немного.

— Доусон, ох, Боже, Доусон...

— Хорошо, малыш? — задает он вопрос с озабоченностью, изобилующей в его голосе.

Я могу лишь кивнуть и сдвинуть немного бедра. Его пальцы снова внутри меня, три пальца скользят в моей киске, как Доусон называет ее, и ко мне подступает оргазм, я распадаюсь на части, и затем он скользит немного дальше, и я громко стону, кусая подушку и громкий звук в моем горле, он такой дикий, что я не могу поверить, что он исходит от

меня. Это делает Доусона диким, животное рычание исходит от него, и Доусон медленно хоронит оставшуюся часть себя во мне. По какой-то причине, ощущение его тела исходящее от моей задницы, зная, что он похоронен глубоко в этом месте, это так эротично, что превосходит все мои дикие фантазии. Он брал меня сзади, конечно, но сейчас по - другому.

Не могу поверить, что вся его большая эрекция внутри меня, и не причиняет боли. Там присутствует осколок боли, но этого не достаточно, чтобы скрыть умопомрачительный экстаз.

И затем он выходит, так медленно, болезненно медленно, и я снова стону, каждый мускул дрожит в ответ, и это вызывает что-то глубоко внутри меня, что жаждет, пульсирует и превращается в пожар, ослепленная пульсированием таким интенсивным, что не могу дышать. Он немного скользит внутрь, и затем наружу, и я в немом крике кричу с открытым ртом, что превращается в настоящий вопль, высокий и бездыханный, когда он скользит внутрь.

Он делает это так медленно выходит и осторожно толкается, пока я больше не могу терпеть медлительность и я та, кто толкается своей задницей в его толчках, и сильнее, и еще сильнее. С каждым толчком, содрогающая боль в моей сердцевине нарастает, и я понимаю, это поднимается оргазм, но такой, какой я не испытывала раньше.

Он будет таким интенсивным, что я почти боюсь его.

Его руки ласкают мою спину, обе потирают мягкую кожу, и затем, когда наши тела встречаются в толчке, он держит мои бедра руками, пальцы впиваются в кожу и притягивают меня. О, мне это нравится. Мне нравится такое ощущение его рук на себе, поощряя меня, толкаясь отчаянно.

Он выходит из себя, рыча, его ритм сбивается, когда его толчки становятся сильнее и более хаотичными, и я теряю контроль рядом с ним. Мы стонем вместе, и у больше нет контроля над звуками, что я издаю; мои крики становятся громче и более хриплыми, более безумными.

Пульсирование внутри меня - это бездна, сокрушающее давление. Так сильно, так сильно.

И затем он взрывается, и я ослеплена, глуха, сметена порывом ракетной вспышки и катастрофическими встрясками, и хаотичной интенсивностью. Я не могу вместить это, и я знаю, мои крики должно быть оглушительные.

Я слышу что Доусон стонет, и мой оргазм содрогается и опадает, но я не чувствую, что он кончил. Он аккуратно и медленно выходит в кульминационный момент, оставляя меня с дрожащими толчками, и, когда он выскользывает полностью, я на самом деле хныкаю и чувствую потерю. Но он не закончил со мной. Он поднимает меня и переворачивает на спину, и я наблюдаю размытым зрением, как он стягивает с себя презерватив. Он тверже и больше, чем я его когда-либо видела, и каждый мускул его тела напряжен. Он становится на колени надо мной, целует свой путь вверх по моему телу, к моему рту, и затем он внутри меня, обнаженный внутри меня, и я плачу от удовольствия ощущать его там, знакомое блаженство его скольжения там, где он должен быть.

— Грей, о, Боже...

Я снова там, на краю оргазма с ним, но это ощущается больше как эмоциональный оргазм, ощущение такого взрыва, переполненности, обдирающая душу любовь к Доусону, что все мое существо дрожит от этого.

— Доусон... — шепчу я, и затем он удерживает меня ближе, почти безвольно падая на

меня, кроме его веса, удерживаемого на предплечьях, остальная часть его тела кожа к коже с моим, и я оборачиваю ноги вокруг его спины, а руки вокруг шеи, прижимаю губы к его уху и позволяю словам вылететь. — Доусон, я люблю тебя. О... дерьмо... я люблю тебя. Я хочу почувствовать, как ты сейчас кончаешь. Кончи для меня, малыш.

Он на самом деле скулит и кончает. Когда я произношу слово «малыш», он взрывается, распадается на части, становится полностью судорожным и отчаянным, каждый толчок - взрыв семени внутри меня, и он шепчет мое имя, судорожно выдыхая «я люблю тебя» мне в ухо, и я распадаюсь вместе с ним, дыша с ним, каждый вдох синхронизирован с его, каждый вздох сделан вместе, единственные слова, которые произносим это имена друг друга и «я люблю тебя».

Никогда не будет по-другому. Мир, время, история, любовь, вечность; все это сводится к Доусону, здесь, внутри меня, надо мной, со мной, с нами вместе.

Я прижимаю губы к его уху.

— С днем рождения, Доусон.

Он просто смеется и перекачивается со мной, устраивая меня в изгибе его руки. Немного позже, мы снова занялись любовью, не произнося ни слова.

• Эпилог •

Свадьба знаменитостей - это смешная вещь. Мы потратили так много денег, пригласили так много людей. Там было освещение в газете, недели спекуляций в газете и журналах, статья за статьей. Даже был специальный телевизионный выпуск, на котором мы давали интервью и позволяли камерам следовать за нами во время свадебного планирования.

Теперь я стараюсь не плакать, когда иду по проходу, моя рука в руке папочки. Фата свисает по моей спине, соединяясь с подолом моего платья, которое стоит около \$ 100.000. Это смешно, честно, учитывая, что я буду носить его всего пару часов. Но Доусон настаивал. Платье с такой ценой, ожидается на свадьбе такого масштаба. Там сотни цветов, они на всех скамьях и разбросаны по полу.

Это традиционная свадьба, для знаменитостей. В знак уважения моему отцу, Доусон убедился в этом.

Я смотрю на Доусона, наблюдая за его лицом, пока он работает над тем, чтобы скрыть эмоции при виде меня. Он никогда не был более привлекательным, чем в этот момент, одетый в сшитый на заказ винтажный смокинг, его волосы зачесаны в сторону, будто он вышел из фильма Кларка Гейбла. Его смокинг предназначен для взглядов, как и мое платье. Вся свадьба, по факту, винтажная, вдохновленная тридцатыми, вплоть до автомобиля, на котором мы собирались уехать: Rolls Royce Phantom 1937.

Папа передал мою руку Доусону, но прежде чем он это сделал, он наклоняется и шепчет мне.

— Я люблю тебя, Грей. Я так горжусь тем, кем ты стала. — Мои глаза наполняются слезами, когда я слышу слова, о которых мечтала всю свою жизнь. Папа шмыгает носом и моргает. — Выходи за него. Он хороший мужчина.

Я подхожу к Доусону и беру его руки. Я едва слышу пастора, но когда приходит время, я повторяю клятвы.

— Согласна. — Одно слово, и в нем так много смысла. Я была его, я всегда была его, и он мой. С первого дня, когда увидела его в VIP комнате в том ужасном месте, мы принадлежали друг другу. Но сейчас, сейчас мы полностью и официально связаны,

привязаны и соединены на постоянной основе.

Вечер это счастливое размытое пятно. Я на седьмом небе от счастья, охваченная и переполненная радостью. И затем пришло время первого танца.

Прожектор освещает край танцпола, освещая одну фигуру: Линдси Стирлинг. Она поднимает скрипку к плечу, делает паузу, а затем начинает играть «Элементы». Доусон и я двигаемся под музыку, танцуя поставленное и отрепетированное танго.

После всего, старый медленный танец не подошел бы для этой свадьбы.

Я всю свою жизнь так хорошо не танцевала; танец идет изнутри, и внутри, я наполнена чистым счастьем. Я получила все, о чем только могла просить, и кое-что еще.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

Поза в балете

[

←2

]

по имени Дэйзи Дьюк, героини сериала «Придурки из Хаззарда

[

←3

]

Роман Эрнеста Хэммингуэя

[

←4

]

«Ангелы Ада» (англ. Hells Angels) — один из крупнейших в мире мотоклубов, имеющий свои филиалы (так называемые "чаптеры") по всему миру. Входит, наряду с Outlaws MC, Pagans MC и Bandidos MC, в так называемую «большую четверку» outlaw-клубов и является наиболее известным среди них.